

А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ
**СТРАНА
БАГРОВЫХ ТУЧ**

ДЕТГИЗ • 1960

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1960

А.СТРУГАЦКИЙ, Б.СТРУГАЦКИЙ

**СТРАНА
БАГРОВЫХ ТУЧ**

*Научно-фантастическая
повесть*

рисунки
И.ИЛЬИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Научно-фантастическая повесть «Страна багровых туч» рассказывает о тяжелой и опасной, полной драматических событий экспедиции на Венеру, одну из самых малодоступных планет солнечной системы.

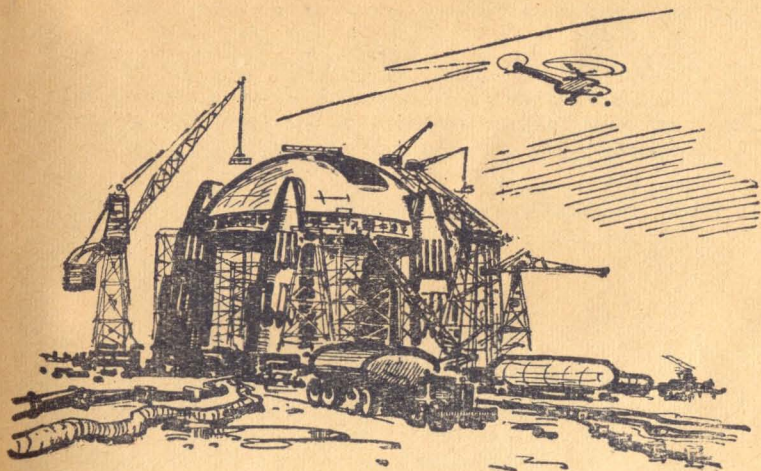
В конце XX века, в разгар великого завоевания человеком околосолнечного пространства, на Венере обнаружено необычайно богатое месторождение радиоактивных руд — «Урановая Голконда». Для штурма Венеры советские конструкторы создают межпланетный корабль нового типа — фотонную ракету «Хиус». Разведка таинственной «Урановой Голконды» и устройство на ее берегах первого ракетодрома поручено отборной шестерке отважных межпланетников.

О приключениях экспедиции в чудовищных болотах и черных пустынях Венеры, о «малиновом кольце» и «загадке Тахмасиба», о товариществе, долге и мужестве, о покорении Человеком природы — рассказывает эта научно-фантастическая повесть. Ее молодые авторы — востоковед Аркадий Стругацкий и астроном Борис Стругацкий уже опубликовали несколько научно-фантастических рассказов в журналах и продолжают писать в этом жанре. В настоящее время они работают над повестью, рассказывающей о дальнейшей судьбе героев «Страны багровых туч».

Часть первая

СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Секретарь поднял на Быкова единственный глаз:

— Из Средней Азии?

— Да.

— Документы...

Он требовательно протянул через стол темную, похожую на клешню руку с непомерно длинным указательным пальцем; трех пальцев и половины ладони у секретаря не было. Быков вложил в эту руку командировочное предписание и удостоверение. Неторопливо развернув предписание, секретарь прочел:

«Инженер-механик гобийской советско-китайской экспедиционной базы Быков Алексей Петрович направляется Министерством геологии для переговоров о дальнейшем прохождении службы. Основание — запрос ГКМПС от...»

Затем он мельком проглядел удостоверение, вернул его и указал на дверь, обитую черной клеенкой:

— Пройдите. Товарищ Краюхин вас ждет.

Быков спросил:

— Предписание останется у вас?

— Предписание останется у меня.

Быков пригладил волосы и одернул замшевую куртку. Ему показалось, что одноглазый секретарь смотрит на него не то с любопытством, не то с насмешкой. Он насутился, отворил дверь и вошел в кабинет.

В просторном и сумрачном кабинете окна были закрыты бамбуковыми шторами. Тускло отсвечивали голые пластмассовые стены. Пол был покрыт мягким красным

ковром. Быков огляделся, ища глазами хозяина кабинета, и возле широкого и пустынного письменного стола увидел две лысины. Одна лысина, бледная, даже какая-то сероватая, неподвижно возвышалась над спинкой кресла для посетителей. Другая, светло-шафрановая, наклонилась над папками по другую сторону стола и раскачивалась, словно ее обладатель недоверчиво обнюхивал лежащие перед ним кальки и голубые светоконии чертей.

Затем Быков увидел третью лысину: она принадлежала безобразно толстой фигуре в сером комбинезоне, развалившейся на ковре, неуклюже уткнувшись серой плешивой головой в угол между стеной и сейфом. От шеи под стол тянулась круглая веревка...

Быков неловко переступил с ноги на ногу, снова подергал «молнию» куртки и тревожно оглянулся на дверь. В этот миг шафрановая лысина исчезла. Послышалось сопение, и глухой, простуженный голос удовлетворенно произнес: «Великолепно держит! Великолепно!» И над столом медленно выросла громоздкая сутулая фигура в рабочем нейлоновом комбинезоне.

Человек этот был огромного роста, чрезвычайно широк в плечах и, вероятно, очень тяжел. Лицо его, обтянутое бурой изрытой кожей, казалось маской, тонкогубый рот сжат в прямую линию, а из-под мощного выпуклого лба холодно и внимательно уставились на Быкова круглые, без ресниц глаза.

— Что вам? — сипло осведомился он.

— Мне нужно видеть товарища Краюхина, — сказал Быков, опасливо покосившись на лысую фигуру, распростертую на ковре.

— Я Краюхин. — Человек с круглыми глазами тоже покосился на фигуру и снова уставился на Быкова.

Лысина в кресле оставалась неподвижной. Быков колебался секунду, сделал несколько шагов вперед и представился. Краюхин слушал, наклонив голову.

— Очень рад, — сдержанно сказал он. — Я ждал вас еще вчера, товарищ Быков. Прошу садиться. — Он указал громадной, словно лопата, ладонью в сторону кресла. — Сюда, пожалуйста. Освободите место и садитесь.

Ничего не понимая, Быков подошел к столу, повернулся к креслу и едва удержал нервный смешок. В кресле

лежал странный, похожий на водолазный скафандр, костюм из серой упругой ткани. Круглый серебристый коляпак с металлическими застежками выступал над спинкой.

— Снимите его, положите на пол, — сказал Краюхин.

Быков оглянулся на толстое чучело, лежавшее в углу возле сейфа.

— Это тоже спецкостюм, — нетерпеливо проговорил Краюхин. — Садитесь же!

Быков поспешно освободил кресло и сел, испытывая некоторое смущение. Краюхин не мигая глядел на него.

— Так... — Он побарабанил по столу бледными пальцами. — Ну что ж, товарищ Быков, будем знакомы. Зовите меня Николай Захарович, любите, так сказать, и жалуйте. Работать вам придется под моим руководством. Если, разумеется...

Резкий телефонный звонок прервал его. Он взял трубку.

— Одну минуту, товарищ Быков... Слушаю. Да, я...

Больше он не сказал ни слова, но в голубоватом свете от экрана видеофона Быков увидел, как его лицо сразу налилось краской и на голых висках вспухли темные узлы вен. По-видимому, речь шла об очень серьезных вещах. Из деликатности Быков опустил глаза и стал рассматривать спецкостюм, лежащий на ковре рядом с креслом. Через раскрытый ворот можно было видеть внутренность шлема. Быкову показалось, что сквозь него он различает грубый узор ковра, хотя снаружи серебристый шар был совершенно непрозрачен. Быков нагнулся, чтобы разглядеть шлем получше, но в этот момент Краюхин положил трубку и щелкнул переключателем.

— Вызвать Покатилова! — сильным шепотом приказал он.

— Есть! — отозвался кто-то невидимый.

— Через час.

— Есть через час!..

Снова щелкнул переключатель, и все стихло. Быков поднял глаза и увидел, что Краюхин с силой трет ладонями лицо.

— Так, — проговорил он спокойно, заметив, что Быков смотрит на него. — Вот ведь тупица! Как об стену горох... Прошу прощения, товарищ Быков. На чем мы... Да-да... Еще раз прошу прощения. Так вот, разговор у

нас с вами будет серьезный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу... Прежде всего я хотел бы поближе познакомиться с вами. Расскажите о себе.

— Что именно? — спросил Быков.

— Прежде всего биографию.

— Биографию? — Инженер подумал. — У меня очень простая биография. Родился в 19.. году в семье водника, под Горьким. Отец умер рано, мне еще трех лет не было. Воспитывался и учился в школе-интернате до пятнадцати лет. Потом четыре года работал помощником моториста и мотористом реактивных глиссеро-амфибий на Волге. Хоккеист. В составе сборной «Волга» участвовал в двух олимпиадах. Поступил в высшее техническое училище наземного транспорта. Это бывшая школа автобронетанковых войск. («Зачем так много говорю?» — кольнула неприятная мысль.) Окончил по отделению экспедиционного ядрореакторного транспорта. Ну... послали в горы, в район Тянь-Шаня... Потом в пески, в Гоби... Там и служил. Там вступил в партию. Что еще? Вот и все.

— Да, биография простая, — согласился Краюхин. — Значит, вам сейчас тридцать три?

— Через месяц исполнится тридцать четыре.

— И не женаты, конечно?

Такой выпад со стороны начальника показался Быкову довольно бестактным. Инженер не любил намеков на свою наружность. Кроме того, ему была известна по крайней мере одна женщина, для которой обожженное солнцем лицо, туплеобразный нос и рыжие жесткие волосы не играют решающей роли.

— Я хочу сказать, — продолжал Краюхин, — что еще полгода назад вы, кажется, были холостяком.

— Да, — сухо ответил Быков, — я и сейчас холостяк. Пока...

Он вдруг понял, что Краюхин знает о нем многое и задает вопросы не потому, что интересуется ответами, а чтобы составить «личное впечатление», или с какой-то другой неясной целью. Это было неприятно, и Быков насторожился.

— Пока я холостяк, — повторил он.

— Следовательно, — сказал Краюхин, — близких родственников у вас нет?

— Следовательно, нет.

— И вы, так сказать, совершенно одиноки и независимы...

— Да, одинок. Пока одинок.

— Где, вы говорите, служили в последнее время?

— В Гоби...

— Давно?

— Три года...

— Три года! Все время в пустыне?

— Да. Конечно, были небольшие перерывы. Командировки, курсы... Но в основном в пустыне.

— Не надоело?

Быков подумал.

— Сначала было тяжело, — проговорил он осторожно. — Потом привык. Конечно, служить там нелегко. — Он вспомнил огненное небо и черные океаны песка. — Но ведь и пустыню можно полюбить...

— Вот как? — сказал Краюхин. — Полюбить пустыню? И вы любите?

— Привык, конечно.

— Ваша последняя должность?

— Начальник колонны атомных транспортеров-вездеходов гобийской экспедиционной базы.

— Следовательно, машины хорошо знаете?

— Смотря какие...

— Вот хотя бы эти ваши атомные вездеходы.

Вопрос показался Быкову праздным, и он промолчал.

— Скажите, это вы в прошлом году руководили спасением экспедиции Дауге?

— Я.

— Молодец, отлично справились! Без вас они бы погибли.

Быков пожал плечами:

— Для нас это был довольно обычный марш-бросок, только и всего.

Глаза Краюхина сузились.

— Но ведь и ваши люди пострадали, если мне память не изменяет.

Быков покраснел — при его цвете лица это выглядело устрашающе — и сказал со злостью:

— Была черная буря! Я не хвастаюсь, товарищ Кра-

юхин. Марши под музыку бывают только на парадах. А в песках это сложнее.

Ему было неловко и досадно. Краюхин с неопределенной усмешкой разглядывал его.

— Так-так... Сложнее... Три года в песках. Это немало. Это хорошо. Скажите, товарищ Быков, вы чем-либо, помимо службы, увлекаетесь?

Быков озадаченно посмотрел на него:

— В каком смысле?

— Чем вы занимаетесь во внеслужебное время?

— Гм... Читаю, конечно. Играю в шахматы.

— Ведь у вас, кажется, кое-какие работы есть?

— Есть.

— Много?

— Нет, не много. Две статьи в журнале «Гусеничный транспорт».

— О чем писали?

— Ремонт моторных реакторов в полевых условиях. Личный опыт.

— Ремонт моторных реакторов... Очень интересно. Кстати, кроме хоккея, чем в спорте интересуетесь?

— Самбист... Инструктор.

— Это хорошо. Так. А астрономией вы никогда не интересовались?

Быкову показалось, что Краюхин издевается над ним. Он ответил:

— Нет, астрономией не интересовался.

— Жаль!

— Возможно...

— Дело в том, Алексей Петрович, что ваша работа у нас будет до известной степени, так сказать, связана с этой наукой.

Инженер нахмурился:

— Простите, не совсем понимаю...

— Что вам сказали, когда откомандировали к нам?

— Сказали, что направляют для переговоров об участии в научной экспедиции. Временно...

— В какой экспедиции, не говорили?

— Куда-то в пустыни на поиски редких руд.

Краюхин хрустнул бледными пальцами и положил ладони на стол.

— Да, разумеется, — пробормотал он. — Вполне ес-

тественно. Этого они не знают. Так вот, Алексей Петрович, — сказал он со вздохом. — Разумеется, астрономия здесь ни при чем. Точнее, почти ни при чем. Еще точнее: для вас ни при чем. Это неважно, что вы не интересовались астрономией. Вам она вряд ли понадобится. Ну, в крайнем случае кое-что почитаете, кое-что вам расскажут. Но все дело в том, что работать вам придется не здесь. Так сказать, не на Земле.

Быков беспокойно моргнул. Ему снова вдруг стало не по себе, как полчаса назад, когда он переступил порог этого кабинета.

— Боюсь, что... не понимаю вас, — с запинкой проговорил он. — Не на Земле? На Луне, быть может?

— Нет, не на Луне. Гораздо дальше.

Это походило на очень странный сон. Краюхин, положив подбородок на сплетенные пальцы, говорил:

— Чему вы так удивляетесь, Алексей Петрович? Люди летают на другие планеты уже тридцать лет. Вы полагаете, это какие-то другие, особые люди? Ничего подобного. Обыкновенные люди, такие же, как вы. Люди разных специальностей. Я, например, убежден, что из вас вышел бы незаурядный межпланетник. Кстати, многие межпланетники пришли к нам, так сказать, извне — например из авиации. Я понимаю, вам, инженеру с сугубо «земной» специальностью, возможность участия в таком деле просто не приходила в голову. Но вот обстоятельства сложились так, что мы посылаем экспедицию на Венеру, и нам нужен человек, отлично знающий условия работы в песках. Вряд ли тамошние пески сильно отличаются от вашей любимой Гоби. Только будет несколько труднее...

Быков вдруг вспомнил:

— Урановая Голконда!

Краюхин быстро, внимательно взглянул на него:

— Да, Урановая Голконда. Вот видите, вы уже почти все знаете.

— Венера... — медленно сказал Быков. — Урановая Голконда... — Он покачал головой и усмехнулся. — Я — и вдруг на небо! Невероятно!

— Ну, не такой уж вы грешник. И, кроме того, мы вас не в райские кущи посылаем. Но, может быть... — Краюхин наклонился и понизил голос, — вы боитесь?

Быков подумал.

— Конечно, страшно, — признался он. — И даже просто страшно. Ведь я... я могу и не справиться. Правда, если от меня требуется только то, что я знаю и умею, то почему же нет? — Он посмотрел на Краюхина и улыбнулся. — Нет, настолько, чтобы отказаться, я не боюсь. Понимаете, все это очень неожиданно. И потом, почему вы... Вы уверены, что я справлюсь?

— Я совершенно убежден, что вы справитесь. Разумеется, там будет трудно, очень и очень трудно, будут, вероятно, опасности, о которых мы пока даже и не подозреваем... Но вы справитесь.

— Вам виднее, товарищ Краюхин.

— Да, я полагаю, мне виднее. Так что же, Алексей Петрович, будем считать, что вы не кинетесь сейчас в свое министерство и не будете умолять освободить вас по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам?

— Товарищ Краюхин!

— А вы как думали? — Лицо Краюхина потемнело. — И не такие, как вы, сидя вот в этом самом кресле, трусили прискорбнейшим образом. — Он провел ладонью по лицу. — Откровенно говоря, я давно уже держу вас на примете и рад, что не ошибся.

Быков смущенно хмыкнул и стал смотреть в сторону. Затем, спохватившись, спросил:

— Откуда вы меня знаете, товарищ Краюхин?

— По походу за экспедицией Дауге. Это была экспедиция нашего ведомства, и с тех пор я взял вас на заметку. Затребовал ваши характеристики и все прочее. Вот пришла пора, и мы пригласили вас.

— Понятно.

— Обычно принято давать время на размышление. Неделю, иногда месяц. Но сейчас мы ждать не можем. Решайте, Алексей Петрович. Предупреждаю: если вы хоть чуть-чуть колеблетесь, отказывайтесь сразу. В обиде не будем.

Быков засмеялся:

— Нет, товарищ Краюхин, не откажусь. Если вы считаете, что я справлюсь, то не откажусь. Согласен. Неожиданно это, конечно, но ничего, привыкну. Согласен.

— Вот и прекрасно.

Краюхин спокойно кивнул и взглянул на часы.

— Теперь вот что. Экспедиция продлится сравнительно недолго, не дольше полутора месяцев. Устраивает?

— Устраивает...

— Объяснять подробно предстоящую работу сейчас не буду. Узнаете позже. Времени у нас в обрез. Прошу учесть только, что завтра мы вылетаем.

— Завтра? На Венеру?

— Нет, на Венеру не так скоро. Пока поработаем на Земле. Только не в Москве, а в другом месте. Кстати, где ваш багаж?

— Внизу, в гардеробной. Вещей у меня немного — чемодан и полевая сумка. Я не думал...

— Это неважно. Где хотите остановиться? Я бы рекомендовал «Прагу». Это здесь, рядом.

Быков кивнул:

— Знаю. Хорошая гостиница.

— Очень хорошая. Сейчас я вас отпускаю, а через... — он снова посмотрел на часы, — часа через два с небольшим, ровно в семнадцать ноль-ноль, товарищ космонавт, снова приходите сюда. Здесь вы кое-что узнаете. Вы не обедали? Разумеется, не обедали. Столовая на тринадцатом этаже. Пообедайте, отдохните в библиотеке или в клубе — это тоже здесь, не выходя из здания, — и в семнадцать ноль-ноль возвращайтесь. Ну, ступайте. Я сейчас буду, так сказать, намыливать кое-кому шею.

Быков, все еще немного взволнованный, встал и, поколебавшись, задал давно уже мучивший его вопрос:

— Товарищ Краюхин, как называется это учреждение полностью? В предписании написано «ГКМПС», но я, кажется, расшифровал неправильно.

— ГКМПС — это Государственный комитет межпланетных сообщений при Совете Министров. Я — заместитель председателя комитета.

— Спасибо, — сказал Быков.

«Комитет межпланетных сообщений, — пробормотал он, поворачиваясь к двери. — Ну конечно... Я думал — Государственный комитет международных политехнических связей... Такое же сокращение...»

В дверях Быков столкнулся с каким-то долговязым человеком, неудержимо устремившимся в кабинет. Быков успел только разглядеть, что человек носил большие

очки в роскошной черной оправе и был чрезвычайно бледен. Посетителя он не заметил и, толкнув его в грудь, прямо с порога начал:

— Николай Захарович!..

— Где шестой реактор? — услышал Быков зловещий сиплый бас Краюхина.

— Но позвольте, Николай!..

— Я спрашиваю, где шестой реактор?

Инженер Быков закрыл дверь и шагнул к выходу из приемной. Темнолицый секретарь проводил его одиноким глазом и снова склонился над столом.

ЭКИПАЖ «ХИУСА»

«Венера — вторая по порядку от Солнца планета. Среднее расстояние от Солнца 0,723 астрономических единицы = 108 млн. км... Полный оборот вокруг Солнца В. совершает в 224 дня 16 часов 49 мин. 8 сек. Средняя скорость движения по орбите 35 км/сек... В. — самая близкая к нам планета. При прохождении между Землей и Солнцем ее расстояние от Земли может составлять 39 млн. км... Когда В. проходит за Солнцем, она находится от Земли на удалении в 258 млн. км... Диаметр В. составляет 12 400 км, сжатие незаметно. Принимая данные для Земли за 1, для В. будем иметь: диаметр 0,973, площадь поверхности 0,95, объем 0,92, сила тяжести на поверхности 0,85, плотность 0,88 (или 4,86 г/см³), масса 0,81... Период вращения вокруг оси составляет около 57 часов... В. окружена чрезвычайно плотной атмосферой из углекислоты и угарного газа, в которой плавают облака кристаллического аммиака... В настоящее время изучение В. производится с нескольких временных и постоянных искусственных спутников, два из которых принадлежат АН СССР. Ряд попыток высадиться на В. (Абросимов, Нисидзима, Соколовский, Ши Фэнь-ю, и др.) и предпринять непосредственное исследование ее поверхности не увенчался успехом».

Быков посмотрел на цветную фотографию Венеры — на бархатно-черном фоне желтоватый диск, тронутый голубыми и оранжевыми тенями, — и захлопнул тяжелый том. «Ряд попыток высадиться... и предпринять непосред-

ственное исследование... не увенчался успехом...» Коротко и ясно. Да, попытки были. Быков стал вспоминать все, что было ему известно из книг и газет, из телевизионных лекций и коротких, сухих сообщений ТАСС.

К концу третьего десятилетия после первых лунных перелетов почти все объекты в пределах полутора миллиардов километров от Земли были уже знакомы человеку. Появились новые науки — планетология и планетография Луны, Марса и Меркурия, крупных спутников больших планет и некоторых астероидов. Межпланетники — особенно те, кому приходилось месяцами и даже годами работать вдали от Земли, — привыкли к зыбким напластованиям вековой пыли на равнинах Луны, к красным пустыням и худосочным рошицам марсианского саксаула, к ледяным пропастям и добела раскаленным горным плато на Меркурии, к чужим небесам со многими лунами, к Солнцу, похожему на яркую звездочку. Сотни кораблей пересекали солнечную систему по всем направлениям. Наступал новый этап завоевания пространства человеком — время освоения «трудных» больших планет: Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Венеры.

Венера была в числе первых объектов внимания земных исследователей. Ее близость к Земле и к Солнцу, известное сходство некоторых ее физических характеристик с земными и вместе с тем полное отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о ее строении влекли к ней межпланетников в первую очередь.

Сначала, как всегда, в ход были пущены беспилотные устройства¹. Результаты оказались обескураживающими. Плотная, напоминающая океанский ил, облачность ничего не позволила увидеть. Сотни километров обычной и инфракрасной пленки показывали одно и то же: белую однородную завесу непроницаемого — видимо, очень толстого — слоя тумана. Не оправдала надежд и радиооптика. В атмосфере Венеры радиолучи либо бесследно поглощались, либо отражались от самых верхних ее слоев. Экраны локаторов оставались черными либо сияли ровным, ничего не означающим светом. От телемеханических и кибернетических танкеток-лабораторий,

---

¹ Наиболее сложные научно-технические выражения и термины разъясняются в примечаниях в конце книги.

которые так блестяще показали себя при предварительных исследованиях Луны и Марса, никаких известий не поступило. Они бесследно и навсегда затерялись где-то на дне этого плотного океана розовато-серой облачной массы.

Тогда на штурм Венеры двинулись смельчаки. Три экспедиции, оснащенные самой передовой по тому времени техникой, на лучших в мире межпланетных кораблях одна за другой нырнули в атмосферу загадочной планеты. Первый корабль сгорел, не успев подать о себе никаких вестей (наблюдатели зафиксировали тусклую вспышку на том месте, куда погрузился планетолет). Вторая экспедиция сообщила, что идет на посадку и — через двадцать минут — что их корабль несет атмосферными течениями невероятной силы. Затем она замолчала навсегда. Третьей экспедиции удалось благополучно сесть на поверхность планеты. По каким-то капризам прихотливой венерианской атмосферы оказалось возможным поддерживать с высадившимися связь в течение целых суток. Начальник экспедиции сообщал о песчаных бурях, о смерчах, срывающих с места целые скалы, о багровой тьме, окутывающей все вокруг. Затем замолчала и эта экспедиция, а через несколько дней кто-то быстро проговорил в микрофон: «Горячка, горячка, горячка...» На этом связь оборвалась.

Гибель трех экспедиций в такой короткий срок — это слишком! Стало очевидно, что штурмовать Венеру можно лишь после новой, самой тщательной подготовки. Необходима была кропотливая, всесторонняя и глубокая разведка. Международный конгресс космогаторов разработал план изучения Венеры, рассчитанный на пятнадцать лет. Для исследовательских работ человечество двинуло весь богатейший арсенал науки и техники. Было построено несколько искусственных спутников-обсерваторий, оборудованных сотнями автоматических устройств. Применялись самоходные лоты-разведчики, инфракрасная и электронная оптика, ионоскопические устройства и многое другое. Полученная информация неустанно обрабатывалась крупнейшими электронно-счетными машинами мира. Стратосфера Венеры была изучена с доскональностью, поражающей самих ученых. Установили, наконец, с необходимой точностью период вращения Венеры вокруг

оси. Составили в общих чертах карту горных цепей Венеры. Измерили ее магнитные поля. Работы велись методично и целеустремленно.

Французский искусственный спутник установил на Венере область повышенной ионизации. Через некоторое время это открытие подтвердили советские, китайские и японские исследователи. Оказалось, что область сверхвысокой ионизации, занимающая примерно полмиллиона квадратных километров, фиксируется периодически на определенном участке поверхности планеты, что она не связана с толстым слоем облаков и, следовательно, вероятность ее атмосферного происхождения исключается. Оставалось предположить, что источник ионизации связан с твердой поверхностью Венеры. Если ионизация вызвана радиоактивным излучением, то источником его могли быть только радиоактивные руды неслыханной концентрации. Название «Урановая Голконда» напрашивалось само собой.

Теперь дело приняло другой оборот. В отношении тяжелых активных элементов человечество все еще оставалось на голодном пайке. Технология добычи рассеянных элементов развивалась медленно; во всяком случае, спрос на актиноиды намного превышал продукцию обоганительных предприятий, а искусственное их получение обходилось слишком дорого. Чисто академический научный интерес к Венере дополнился интересом более практическим.

Снова последовал ряд экспедиций. Погиб Соколовский, вице-президент Международного конгресса космонавтов. Ослепшим калекой вернулся в Нагоя бесстрашный Нисидзима. Пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю. Очевидно, старые штурмовые средства не годились для этой планеты. Она словно издевалась над усилиями людей. Анализ скудных данных о причинах гибели экспедиций показал, что условием успешной высадки на Венере может быть только отказ от прежних форм и принципов техники межпланетных полетов. Международный конгресс призвал временно воздержаться от новых попыток со старыми средствами и учредил премию за разработку нового вида межпланетного транспорта, годного для преодоления кипящего панциря венерианской атмосферы. В СССР полным ходом шли работы по

созданию фотонной ракеты. Другие страны тоже искали новые пути.

За два года до начала нашего повествования в центральных газетах промелькнуло сообщение о том, что на самом крупном искусственном спутнике Земли, «Вэйдады Ю-и» — «Великая дружба», — советские и китайские мастера безгравитационного литья — литья в условиях невесомости — приступили к отливке корпуса первой фотонной ракеты. И, может быть, именно на этой ракете суждено Быкову и его товарищам прорваться к венерианским пустыням... которые «вряд ли сильно отличаются от вашей любимой Гоби».

Фотонная ракета или атомная, отличаются пески Венеры от земных или нет, — но очевидно, что экспедиция отправляется не на готовенькое. Межпланетные перелеты, а главное — работа на других планетах, дело трижды трудное и сложное. Для завоевания Венеры и богатств полумифической Урановой Голконды нужны огромные знания, железное здоровье, необыкновенная выдержка. Нужно быть истым межпланетником, то есть одним из тех героев, которых показывают в кино и встречают с цветами, или... хоронят в мрачных пропастях бесконечного пространства. Хватит ли знаний, здоровья, выдержки у скромного инженера Быкова? Впрочем...

Краюхину виднее. Краюхин — заместитель председателя ГКМПС, Государственного комитета межпланетных сообщений. И, если Краюхин уверен, что Быков справится, значит, Быков справится. В самом деле, эти межпланетники такие же люди! Раз могут они, сможет и он.

Быков поймал себя на том, что пристально смотрит прямо в глаза хорошенькой девушке-библиотекарю за столиком напротив. Девушка нахмурилась, затем не удержалась — рассмеялась. Быков насупился. Да, надо послать в Ашхабад телеграмму, что командировка будет длительной. Жаль, нельзя повидаться перед экспедицией... Но что бы это дало? Разве можно в несколько минут высказать то, о чем не решался заговорить несколько лет? Предоставим все судьбе. Когда он вернется... (в памяти возникло фото из иллюстрированного журнала: герои космических пространств вернулись из трудного рейса — цветы, улыбки, поднятые для

приветствия руки...) когда он вернется, то возьмет отпуск и поедет в Ашхабад. Он подойдет к одному дому, нажмет кнопку звонка, и тогда...

Быков взглянул на часы. До пяти оставалось несколько минут. Он встал, с легким поклоном вернул улыбающейся девушке том энциклопедии и пошел к Краюхину.

В приемной одноглазый секретарь кивнул ему как старому знакомому. Быков еще раз взглянул на часы (было без минуты пять), провел ладонью по волосам, одернул гимнастерку и решительно распахнул дверь в кабинет.

Ему показалось, что он попал в другое помещение. Шторы были подняты, в настежь раскрытые окна веселым потоком врвалось солнце, заливая светлые бархатистые пластмассовые стены. Кресло у стола было сдвинуто в сторону, на нем все еще лежал, свесив через спинку серебристый колпак, скафандроподобный спецкостюм. Ковер, свернутый рулоном, протянулся вдоль стены. Посреди кабинета, на блестящем паркете, стоял странный предмет, смахивающий на громадную серую черепаху о пяти толстых, как тумбы, ногах. Сферический гладкий панцирь возвышался над полом не меньше чем на метр. Черепаху окружало, присев на корточки, несколько человек.

Когда Быков вошел, один из них, широкоплечий и сутулый, в черных очках-консервах, закрывающих половину лица, поднял голову с лоснящейся на солнце желтой лысиной и сиплым голосом Краюхина произнес:

— Вот он! Товарищи, представляю вам шестого члена вашего экипажа, инженера Алексея Петровича Быкова.

Все повернулись к нему — рослый, очень красивый человек в легком изящном костюме, багровый от жары толстяк с наголо обритой головой, смуглый черноволосый парень, вытиравший жилистые руки клочком промасленной пакли, и... Дауге, старый, добрый друг Григорий Иоганнович Дауге, такой же тощий и нескладный, как в прошлом году в Гоби, только не в шароварах и косынке, а в нормальном городском костюме. Дауге глядел на Быкова и приветливо кивал ему, улыбаясь во весь широкий рот.

— Знакомьтесь, — сказал Краюхин. — Владимир Сергеевич Юрковский, замечательный геолог и опытный межпланетный путешественник...

Красавец в изящном костюме слабо, словно нехотя, пожал руку Быкова и отвернулся с безразличным видом. Быков покосился на Краюхина. Ему показалось, что в круглых глазах Краюхина вспыхнули и сразу же погасли веселые огоньки.

— ...Богдан Богданович Спицын, пилот, один из лучших в мире космонавтов. Участник первых экспедиций в пояс астероидов.

Черноволосый парень блеснул великолепными зубами. Рука его была горячая и твердая, как железо.

— ...Михаил Антонович Крутиков, — продолжал Краюхин. — Штурман. Гордость нашей советской космонавтики.

— Ну, уж вы скажете, Николай Захарович! — забормотал толстяк, смутившись, словно девушка, и дружелюбно глядя снизу вверх на Быкова. — Товарищ Быков в самом деле может подумать... Очень рад познакомиться, очень приятно, товарищ Быков...

— ...Наконец... Впрочем, тут, мне думается, представлений не требуется.

Быков и Дауге обнялись.

— Отлично, Алексей, отлично! — шепнул Дауге.

— Глазам не верю! Иоганыч, это ты?

— Я, Алексей!

Краюхин дотронулся до локтя Быкова:

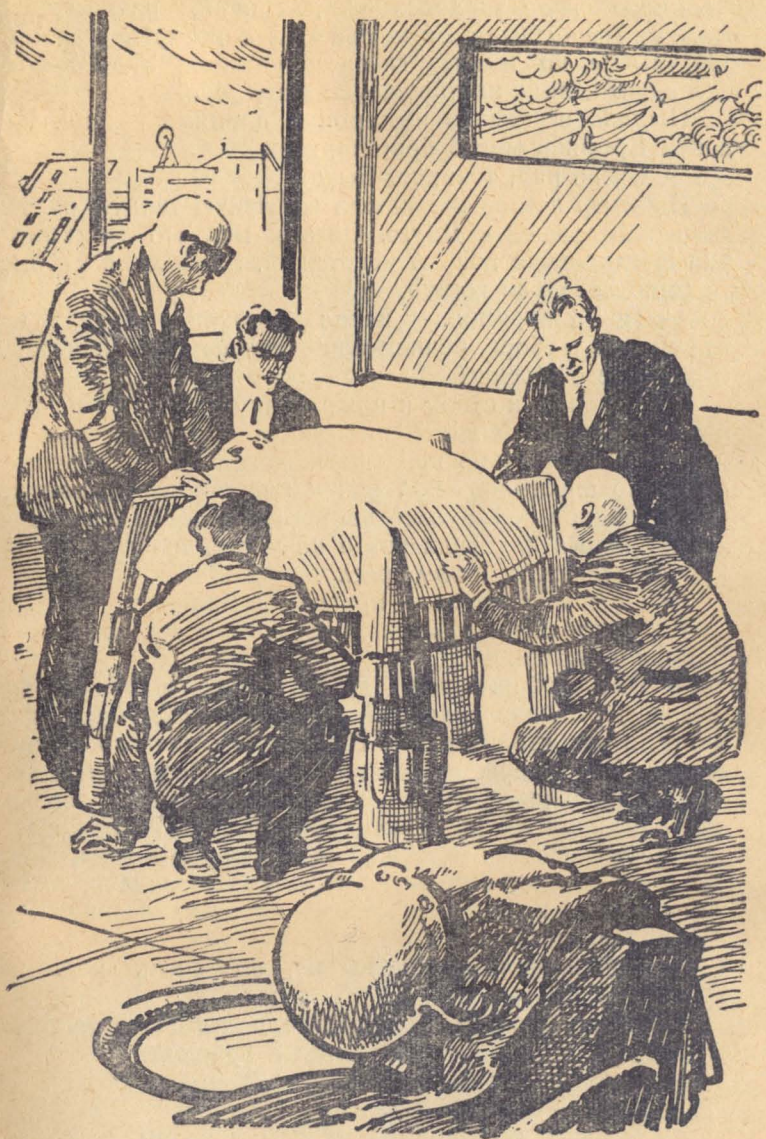
— Командир корабля и начальник экспедиции...

Быков обернулся. В дверях стоял невысокий стройный человек, очень бледный и совершенно седой, хотя по лицу его, тонкому, с четкими, правильными чертами, ему нельзя было бы дать больше тридцати пяти лет. Видимо, он вошел вслед за Быковым и остановился, наблюдая нехитрую церемонию представления.

— ...Анатолий Борисович Ермаков.

Быков, услышав фамилию, несколько месяцев назад не сходившую с газетных страниц, вытянулся и опустил руки по швам. Есть люди, абсолютное превосходство которых над собой чувствуешь с первого взгляда. Таким человеком, несомненно, был Ермаков. Быков физически ощущал в нем огромную силу воли, нестигаемую, почти

На полу посреди кабинета стоял странный предмет, похожий на громадную серую черепаху.

жестокую целенаправленность, гибкий, разносторонний ум. Твердый рот Ермакова был приоткрыт в вежливой улыбке, но темные глаза ощупывали лицо нового члена экспедиции настороженно и пытливо.

Прошло несколько нестерпимо длинных секунд. Наконец Ермаков мягко проговорил:

— Очень рад, товарищ Быков.

Инженер осторожно пожал его узкую теплую руку и поспешно отошел к Дауге. Он заметил, что лоб Григория Иоганновича покрыт испариной. Впрочем, в кабинете было довольно жарко.

— Так, товарищи... — начал Краюхин. — Теперь, когда мы все в сборе, начнем наше совещание — последнее совещание в Москве.

Он подошел к столу и нажал одну из кнопок на эбонитовом щите у видеофона. Раздалось глухое жужжание. Быков невольно попятился, когда серая черепаха медленно опустилась под пол и над широким квадратным колодцем сомкнулись паркетные створки люка. Дауге и Спицын накатили ковер на место, толстый Крутиков пододвинул к столу кресло.

— Прошу садиться, — пригласил Краюхин.

Все расселись на легких стульях красного дерева. Воцарилась тишина.

— Рад сообщить вам, друзья мои, — начал Краюхин, — что приказ подписан. Приказ подписан два часа назад, и все, что касается, так сказать, личного состава экспедиции, утверждено безоговорочно. Поздравляю вас!

Никто не шевельнулся, только красавец Юрковский вдруг вскинул голову и мельком взглянул на Быкова.

— Что касается задачи... — Краюхин помолчал, поднес к очкам лист бумаги. — Что касается задачи, то тут комитет счел нужным внести кое-какие изменения. Вернее, дополнения.

— Начинается... — недовольно, но очень негромко проворчал Дауге.

Зазвонил телефон. Краюхин поднял и снова положил трубку, щелкнул переключателем и буркнул:

— У меня совещание.

— Есть! — отозвался кто-то.

— Так вот, товарищи. В общем и целом, как говорится, все остается, как было в проекте. Комплексная за-

дача — испытание новой техники и геологический поиск на Венере. Поскольку среди нас есть новичок, который совершенно не в курсе наших дел, а также памятуя, что повторение, так сказать, мать учения... да и вообще не бесполезно будет довести до вас содержание этой части приказа дословно, читаю выдержку: «Параграф восьмой. Цель экспедиции состоит в том, чтобы, во-первых, провести всесторонние испытания эксплуатационно-технических качеств нового вида межпланетного транспорта — фотонной ракеты «Хиус». Во-вторых, высадиться на Венере в районе месторождения радиоактивных руд «Урановая Голконда», открытого два года назад экспедицией Тахмасиба — Ермакова...»

Быков шумно вздохнул. Дауге предостерегающе положил руку на его колено.

— «...и провести его геологическое обследование. Параграф девятый. Задача геологической группы экспедиции состоит в определении границ месторождения «Урановая Голконда», в сборе образцов и приближенном расчете запасов имеющихся там радиоактивных ископаемых. По возвращении представить в комитет соображения об экономической ценности месторождения». Все как было, не правда ли? — сказал Краюхин. — А вот пункт, которого в проекте не было. Слушайте: «Параграф десятый. Задачей экспедиции является отыскание посадочной площадки не далее 50 километров от границ месторождения «Урановая Голконда», удобной для *всех* видов межпланетного транспорта, и оборудование этой площадки автоматическими ультракоротковолновыми маяками конструкции Усманова—Шварца с питанием от местных ресурсов».

Краюхин положил бумагу и оглядел слушателей. Некоторое время все молчали. Затем Юрковский, великолепно заломив густую черную бровь, произнес:

— Кто же будет этим заниматься?

— Станный вопрос, Владимир Сергеевич, — усмехнулся Краюхин.

— Прекрасно, прекрасно, площадку мы отыщем, — быстро заговорил Дауге. — В крайнем случае, построим. Но вот относительно маяков... Действительно, дело это, видимо, тонкое и требует специальных знаний...

— Вот это уже, дорогие товарищи, не моя забота. Это

забота начальника экспедиции. — Краюхин достал из стола папиросу, закурил. — Так ведь, Анатолий Борисович?

Быков с любопытством повернулся к Ермакову. Тот равнодушно кивнул.

— Я думаю, — медленно сказал он, — мы справимся. В нашем распоряжении еще по крайней мере полтора месяца, если я не ошибаюсь. За это время мы вполне сможем ознакомиться с особенностями конструкции маяков и провести две—три пробные сборки. Это не столь уж «тонко»...

— Только учтите, — перебил его Краюхин, — что полтора месяца я вам на это не дам. Даже месяца не дам.

— Что ж, раз так — будет достаточно и трех недель. — Ермаков опустил глаза и стал рассматривать свои длинные тонкие пальцы. — Разумеется, если вы обеспечите нам эту возможность.

— Я не понял, — не дождавшись ответа Краюхина, вмешался Юрковский, — что значит «с питанием от местных ресурсов»? Так, кажется, там написано?

— Это значит, Владимир Сергеевич, что источник энергии для маяка вам придется отыскивать там, на месте, — сказал Краюхин. — Впрочем, я думаю, для наших техников этот вопрос ясен, так?

Крутиков торопливо закивал, а Спицын проговорил, улыбаясь:

— Это-то понятно... Радиоэлементы, если Голконда хоть вполовину так богата активными веществами, как говорят, или термоэлементы... Но... Да что говорить! Приказ есть приказ.

— Одно дело — приказать, другое дело — выполнять, — хмуро пробормотал Юрковский. — Во всяком случае, следовало бы этот пункт предварительно согласовать с нами, а потом уже отдавать в приказе.

«Почему Краюхин не оборвет этого распутившегося пижона?» — сердито подумал Быков.

Прямой, как разрез бритвой, рот Краюхина растянулся в насмешливую улыбку:

— Вам кажется, Владимир Сергеевич, что экспедиции это не под силу?

— Не в этом дело...

— Конечно, не в этом! — резко сказал Краюхин. — Конечно, не в этом! Дело лишь в том, что из восьми ко-

раблей, брошенных на Венеру за последние двадцать лет, шесть разбилось о скалы. Дело лишь в том, что «Хиус» посылается не только... и не столько ради ваших геологических восторгов, Владимир Сергеевич. Дело лишь в том, что вслед за вами пойдут другие... десятки других, сотни других. Венеру... Голконду оставлять без ориентиров больше нельзя. Нельзя, черт побери! Или там будут надежные автоматические маяки, или мы будем вечно посылать людей почти на верную гибель. Неужели это, так сказать, непонятно вам, Владимир Сергеевич?

Он закашлялся, отбросил папиросу и вытер платком лысину. Юрковский, мгновенно ставший пунцовым, смотрел в сторону. Все молчали. Дауге подтолкнул Быкова локтем:

— Вот так нашего брата из высоких эмпиреев стаскивают на землю.

— Погоди, Иоганыч! — досадливо прошептал Быков. — Дай послушать.

Он все еще плохо представлял себе замысел и средства экспедиции. Пока было ясно, что по крайней мере одна высадка на Венере все же прошла удачно. Высадка экспедиции Тахмасиба — Ермакова. Урановая Голконда не была мифом.

— ...Полагаю, нам не придется менять расчеты перелета? — спросил Ермаков.

— Нет, расчеты не меняются. Михаилу Антоновичу следует ориентироваться на старт пятнадцатого—восемнадцатого августа.

Штурман Крутиков заулыбался, закивал головой.

— У меня есть еще один вопрос, — неожиданно сказал Юрковский.

— Пожалуйста, Владимир Сергеевич.

— Мне не совсем понятна роль товарища... э-э... Быкова в нашей экспедиции. Я несколько не сомневаюсь в его... э-э... отменных качествах, как физических, так и духовных, но я хотел бы еще знать его специальность и его задачу.

Быков затаил дыхание.

— Вам известно, — медленно сказал Краухин, — что экспедиции придется работать в обстановке пустыни. А товарищ Быков хорошо знает пустыню.

— Хм... Я думал, что он специалист по посадочным

площадкам. Ведь и Дауге, надо думать, знает пустыню не хуже.

— Дауге знает пустыню гораздо хуже! — сердито вмешался Григорий Иоганнович. — Значительно хуже. Упомянутый Дауге сел в калошу в самых прозаических барханах Гоби, и если бы не Быков... Ты не знаешь Быкова, Володя, и не знаешь пустыни. Не все пустыни такие же, как на Большом Сырте.

Краюхин спокойно дождался, пока Дауге умолк, и закончил:

— Кроме того, Алексей Петрович прекрасный инженер, химик-радиолог и водитель.

Юрковский пожал плечами:

— Не поймите меня дурно. Я ничего не имею против инженера Быкова. Но должен же я знать обязанности своего товарища по экспедиции! Вот теперь я знаю: специалист по пустыням.

Быков стиснул зубы и промолчал. Но Краюхин, сердито уставившись на Юрковского круглыми глазами, прогудел:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, Владимир Сергеевич. Кажется, это у вас пять лет назад в бытность вашу на Марсе рассыпалась гусеница у танкетки, не правда ли? И вы с Хлебниковым тащились пешком пятьдесят километров, потому что так и не сумели ее починить...

Юрковский вскочил и хотел что-то возразить, но Краюхин продолжал:

— И в конце концов, дело даже не в этом. Инженер Быков введен в состав экспедиции, помимо всего прочего, еще и за те, так сказать, отменные физические и духовные качества, в которых вы, по собственным вашим словам, не сомневаетесь. Это человек, на которого вы, Владимир Сергеевич, сможете положиться в критический момент. А такие моменты там будут, обещаю вам!

— Капитулируй! — Крутиков потрепал Юрковского по спине. — Тем более что ведь это он спасал твоего любимого Дауге...

— Перестань! — буркнул Юрковский.

Быков перевел дыхание и пригладил жесткие волосы на макушке.

— Кстати, об обязанностях, — сказал Краюхин, до-

ставая из стола сложенный вчетверо листок. — Все их знают, но... для повторения зачитаю еще раз. «Ермаков — начальник экспедиции, командир корабля, физик, биолог и врач. Спицын — пилот, радист, штурман и борт-инженер. Крутиков — штурман, кибернетист, пилот и борт-инженер. Юрковский — геолог, радист, биолог. Дауге — геолог, биолог. Быков — инженер-механик, химик, водитель транспортера, радист».

— Специалист по пустыням... — шепнул Дауге.

Быков нетерпеливо дернул плечом.

— Ну-с, теперь еще одно... — Краюхин поднялся и оперся ладонями о стол. — Несколько слов о «загадке Тахмасиба»...

— О господи! — жалобно пробормотал Крутиков.

— Что вы сказали? — повернулся к нему Краюхин.

— Ничего, Николай Захарович.

— Вы, вероятно, хотели сказать, что вам до смерти надоел этот миф о загадке Тахмасиба?

— Ну... — Крутиков неловко задвигался и покосился на Ермакова, — не совсем так, конечно...

— Но в этом духе. Однако перейдем к делу. Кое-кто в президиуме академии весьма заинтересовался этим вопросом и просил включить работу над расшифровкой «загадки» в план экспедиции.

— Разумеется... — усмехнулся Крутиков.

— Я отказался, сославшись на нашу загруженность. Но, поскольку вы все равно будете работать вблизи от Голконды, прошу брать на заметку все явления, в какой бы то ни было степени напоминающие то, что стало известно после экспедиции Тахмасиба — Ермакова. Договорились?

Все промолчали. Только Ермаков тихо произнес:

— К сожалению, мнение о том, что странное происшествие с Тахмасибом — миф, очень распространено. Но ведь его гибель — не миф...

— Он мог погибнуть от тысячи причин, — сказал Дауге.

— Не исключено. Но не исключено и то, что «красное кольцо», что бы оно ни значило, существует реально и было причиной его гибели.

— Короче говоря, это не приказ, а просьба, — сказал Краюхин, — хотя боюсь, что «загадка Тахмасиба» даст

вам о себе знать независимо от того, верите вы в нее или нет... Вот все, что я хотел вам сообщить. Теперь о текущих делах. Вам известно, что завтра мы вылетаем. Сбор здесь, в двенадцать. Поедем на Внуковский аэродром... Алексей Петрович!

— Я!.. — Быков вскочил на ноги.

— Сидите, сидите. Где будете ночевать? В «Праге»?

— У меня, — быстро сказал Дауге.

— Вот и отлично! Ну что ж, товарищи, если нет вопросов, можете идти собираться. Вас, Анатолий Борисович, прошу задержаться на пять минут.

Все поднялись и стали прощаться. Выйдя в приемную, Дауге взял Быкова под руку:

— Спускайся вниз, Алексей, и жди в вестибюле, я схожу за машиной. Впереди целый вечер. Посидим, поговорим. Думаю, у тебя целая куча вопросов, правда?

— Какой ты, Григорий Иоганыч, проницательный, сил нет! — проворчал Быков.

НА ПОРОГЕ

Быков вздохнул и уселся на диване, отбросив одеяло. Он никак не мог заставить себя заснуть. В кабинете Дауге было темно, только белели сползшие на пол простыни. За широкими окнами слабо розовело ночное зарево огней над столицей.

Быков протянул руку за часами на стуле рядом. Часы выскользнули из пальцев и упали на коврик. Быков слез с дивана и принялся искать их, шаря ладонью по коврику и гладкому полу. Часов не было. Тогда он, чертыхаясь, выпрямился и стал поправлять простыни. Он делал это уже в третий раз с тех пор, как Дауге, пожелав ему спокойной ночи, ушел к себе в спальню, чтобы написать несколько писем. Быков улегся, но заснуть не удалось. Он вертелся, сопел, пытался устроиться поудобнее, считал до ста. Сон не приходил.

«Слишком много впечатлений», — подумал Быков, снова усаживаясь. Слишком много впечатлений и мыслей. Слишком много объяснил Дауге, и еще больше осталось неясного. Славно было бы выкурить сейчас сигарету — так нет, нельзя! Надо бросать. Бросать курить и начисто

отказаться от спиртного. Давеча Иоганыч, выслушав без всякого энтузиазма сообщение Быкова о том, что «...вот в этом, дружище, чемадане ждет своей очереди бутылка преотличнейшего армянского коньяка», задал равнодушный вопрос: «Лет пятнадцать выдержи?» — «Двадцать!» — торжественно возразил Быков. «Ну, так ты его выбрось, — ласково предложил Дауге. — Выбрось в мусоропровод сейчас или отдай кому-нибудь завтра. И подумай о том, что в корабле тебе курить не разрешат. Таков режим. На Земле — только виноградное вино в минимальных дозах, в походе — ни капли! Таков режим, товарищ межпланетник».

— М-монастырь, — с чувством произнес Быков, устраиваясь поудобнее под одеялом. — Надо спать. Попробую еще разок.

Он закрыл глаза, и тотчас ему представился огромный пустой вестибюль, где он после совещания ждал Дауге. Богдан Спицын и толстенький Крутиков прошли мимо и остановились рядом с книжным киоском. Насколько можно было понять, они говорили о какой-то новой книге. Точнее, Спицын помалкивал, сверкая ослепительной улыбкой, а Крутиков тараторил высоким тенорком, то и дело бросая самые приветливые и благожелательные взгляды в сторону новичка. Быков почувствовал, что его приглашают присоединиться к беседе, но тут появились Дауге и Юрковский. Дауге стремительно шагал с закушенной губой, лицо Юрковского было исковеркано судорогой. В руке он держал смятую газету.

«Данже погиб», — сказал Юрковский, подойдя вплотную.

Быков увидел, как с лица черноволосого Спицына сползла улыбка.

«А-а, черт!» — выругался он.

Крутиков весь подался вперед, губы его задрожали: «Господи... Поль?!»

«Над Юпитером! — с бешенством проговорил Юрковский. — Застрял в экзосфере, потерял ход и не захотел возвращаться...»

Он протянул газету. Быков увидел портрет в черной рамке — худощавый молодой человек с печальными глазами.

«Юпитер... Опять проклятый Джуп! — Юрковский

стиснул кулаки. — Хуже Венеры, хуже всего на свете... Вот куда бы я... вот...» — Он резко повернулся и пошел прочь, широко шагая по матово-белому пружинящему полу.

«Поль Данже, Поль...» — повторял Крутиков, горестно качая головой.

«Я так и не успел ответить на его письмо», — с трудом выговорил Дауге.

Все замолчали, только хрустела плотная обложка книги в пухлых волосатеньких пальчиках Михаила Антоновича Крутикова...

...Быков открыл глаза и перевернулся на спину. Это происшествие бросило тень на весь вечер. Хорошего разговора с Иоганыхем не получилось. «Эти межпланетники — чертовски храбрые ребята, — подумал инженер. — И удивительно настойчивые. Настоящие люди! Сколько их легло на Венере!» На громоздких импульсных ракетах с ограниченным запасом горючего шли на штурм. Никто их не гнал, их удерживали, отстраняли от полетов... если они возвращались.

Теперь на штурм идет «Хиус».

Фотонная ракета «Хиус»... Как и любой инженер-ядерник, Быков был знаком с теорией фотонно-ракетного привода и с интересом следил за всем новым, что появлялось в печати по этому вопросу. Фотонно-ракетный привод превращает горючее в кванты электромагнитного излучения и таким образом осуществляет максимально возможную для ракетных двигателей скорость выталкивания, равную скорости света. Источником энергии фотонно-ракетного привода могут служить либо термоядерные процессы (частичное превращение горючего в излучение), либо процессы аннигиляции антивещества (полное превращение горючего в излучение). Преимущества фотонной ракеты над атомной ракетой с жидким горючим бесспорны и огромны. Во-первых, низкий относительный вес топлива; во-вторых, большая полезная нагрузка; в-третьих, фантастическая для жидкостной ракеты маневренность; в-четвертых...

Так говорит теория. Но Быков знал также, что до последнего времени все попытки использовать идею фотонно-ракетного привода на практике оканчивались провалом. Одна из фундаментальных проблем этой идеи —

отражение излучения — не поддавалась практической разработке. Для создания фотонной тяги требуются интенсивности излучения порядка миллионов килокалорий на квадратный сантиметр поверхности отражателя в секунду, и никакие материалы не выдерживали даже кратковременного воздействия температур в сотни тысяч градусов, возникающих при этом. Беспилотные модели сгорали дотла, не успев израсходовать и сотой доли горючего. И тем не менее фотонная ракета «Хиус» построена!

«Создано идеальное зеркало, — сказал Дауге, — «абсолютный отражатель». Субстанция, отражающая все виды лучистой энергии любой интенсивности и все виды элементарных частиц с энергиями до ста — ста пятидесяти миллионов электроновольт. Кроме нейтрино, кажется. Волшебная субстанция. Ее теорию разработал институт в Новосибирске. Правда, они не думали о фотонной ракете. Они исследовали возможности идеальной защиты от проникающего излучения ядерного реактора. Но Краюхин сразу понял, в чем дело. — Дауге усмехнулся. — Краюхин — фанатик фотонной ракеты. Это ему принадлежит знаменитый афоризм: «Фотонная ракета — покоренная Вселенная». Краюхин моментально вцепился в «абсолютный отражатель», посадил за его разработку две трети лабораторий комитета, и вот — «Хиус»!»

Создание «абсолютного отражателя» было первым реальным достижением новой, почти фантастической науки — мезоатомной химии, химии искусственных атомов, электронные оболочки в которых заменены мезонными. Это так заинтересовало Быкова, что он на время забыл обо всем — о несчастном Поле Данже, о Венере, даже об экспедиции. К сожалению, об «абсолютном отражателе» Дауге мог рассказать очень немного. Зато он рассказал о «Хиусе».

«Хиус» — комбинированный планетолет: пять обычных атомно-импульсных ракет несут параболическое зеркало из «абсолютного отражателя». В фокус зеркала с определенной частотой впрыскиваются порции водородно-тритиевой плазмы. Назначение атомных ракет двоякое: во-первых, они дают «Хиусу» возможность стартовать и финишировать на Земле. Фотонный реактор для этого не годился — он заражал бы атмосферу, как одновременный

взрыв десятков водородных бомб. Во-вторых, реакторы ракет питают мощные электромагниты, в поле которых происходит торможение плазмы и возникает термоядерный синтез.

Очень просто и остроумно: пять ракет и зеркало. Кстати, уродливая пятиногая черепаха, которую Быков видел в кабинете Краюхина, — это, оказывается, макет «Хиуса». Изяществом обводов «Хиус», откровенно говоря, не отличается...

Инженер снова сел, скорчившись, упираясь голой спиной в прохладную стену.

«Мы стартуем на фотонной ракете «Хиус-2». «Хиус-1» сгорел два года назад во время испытаний, — нехотя сказал Дауге. — Никто не знает, почему. Спросить не у кого. Единственный человек, который мог бы об этом что-нибудь сказать, — это Ашот Петросян, светлая ему память! Он распался в атомную пыль вместе с массой легированного титана, из которого был сделан корпус первого «Хиуса». Легкая и честная смерть...»

«Никто из нас, наверное, не боится смерти, — подумал Быков. — Мы только не хотим ее. Чьи это слова?» Он слез с дивана. Заснуть не удастся, это ясно. Абсолютный отражатель. Данже, «Хиус», Петросян... «Попробуем последнее средство».

Он вышел на балкон, совершенно машинально нашарив в кармане куртки пачку сигарет.

Если не спится, надо как следует померзнуть. Быков облокотился на перила. Было тихо. Огромный город спал в призрачной полутьме июльской ночи; далеко за горизонтом стояло розовое мерцающее зарево, на севере ослепительной белой стрелой уходил в серое небо пик Дворца Советов.

«Уже не меньше двух, — подумал Быков. — Где же, однако, мои часы?.. Удивительно тепло. Мягкий теплый ветерок... А вот «хиус», по-сибирски — зимний ветер, северяк. Проект фотонной ракеты разрабатывали инженеры-сибиряки, и они предложили это слово как кодовое название. Потом это название перешло и на ракету».

Странные, непривычные названия. «Хиус» — в честь сибирской стужи, «Урановая Голконда», кажется, — в память о древнем городе, где царь Соломон хранил некогда свои алмазы... И еще — «загадка Тахмасиба».

Тахмасиб Мехти, крупный азербайджанский геолог, — первый человек, побывавший на Голконде. Ермаков, Тахмасиб и еще двое геологов на специально оборудованной спортивной ракете благополучно опустились на Венере. Это была огромная удача и счастливый случай. Все так считают, в том числе и сам Ермаков.

Они сели где-то километрах в двадцати от границ Голконды. Тахмасиб оставил Ермакова у ракеты, а сам со своими геологами отправился на разведку. Что там произошло — неизвестно. Тахмасиб вернулся к ракете через четверо суток один, полумертвый от жажды, страшно истерзанный, изъеденный лучевыми язвами. Он принес образцы урановых, радиевых, трансураниевых руд («Богатейшие руды, Алексей, изумительные руды!») и в контейнере розовато-серую радиоактивную пыль. Он был уже почти без памяти. Он показывал Ермакову контейнер и что-то много и горячо говорил по-азербайджански. Ермаков не понимал по-азербайджански и умолял его говорить по-русски, потому что ясно было, что речь идет о чем-то важном. Но Тахмасиб по-русски сказал только: «Бойтесь красного кольца! Уходите от красного кольца!» Больше до самой смерти он не произнес ни слова. Умер он при старте, и Ермаков полмесяца провел в ракете с его трупом.

«Красное кольцо» — это и есть загадка Тахмасиба, загадка гибели трех геологов, загадка Голконды. А может быть, никакой загадки и нет. Может быть, как считают многие, Тахмасиб просто помешался от лучевой болезни или от картины гибели товарищей. Серо-розовый порошок в контейнере оказался сложным кремний-органическим соединением — на Земле, впрочем, давно известным.

И зачем Тахмасиб тащил на себе этот контейнер — непонятно... И непонятно, какое к этому отношение имеет «красное кольцо».

Дауге рассказывал об этом скороговоркой, морщась, как от изжоги. Он не верил в «загадку Тахмасиба». Зато он готов был часами говорить о богатствах Голконды. Только бы добраться, дойти, доползти до нее...

Быков бочком присел на перила, пачка сигарет мешала ему, и он положил ее рядом. В высоте с легким фырканьем пронесся небольшой вертолет. Быков проводил

взглядом его сигнальные огоньки — красный и желтый. Он вспомнил разговор с Дауге.

Тахмасиб с товарищами шел к Голконде пешком. Но наша экспедиция берет с собой транспортер. Дауге говорит, что это превосходная машина. У Иоганыча все превосходное: «Хиус» превосходный, транспортер превосходный, Юрковский превосходный. Только о командире он отозвался как-то сдержанно. Оказывается, Ермаков — приемный сын Краюхина. Один из лучших космонавтов мира, но человек со странностями. Правда, у него, видимо, была очень тяжелая жизнь. Дауге отзывался о нем как-то очень неуверенно:

«Я его почти не знаю... Говорят... говорят, что это очень смелый, очень знающий и очень жестокий человек... Говорят, он никогда не смеется...»

Жена Ермакова была первым человеком, высадившимся на естественном спутнике Венеры. И там произошло какое-то несчастье. Никто об этом не знает ничего толком — какое-то столкновение между членами экипажа. С тех пор женщин перестали брать в дальние межпланетные рейсы, а Ермаков целиком посвятил себя штурму Венеры. Он, оказывается, четыре раза пытался высадиться на поверхности этой планеты — и все четыре раза неудачно. В пятый раз он летал с Тахмасибом Мехти. А сейчас, на «Хиусе», идет к Венере в шестой раз.

Быков прошелся по балкону, заложив руки за спину. Нет, положительно ему не удастся даже замерзнуть! Слишком тепло, даже душно. Может быть, все-таки закурить? Быков почувствовал, как в нем растет уверенность в том, что лучшее и радикальнейшее средство против бессонницы — это сигарета. Он нащупал пачку.

Лучший способ преодолеть искушение — это поддаться ему. Он усмехнулся. Черта с два! Режим! Пачка полетела вниз с высоты одиннадцатого этажа. Быков, перегнувшись через перила, поглядел в темную пропасть. Там вдруг вспыхнули слепящие лучи фар, бесшумно пробежали по асфальту и скрылись.

«Зря намусорил, — подумал Быков. — Эх, слабости да грехи! Спать надо...» Он вошел в комнату и ощупью добрался до дивана. Под ногой что-то хрустнуло. «Бедные часы», — подумал он, пытаясь хоть что-нибудь разобрать в темноте.

Он глубоко вздохнул и опустился на губчатое сиденье непокорного дивана. «Нет, не заснуть тебе сегодня, товарищ инженер, специалист по пустыням! С чего это красавчик Юрковский так невзлюбил меня? Теперь прилипнет прозвище: специалист по пустыням. А какое у Юрковского лицо было, когда он говорил о Поле Данже!.. Да, такой не страдает бессонницей перед полетом. «Мы не боимся смерти, мы только не хотим ее...» Так ли, инженер? А вдруг в этом же вестибюле, через полгода, кто-то сообщит новость: «Товарищи, слышали? «Хиус» погиб. Ермаков погиб, Юрковский и этот... как его... специалист по пустыням...» Чепуху городишь, Алексей! Это от бессонницы и от безделья. Скорей бы утро — и в самолет, на Седьмой полигон, на ракетодром в Заполярье, где экспедиция будет готовиться к отлету и ждать «Хиус», который сейчас в пробном рейсе. Сегодня встать в восемь, а я заснуть не могу, черт побери... Дауге уже спит, конечно...»

Тут Быков заметил, что дверь в спальню приотворена и сквозь щель падает на стену слабый лучик света. Он встал, на цыпочках подошел к двери и заглянул в щелку.

За столом, рядом с раскрытой постелью, сидел Дауге, обхватив голову руками. Стол был почти пуст, на полу громоздился огромный рюкзак. На рюкзаке лежал геологический молоток с лоснящейся рукояткой. Быков кашлянул.

— Входи, — сказал Дауге, не оборачиваясь.

— Э-э... — затащил Алексей Петрович в совершеннейшем смущении. — Я, понимаешь, забыл тебя спросить...

Дауге обернулся:

— Заходи, заходи... Садись. Ну, что ты забыл спросить?

— Э-э... Да вот, понимаешь... Зачем нам ставить на Венере радиомаяки, если ее атмосфера все равно не пропускает радиосигналов?

На лице Дауге лежала глубокая тень абажура. Быков уселся на низенькое легкое креслице и победоносно задрал одну ногу на другую. Он почувствовал огромное облегчение от того, что находится в освещенной комнате, в обществе верного друга Иоганыча.

— Да, — произнес Дауге задумчиво, — это действительно чрезвычайно важный вопрос. Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не заснул. А я-то думаю — что это

он шатается по комнате? Зубы у него болят, что ли? А дело, значит, в маяках...

— Н-да, — неуверенно заявил Быков, опустив ногу. Чувство облегчения куда-то испарилось.

— У тебя, вероятно, есть какие-нибудь соображения по этому поводу? — продолжал Дауге совершенно серьезным тоном. — Ты, конечно, что-нибудь придумал во время... своего бдения? Нечто общепольное...

— Видишь ли, Иоганыч... — проникновенно начал Быков, делая многозначительное лицо и не имея ни малейшего представления о том, чем он кончит начатую фразу.

— Да-да, я тебя понял, — прервал Дауге кивая. — И ты совершенно — понимаешь? — *абсолютно* прав! Именно так и обстоит дело. Атмосфера Венеры *действительно* не способна пропускать радиолучи, но при строго определенном диапазоне мы допускаем возможность прорыва этой радиоблокады. Этот диапазон определен из чисто теоретических, а равно и наблюдательных данных относительно локальных ионизирующих полей... чего, инженер?..

— Венеры, — мрачно произнес Быков.

— Именно — Венеры! Атмосфера планеты пропускает иногда волны и других длин, но это — явление случайное, на него рассчитывать не приходится. Поэтому задача состоит в том, чтобы определить полосу пропускания, а определив, забросить маяки на поверхность... на поверхность чего?

— Венеры! — повторил Быков с ненавистью.

— Великолепно! — восхитился Дауге. — Ты не зря провел ночь без сна. Однако все попытки забросить на поверхность радиостанцию кончались... чем, инженер?

— Хватит, — отвечивал Быков, ерзая на кресле.

— Гм... Странно. Они, друг мой, кончались неудачей. Скорее всего, эти маяки-танкетки разбивались о скалы. Или, во всяком случае, приходили в негодность во время спуска. Но, если бы даже они не разбивались, что толку от них? Они бы не помогли нам. Зато теперь у нас есть... что у нас есть?

— Терпения у нас уже нет, — мрачно сказал Быков. Дауге торжественно провозгласил:

— У нас есть «Хиус», и есть маяки, и найдена полоса пропускания, в коей сигналы оных маяков прорываются

через атмосферу. Значит, у нас есть все, кроме терпения, а это уже дело наживное. Можно, пожалуй, спать спокойно.

Алексей Петрович грустно вздохнул и поднялся.

— Бессонница, — проговорил он.

Дауге кивнул:

— Бывает...

Быков прошелся по комнате и остановился перед тремя стереофотоснимками на стене. Левый изображал старинную узкую улицу какого-то прибалтийского города, правый — межпланетный корабль, похожий на колоссально увеличенный винтовочный патрон времен Великой Отечественной войны, уткнувшийся острым носом в черное небо. На средней фотографии Быков увидел молодую грустную женщину в закрытом до шеи синем платье.

— Кто это, Иоганыч? Жена?

— Д-да... Собственно, нет, — с неохотой проговорил Дауге. — Это Маша Юрковская, сестра Володи. Мы разошлись...

— А, извини...

Инженер, прикусив губу, вернулся к креслицу и сел. Дауге бесцельно листал страницы книги, лежащей перед ним на столе.

— Собственно, она ушла... Это будет точнее...

Быков молчал, разглядывая худое загорелое лицо друга. В свете голубой лампы оно казалось совсем черным.

— Вот мне тоже не спится, Алексей, — проговорил Дауге печально. — Жалко Поля. И на этот раз ехать не очень хочется. Я очень люблю Землю. Очень! Ты, наверное, думаешь, что все межпланетники — убежденные небожители. Неверно. Мы все очень любим Землю и тоскуем по голубому небу. Это наша болезнь — тоска по голубому небу. Сидишь где-нибудь на Фобосе. Небо бездонное, черное. Звезды, как алмазные иглы, глаза колют. Созвездия кажутся дикими, незнакомыми. И все вокруг искусственное: воздух искусственный, тепло искусственное, даже вес твой — и тот искусственный...

Быков слушал не шевелясь.

— Ты этого не знаешь. Ты не спишь только потому, что чувствуешь себя на пороге: одна нога здесь, другая там. А вот Юрковский сейчас сидит и стихи пишет. О го-

лубом небе, об озерных туманах, о белых облаках над лесной опушкой. Плохие стихи, на Земле в любой редакции таких стихов — килограммы, и он это прекрасно знает. И все-таки пишет.

Дауге захлопнул книжку и откинулся на спинку кресла, запрокинув голову.

— А кругленький Крутиков, наш штурман, конечно, гоняет по Москве на машине. С женой. Она за рулем, а он сидит и глаз с нее не сводит. И жалеет, что детишек рядом нет. Детишки у него живут в Новосибирске, у бабки. Мальчуган и девочка, очень славные ребята... — Дауге вдруг засмеялся: — А вот кто спит, так это Богдан Спицын, наш второй пилот. У него дом — в ракете. «Я, — говорит, — на Земле, как в поезде: хочется лечь и заснуть, чтобы скорее приехать». Богдан — небожитель. Есть у нас такие, отравленные на всю жизнь. Богдан родился на Марсе, в научном городке на Большом Сырте. Прожил там до пяти лет, а потом мать его заболела, и их отправили на Землю. И вот, рассказывают, пустили маленького Богдашу погулять на травке. Он походил-походил, залез в лужу да как заревет: «Домой хочу-у! На Марс!»

Быков радостно засмеялся, чувствуя, как тает, сваливается с души тяжелый ком непонятных чувств. Все очень просто, он действительно на пороге — одна нога еще здесь, а другая уже «там»...

— Ну, а что делает наш командир? — спросил он.

Дауге подобрался.

— Не знаю. Просто не могу себе представить... Не знаю.

— Тоже, наверное, спит, как и Богдан-небожитель...

Дауге покачал головой:

— Не думаю... Небо сейчас ясное?

— Нет, заволочло тучами...

— В таком случае — совсем не знаю. — Дауге покачал головой. — Я мог бы себе представить, что Анатолий Ермаков сейчас стоит и глядит на яркую звезду над горизонтом. На Венеру. И руки у него... — Дауге помолчал. — Руки у него стиснуты в кулаки, и пальцы белые...

— Ну и фантазия у тебя, Иоганыч!..

— Нет, Алексей, это не фантазия. Для нас Венера — это, в конечном счете, эпизод. Побывали на Луне, побы-

вали на Марсе, теперь летим осваивать новую планету. Мы все делаем свое дело. А Ермаков... У Ермакова — счета, старые свирепые счета. Я тебе скажу, зачем он летит: он летит мстить и покорять — беспощадно и навсегда. Так я себе это представляю... Он и жизнь и смерть посвятил Венере.

— Ты хорошо его знаешь?

Дауге пожал плечами:

— Не в этом дело. Я чувствую. И потом, — он принялся загибать пальцы, — Нисидзима, японец, — его друг, Соколовский — его ближайший друг, Ши Фэнь-ю — его учитель, Екатерина Романовна — его жена... И всех их сожрала Венера. Краюхин — его второй отец. Последний свой рейс Краюхин совершил на Венеру. После этого рейса врачи навсегда запретили ему летать...

Дауге вскочил и прошелся по комнате.

— Укрощать и покорять, — повторил он, — беспощадно и навсегда! Для Ермакова Венера — это упрямое, злое олицетворение всех враждебных человеку сил стихии. Я не уверен, что нам всем дано будет когда-нибудь понять такое чувство. И, может быть, это даже к лучшему. Чтобы это понять, надо бороться, как боролся Ермаков, и страдать, как страдал он... Покорить навсегда... — повторил Дауге задумчиво.

Алексей Петрович передернул плечами, словно от озноба.

— Вот почему я сказал про сжатые кулаки, — закончил Дауге, пристально глядя на него. — Но, поскольку сейчас пасмурно, я просто не могу представить, что он может делать. Вероятнее всего, действительно, просто спит.

Помолчали. Быков подумал, что с таким начальником ему служить еще, пожалуй, не приходилось.

— А как твои дела? — неожиданно спросил Дауге.

— Какие дела?

— С твоей ашхабадской учительницей.

Быков сразу насупился и поскущел.

— Так себе, — грустно сказал он. — Встречаемся...

— Ах, вот что! Встречаетесь. Ну, и?..

— Ничего.

— Предложение делал?

— Делал.

— Отказала?

— Нет. Сказала, что подумает.

— Как давно это было?

— Полгода назад.

— И?

— Что — «и»? Ничего больше не было.

— То есть ты положительный дурак, Алексей, извини, ради бога.

Быков вздохнул. Дауге глядел на него с откровенной насмешкой.

— Поразительно! — сказал он. — Человеку тридцать с лишним лет. Любит красивую женщину и встречается с нею вот уже семь лет...

— Пять.

— Хорошо, пусть будет пять. На пятый год объясняется с ней. Заметьте, она терпеливо ждала пять лет, эта несчастная женщина...

— Не надо, Григорий, — морщась, сказал Быков.

— Минутку! После того, когда она из скромности или из маленькой мести сказала, что подумает...

— Довольно!

Дауге вздохнул и развел руками.

— Ты же сам виноват, Алексей! Твое ухаживание похоже на издевательство. Что она о тебе подумает? Тю-фяк!

Быков уныло молчал. Потом сказал с надеждой:

— Когда вернемся...

Дауге хихикнул:

— Эх ты, покоритель... виноват, специалист по пустыням! «Когда вернемся»!.. Иди спать, видеть тебя не могу!

Быков встал и взял со столика книжку.

«La description planétographique du Phobos» Paul Dan-gée¹, — прочитал он. На титульном листе стояла жирная, красным карандашом надпись по-русски: «Дорогому Дауге от верного и благодарного Поля Данже».

На рассвете Быков проснулся. Дверь в спальню была полуоткрыта. Дауге в одних трусах, черный и взъерошенный, стоял у письменного стола и смотрел на портрет

¹ «Планетографическое описание Фобоса». Поль Данже.

молодой грустной женщины — Маши Юрковской. Затем он снял портрет со стены и сунул его в рюкзак.

Быков осторожно перевернулся на другой бок и заснул снова.

БУДНИ

Город был невелик: несколько сотен новеньких коттеджей, вытянутых в четыре ровные параллельные улицы вдоль лощины между двумя грядами плоских голых холмов. Красное утреннее солнце неярко озаряло мокрый асфальт, пологие крыши, веселые деревца в палисадниках. За холмами в розоватой дымке виднелись огромные легкие сооружения, знакомые по кино и фотографиям, — стартовые установки для межпланетных кораблей.

Алексей Быков, запахнувшись в белый халат, стоял у огромного, в полстены, окна, ждал, когда его вызовут к врачу, и глядел на улицу. Экипаж «Хиуса» прибыл в этот городок вчера вечером. В самолете Быков спал, но, вероятно, не отоспался и потому дремал и в машине по дороге с аэродрома. От вчерашних впечатлений о городе в памяти сохранилась только залитая розовым вечерним солнцем улица, светлое многоэтажное здание гостиницы и слова дежурной по этажу: «Вот ваша комната, товарищ, устраивайтесь...» В семь часов его разбудил Дауге и сообщил, что всем приказано явиться на медосмотр и что от долгого сна бывают пролежни.

Медицинский корпус примыкал к зданию гостиницы. Здесь межпланетникам велели снять всю одежду, накинуть халаты и ждать.

За окном, на улице, было пусто. Возле дома напротив застыл стремительный низкий автомобиль с серебряным оленем на радиаторе. Прошли двое в легких комбинезонах, с огромными чертежными папками в руках. Тяжело прополз мощный полугусеничный электрокар с фургоном. В палисадник вышел парнишка лет двенадцати, посмотрел на небо, свистнул в три пальца и, перескочив через ограду, побежал по улице, явно копируя стиль бега знаменитых чемпионов.

Быков отошел от окна. Ермакова и Юрковского в комнате уже не было, их вызвали в кабинет врача. Остальные неторопливо раздевались, вешая одежду в

изящные шкафчики с полупрозрачными створками. Алексей Петрович залюбовался Спицыным. У пилота было могучее поджарое тело гимнаста-профессионала. На широченных плечах, под тонкой золотистой кожей, перекатывались желваки мускулов. Дауге уже накиннул халат и, ехидно улыбаясь, завязывал узлом рукава шелковой сорочки Юрковского, приговаривая: «Т-так, а теперь вот так...» Покончив с этим полезным занятием, он весело хихикнул и подошел к Быкову:

— Нравится город, Алексей?

— Хороший город, — ответил Быков сдержанно. — А далеко ли ракетодром?

— Там, за холмами. Видишь стартовые стрелы? Вот там и находится знаменитый Седьмой полигон, первый и пока единственный в мире специальный ракетодром для испытаний, стартов и посадок фотонных ракет. Здесь стартовало первое фотонное беспилотное устройство «Змей Горыныч». Здесь садились «Хиус-один» и «Хиус-два». Здесь, вероятно, сядут и «Хиус-три», и «Хиус-четыре», и «Хиус-пять»...

— Сядут или будут стартовать?

— И стартовать будут. Но сначала сядут. Ведь их строят не на Земле.

— Ага... — Быков вспомнил о внеземном литейном заводе на спутнике «Вэйдады Ю-и».

Там, на высоте пяти тысяч километров над Землей, в условиях невесомости и почти идеального вакуума отличались исполинские корпуса сверхтяжелых ракет. Двести пятьдесят человек — ученых, инженеров, техников и рабочих — управляли солнечными печами, центробежными машинами, сложнейшей литейной автоматикой, превращая многотонные титановые и вольфрамовые болванки в корпуса межпланетных кораблей. Очевидно, там же рождались и «Хиусы»...

— Крутиков и Спицын, пожалуйста! — раздался за спиной голос Ермакова.

Друзья обернулись. Крутиков бросил газету и вслед за Спицыным вошел к врачу, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Седьмой полигон — идеальное место! — с воодушевлением говорил Дауге. Лицо его было обращено к Быкову, но глаза косили в сторону Юрковского, уже рас-

пахнувшего свой шкафчик. — Вокруг — сотни километров тундры, ни одного населенного пункта, ни одного человека. На севере — океан...

Юрковский взялся за сорочку.

— ...По прямой до побережья около двухсот километров... — Дауге вдруг прыснул, но тут же, спохватившись, торжественно провозгласил: — И между городом и океаном распростерлись по тундрам пять миллионов гектаров нашего полигона!

Юрковский просунул голову через ворот и теперь стоял в напряженной позе, с обвисшими рукавами, похожий на огородное чучело. Ермаков, уже одетый, прошел к врачу, аккуратно застегнув все пуговицы на халате.

— Отсюда на юг идет железнодорожная ветка и шоссе, — громко продолжал Дауге. — Километрах в четырехстах, около геофизической станции...

— Интересно, — спросил Юрковский задумчиво, — какой кретин это сделал?

— ...м-м-м... около станции, значит, она сворачивает и соединяется с северной транссибирской магистралью у Якутска... Гм... Володя, как твое здоровье?

— Благодарю вас, — сказал Юрковский приближаясь. Сорочку он снял и теперь выразительно играл мускулами, глядя на Дауге исподлобья. — Я совершенно здоров. Я приложу максимум усилий к тому, дружок, чтобы о вас этого не сказал даже самый скверный ветеринар.

— Володя! — вскричал Дауге. — Это ошибка. Это не я.

— А кто же?

— Это он! — Дауге похлопал Быкова по волосатой груди. — Это, Володя, такой шутник!..

Юрковский мельком глянул на Алексея и отвернулся. Быков, открывший было рот, чтобы принять участие в игре, только кашлянул и промолчал. Юрковский не принимает его в игру — это было ясно. Дауге также понял это, и ему тоже стало неловко.

В этот момент дверь открылась, и Ермаков позвал:

— Товарищи, ваша очередь.

Очень довольный таким оборотом дела, Быков поспешно прошел в кабинет.

Сначала их осмотрел врач — жгучий брюнет с фантастическим носом. Дауге он отпустил, не сказав ни слова, но, осматривая Быкова, ткнул пальцем в длинный рубец на его груди и спросил:

— Что это?

— Авария, — лаконично ответил Быков.

— Давно? — не менее лаконично осведомился врач, поднимая нос.

— Шесть лет.

— Последствия?

— Без, — сказал инженер, демонстративно рассматривая докторову переносицу.

Дауге тихонько хихикнул.

Врач что-то записал в толстой книжке, на которой значилось: «Медицинский дневник № 4024. Быков Алексей Петрович», и повел друзей в соседнюю комнату. Там они увидели большой матово-белый шкаф. Врач прицелился носом в Дауге и предложил ему войти в этот шкаф. Дверца шкафа бесшумно закрылась, врач надавил несколько клавиш на пульте с правой стороны шкафа, и тотчас послышалось тихое гудение. На пульте загорелись, перемигиваясь, разноцветные лампочки, заколебались стрелки приборов. Это продолжалось минуты полторы, после чего аппарат звонко щелкнул и выбросил откуда-то белый листок, покрытый ровными строчками букв и цифр. Лампочки погасли, и доктор открыл дверцу. Дауге вылез спиной вперед, потирая плечо.

Врач повернулся к Быкову и весело кивнул ему носом:

— Вперед!

Алексей кашлянул и забрался в шкаф. Там было темно. Прохладные металлические обручи сомкнулись на его плечах и на поясе, прижали к чему-то теплomu и мягкому, подняли, опустили. Вспыхнул красный свет, потом зеленоватый, потом что-то кольнуло в предплечье, и Быков почувствовал себя свободным. Дверь открылась.

Врач, мурлыча себе под нос что-то легкомысленное, внимательно рассматривал листки, выброшенные «шкафом». Это были «формулы» здоровья, полный отчет о состоянии организма, а также индивидуальный комплекс обязательных гимнастических упражнений и диетический рацион на период подготовки к старту. Пометив что-то в «Медицинских дневниках», врач передал листки Ермако-

ву и сообщил, что такие осмотры будут проводиться еженедельно.

Ермаков поблагодарил и вышел.

— Что это за ящик? — спросил Алексей Петрович у Дауге, одеваясь. — Инкубатор для взрослых? Электронный вариант шкатулки Пандоры?

— Кибердоктор, электронная диагностическая машина, — сказал Дауге. — Все хорошо, но она делает уколы. Терпеть не могу уколов!

Они вошли в лифт и поднялись на пятый этаж, в столовую. Это был огромный пустоватый зал, залитый розовым светом северного солнца. Почти все столики были свободны. Завтрак либо уже кончился, либо еще не начинался.

— Вон наши, — сказал Дауге.

Экипаж «Хиуса» занял два сдвинутых столика у самого окна. За ними уже сидели оба пилота и Ермаков. Быков отметил, что у толстяка Крутикова несчастный вид. «Гордость советской астронавтики» сидела, сгорбившись, над стаканом молока, крошила сухой хлеб и с невыразимой тоской поглядывала на тарелку Спицына. Черноволосый Богдан терзал дымящийся ломоть сочного бифштекса.

Как ни странно, но завтрак был подан уже по новым рационам. Быков с некоторым недоумением съел целый салатник душистой травки, очистил тарелку овсяной каши, умял два куса отличной ветчины и принялся за яблочный сок. Дауге было подано мясо.

Иоганыч поднял вилку и нож и осведомился:

— Что же сказал тебе врач, Михаил Антоныч?

Крутиков покраснел и уткнулся в стакан.

— А я знаю, — объявил подошедший Юрковский. — Он, навернсе, долго и нежно держал Мишу за складку на животе и популярно объяснял, что чревоугодие никогда не было украшением межпланетника.

Крутиков молча допил молоко и потянулся было к вазе со сдобным печеньем, но Ермаков негромко произнес «гм», и штурман поспешно убрал руку.

После завтрака Краюхин объявил, что приехал Усманов, один из конструкторов нового маяка. Усманову по-

ручено обучить экипаж сборке и эксплуатации «этого замечательного достижения технической мысли».

— Даю на это две недели, — сказал Краюхин. — Затем каждый начнет работу по своей специальности.

Первое занятие проходило в спортивном зале гостиницы. Рабочие в синих спецовках бесшумно внесли толстый шестигранный брус и несколько предметов, форма и материал которых лишь с трудом могли бы вызвать у несведущего человека ассоциации с какими-нибудь общеизвестными понятиями. Недоумение и любопытство было даже в глазах Богдана Спицына и Крутикова, и только Ермаков рассматривал неизвестную аппаратуру с обычным холодно-равнодушным видом.

Вошел Усманов, высокий скуластый человек в рабочем комбинезоне, представился и сразу приступил к делу. Постепенно нахмуренные лица космонавтов прояснялись. Посыпались вопросы, завязался оживленный разговор. Скоро к беседе подключился и Быков, знакомый в общих чертах, как и всякий инженер, с принципами радиолокации и радионаведения.

Речь шла об устройстве, предназначенном для подачи направленных и очень мощных ультракоротковолновых импульсов определенной длины волны, способных пробить плотные пылевые облака и высокоионизированные области атмосферы. Длительность импульсов не превышает десяти микросекунд. В секунду подается до ста импульсов. Специальные приспособления заставляют этот импульсный луч описывать спираль, обегая за несколько секунд всю верхнюю половину небесной сферы от горизонта к зениту и снова к горизонту.

Такое устройство обеспечит космическим кораблям ориентировку над незнакомой планетой, поверхность которой недоступна для визуального наблюдения и где обычные средства радиолокации бессильны из-за электрических возмущений и высокой ионизации. Маяки эти предполагается устанавливать на вершинах скал недалеко от удобных для посадки площадок и других объектов, которые желательно отмечать ориентирами. В данном случае, в связи с главной задачей экспедиции, их надо будет установить возле первой посадочной площадки на Венере, на границе Урановой Голконды.

— А питание? — спросил Юрковский.

Усманов вытянул из портфеля сверток.

— Селеново-цериевые радиобатареи, — сказал он. — Двести ячеек на квадратный сантиметр. Мы могли бы снабдить вас еще и нейтронными аккумуляторами, но я думаю — это лишнее. Они слишком громоздки. Полупроводниковая радиобатарея гораздо портативнее. На «Хи-ус» погрузят пятьсот квадратных метров такой ткани, и вы просто разложите и укрепите ее возле маяков... Если почва у края Голконды будет давать на каждый квадратный сантиметр по пятидесяти—шестидесяти рентгенов в час — а по предварительным расчетам она будет давать много больше, — мощность батареи достигнет двух—трех тысяч киловатт. Для маяков это более чем достаточно.

Быков недоверчиво ощупал тугую эластичную пленку, в полупрозрачной толще которой виднелись мутные зернышки.

Принципы сборки и установки маяка оказались очень простыми.

— Нет никакой необходимости разбирать основные агрегаты устройства, — говорил Усманов. — Это было бы даже нежелательно, Анатолий Борисович. (Ермаков кивнул.) Как видите, они опечатаны заводскими штампами. За их работу отвечает наша лаборатория. А остальное несложно. Подойдите поближе, товарищи, помогите... Вот так, спасибо.

Все агрегаты нанизывались на шестигранный шест, как кольца в детской пирамидке, и скреплялись между собой немногими защелками и скользящими в пазах шпильками. Быков отметил про себя, что во всем устройстве не было ни одного винта — по крайней мере, снаружи.

— Теперь в это гнездо вставляется кабель от радиобатареи. Маяк в таком виде может работать без присмотра десятки лет.

— Хороший маяк, простой, — сказал Крутиков, поглаживая выпуклую и сетчатую, словно гигантский стрекозиный глаз, макушку маяка. — Сколько он весит?

— Всего сто восемьдесят кило.

— Неплохо, — подтвердил Юрковский. — Короче говоря, самое сложное — это установить маяк.

Для установки маяка предусматривались три способа. На твердой скалистой поверхности можно было воспользоваться огромной присоской на нижней части шеста.

В более неустойчивой породе следовало пробурить скважину, в которую опускался шест. Скважину заливали пластраствором. Наконец, в том случае, если почва окажется сыпучей, в ней при помощи тока высокой частоты выплавляется шестиногая монолитная колонна, уходящая вглубь до десяти метров. Шест вплавляется в нее.

Пробные сборки и установки маяков были проведены за городом в тот же день. Быков с восхищением наблюдал, как направляемый ловкими руками Юрковского вибробур быстро высверлил в замшелой гранитной глыбе узкую глубокую скважину. Усманов объявил, что скважина превосходная — прямая и идеально отвесная. В нее вставили шест, залили омерзительно пахнущей жидкостью из баллона с манометром. Жидкость моментально затвердела.

— Ну-ка! — предложил Усманов.

Быков и Спицын переглянулись и взялись за шест. К ним присоединился Дауге, затем Крутиков, но ни выдернуть его, ни согнуть не удалось.

— Вот видите! — гордо сказал Усманов. — А теперь займемся сборкой.

Солнце снова повисло над верхушками стартовых стрел на ракетодроме, когда экипаж «Хиуса» вернулся в гостиницу.

— В ближайшие дни, — объявил Ермаков, — каждый член экипажа должен научиться владеть вибробуром так же искусно, как наши геологи, и собирать и разбирать маяк с завязанными глазами. Этим мы и займемся.

Пообедав, Быков уединился в своем номере и принялся за письмо в Ашхабад. Он исписал убористым почерком семь страниц, перечитал, безнадежно вздохнул и завалился на диван.

Письмо получилось неприлично сентиментальным. И чертовски хочется закурить. Быков перевернулся на живот и сунул в рот карандаш. Во-первых, можно лечь и проспать до утра. Во-вторых, можно залезть в ванну... Черт, что за кислые мысли — лечь, проспать, залезть... Он решительно вскочил и побежал в библиотеку.

Гостиница Седьмого полигона начинала свой вечер. Хлопали двери. По длинным коридорам спешили наряд-

ные люди. Снизу неслись звуки бравурной музыки. У всех четырех лифтов толпился народ, и Быков решил добираться до читальни по лестнице. Навстречу, направляясь вниз, двигался веселый поток молодежи. По-видимому, все шли в клуб.

В тихом читальном зале Алексей Петрович взял три книжки о Венере, одну по теории фотонных приводов и перелистал последний номер «Космонавта». Там он обнаружил статью М. А. Крутикова об автоматическом управлении планетолетом, попытался прочесть ее и со смущением отметил, что разобраться не может — слишком много математики.

— Функционал... — пробормотал Быков, сиюсь разобратсь хотя бы в выводах. — Ай да толстяк!..

«А не зайти ли к Дауге? — подумал вдруг он. — И вообще, чем сейчас занят экипаж «Хиуса»? Тоже читает книжечки о Венере? Сомнительно...»

Дауге не читал книжечек. Он брился. Челюсть его была выворочена совершенно неестественным образом, и жужжание электробритвы заполняло комнату. Увидев Быкова, Дауге что-то невнятно пробормотал.

Алексей плюхнулся в кресло и стал рассматривать спину Дауге, голубые пластмассовые стены, большой плоский телевизионный экран, матовый далекий потолок.

Дауге кончил бриться и спросил:

— Ты зачем пришел?

— А что, мешаю?..

— Да нет, не то чтобы мешаешь... У меня сейчас должен быть разговор с Юрковским. Совершенно деловой разговор.

Он отправился в ванную. Там зажурчала вода, слышно было, как блаженно бормочет и отфыркивается хозяин. Потом он появился, вытираясь на ходу махровым полотенцем.

— Не сердись, Алексей, но...

— Ничего, ничего, я пойду... — Быков поднялся. — Я забежал просто так, от скуки.

— Деловой разговор, — повторил Дауге. — Ты, если тебе скучно, походи поищи пилотов. Они, по-моему, в спортзале. Богдан снимает жирок со штурмана. Посмотри — забавное зрелище!

— Ага... Ну, бог с вами! — Быков пошел было к вы-

ходу, но остановился. — Ты мне скажи, что это Юрковский глядит на меня зверем?

Дауге хмыкнул, затем с неохотой сказал:

— Не обращай внимания, Алексей. Во-первых, он вообще человек не легкий. Во-вторых, всегда относится так к новичкам, не имевшим чести крутиться в центробежных камерах и просиживать по десять суток в маске в азотной атмосфере, как это делают в Институте подготовки, а в-третьих... Видишь ли, на твое место намечался один пилот, близкий друг Володьки. Потом Краюхин решил взять тебя. Понимаешь?.. Одним словом, все это пройдет, и на Землю вы вернетесь самыми лучшими друзьями.

— Сомневаюсь, — пробормотал Быков и, сердито открыв дверь, вышел.

На другой день началась работа, тяжелая работа, с ноющей усталостью в плечах, которую не сразу снимает даже горячий душ и послеобеденный отдых. Весь экипаж в течение двух недель практиковался в установке радиомаяков.

Монтировать маяк научились очень скоро, потому что каждый имел за плечами богатый инженерный опыт. Но вибробур оказался весьма капризным инструментом, и много кривых, безобразно раздутых дыр украсило каменные валуны в окрестностях города, прежде чем Ермаков объявил, что теперь он более или менее удовлетворен сноровкой новичков-бурильщиков. Не меньше хлопот доставили членам экипажа и вакуум-присоски.

— Не понимаю! — сердито сказал однажды Быков, обращаясь к Дауге. — Зачем мы тратим время на возню с бурением? Ведь ты умеешь бурить, и Юрковский тоже... Разве этого недостаточно?

Дауге строго посмотрел на него.

— Предположим, что мы с Володькой не дойдем до Голконды, — просто сказал он.

Краюхина видели все эти дни только за завтраком. Он был круглые сутки занят материальным оснащением экспедиции и дневал и ночевал на складах, предприятиях и в снабженческих организациях ракетодрома. По-види-

мому, не все обстояло благополучно. Ходили слухи, что ксго-то он уволил, кому-то запретил показываться впредь до устранения недоделок. Рассказывали о его выступлении на совещании городского партактива, о страшном разное, который он учинил начальнику полигона.

Быков исподтишка наблюдал за Ермаковым. Начальник экспедиции и командир корабля был молчалив, сдержан и действительно никогда не смеялся. Зато он улыбался странной улыбкой — одними губами. Глаза его при этом становились еще более холодными, чем обычно. Очень скоро Быков убедился, что улыбка Ермакова не предвещает ничего хорошего тому, кому она адресована.

Как-то за обедом Дауге встал из-за стола, оставив на тарелке бóльшую часть телятины, которая была подана ему на второе согласно диетическому рациону.

— Одну минуту, — мягким голосом остановил его Ермаков. — Прошу вас доесть второе, Григорий Иоганнович.

— Не могу, Анатолий Борисович, — сказал Дауге.

— И все-таки я очень прошу вас, — еще мягче сказал Ермаков.

Дауге молча провел ребром ладони по горлу.

Тогда Ермаков улыбнулся своей странной улыбкой.

— Мне не хотелось бы огорчать вас, Григорий Иоганнович, — совсем тихо сказал он, — но у меня есть серьезные основания опасаться, что ваше отношение к режиму подготовки вынудит экспедицию ограничиться, в конечном счете, одним геологом. Мы не можем себе позволить дать Венере хотя бы один, самый маленький шанс против нас. Даже недоеденный вами кусок телятины...

Дауге с пылающими ушами сел и с ожесточением вонзил вилку в злополучный кусок. Никто не сказал ни слова и не взглянул в его сторону. Обед закончился в гробовой тишине, и Ермаков не спускал с Дауге глаз до тех пор, пока нарушитель режима не подобрал с тарелки корочкой остатки подливы.

Быков не без удивления отметил, что этот инцидент не вызвал у его товарищей и тени возмущения строгостью Ермакова. Напротив, Юрковский в тот же вечер долго и настойчиво внушал что-то Дауге вполголоса, после чего тот только вздохнул и виновато развел руками.

К концу второй недели Усманов распрощался с экипажем и улетел. На следующее утро Краюхин после завтрака сказал:

— С сегодняшнего дня каждый займется, так сказать, своим делом. Товарищ Ермаков, вы будете работать со Спицыным и Крутиковым, как мы и договорились. Можете отправляться сейчас же, пропуска вам выписаны... Вас, Юрковский, и вас, Дауге, прошу подождать меня здесь. Я сейчас отвезу нашего пустынного и вернусь... Поехали, товарищ Быков.

У подъезда стояла мощная полугусеничная машина.

— Прощу, — пригласил Краюхин.

Они уселись рядом позади шофера. Когда город остался позади, Краюхин наклонился к Быкову и спросил:

— С Дауге говорили?

— О чем?

— Обо всем.

— Да... говорил.

— Ну и как?

Быков пожал плечами. Краюхину не следовало бы заговаривать в таком тоне. Не дело начальника совать нос в душу подчиненного без особых на то оснований. Серьезные люди предпочитают держать свои переживания при себе. Впрочем, Краюхин как будто и не заметил, что ему не ответили.

— Сейчас будем знакомиться с вашим хозяйством, инженер, — сказал он, помолчав.

Через несколько минут машина остановилась перед длинным зданием без окон, с дверью во всю стену. Подошел хмурый вахтер, проверил пропуск.

— Вызвать механика! — приказал Краюхин.

Они вышли из машины. Вокруг расстилалась слегка всхолмленная равнина, покрытая редкой жесткой травкой. По небу ползли растрепанные серые тучи, моросил мелкий дождь. Под ногами хлюпала вода.

— Тундра, — вздохнул шофер.

Широкие, как ворота, двери раздвинулись. К Краюхину, протягивая чумазую руку, подошел веселый человек в комбинезоне.

— Вот, привез, — буркнул Краюхин.

Человек в комбинезоне взглянул на Быкова:

— Вижу, вижу! Ну что ж, пойдете.

В здании было темно. Краюхин споткнулся обо что-то, выругался сквозь зубы. Механик виновато кашлянул.

— Не успели провести свет, товарищ Краюхин. Но завтра все будет сделано.

— Завтра? А сейчас что, человек в потемках ковыряться будет, так?

Постепенно глаза Быкова привыкли к полутьме, и он разглядел впереди широкую, мутно отсвечивающую серую массу. Стали видны ребристые гусеницы, открытый люк, круглые слепые глаза прожекторов.

— Что это? — спросил он.

— Это «Мальчик», — отозвался Краюхин. — Наш танк-транспортёр. Он несколько отличается от обычных машин такого типа, но вы освоитесь с ним быстро. Принимайтесь за дело сейчас же... А вы? — Он повернулся к механику. — Чтоб через полчаса здесь был свет!

— Есть! — бодро ответил тот и кинулся прочь.

— Прихватите с собой описание и справочники! — бросил ему вдогонку Краюхин. — Ну, вот и все. Оставайтесь и работайте. К обеду за вами заедут. — Он попрощался и пошел к выходу.

Когда через двадцать минут под потолком вспыхнула яркая лампа, Быков ахнул от восхищения. Перед ним была самая совершенная машина из всех когда-либо передвигавшихся на гусеницах. Она была огромна — не меньше гигантского танка-батискафа, который Быков видел несколько лет назад на Всесоюзной промышленной выставке, — но вместе с тем производила впечатление необычайной легкости, стройности, даже, пожалуй, грациозности. Длинный, округлый, слегка сплюснутый по вертикали корпус, приподнятая узкая корма, едва намеченные выпуклости люков и перископов, высокий клиренс... И нигде ни единого шва! Талант конструкторов слил в «Мальчике» огромную мощь тяжелой транспортной машины и благородные линии сверхбыстроходных атомокров.

— Вот это лихо! — бормотал Быков, обходя транспортёр кругом и то и дело опускаясь на корточки. — А это что?.. Система равновесия... Здорово! И опорные рычаги втягиваются?.. Умно!

У кормы он задержался и приложил ладонь к гладкому борту. Борт был теплым.

— Заряжено, — добродушно усмехнулся механик, наблюдая за ним с порога гаража. — Хоть сейчас садитесь и поезжайте.

Быков нахмурился.

— Рано еще... ехать, — сказал он. — Вы руководство мне принесли?

— Принес. Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

С неожиданной легкостью Быков юркнул в открытый люк. Створки крышки сомкнулись над его головой.

— Эй, товарищ! — крикнул механик. — Я вам буду нужен?

Он постучал по люку. Ответа не последовало. Механик пожал плечами и ушел.

Как было указано в руководстве, «Мальчик» являлся танком-транспортёром высокой проходимости, предназначенным для передвижения по твердым, вязким и сыпучим грунтам и по сильно пересеченной местности, в газообразной и жидкой среде при давлениях до двадцати атмосфер и температурах до тысячи градусов, способным нести экипаж до восьми человек и полезный груз до пятнадцати тонн. Он был оснащен турбинами общей мощностью в две тысячи лошадиных сил, питающимися от компактного урано-плутониевого воспроизводящего реактора. На нем имелись инфракрасные проекторы, ультразвуковая пушка, пара выдвижных механических рук-манипуляторов (почти таких же, какими водители атомокаров пользуются при перезарядке реакторов своих машин на базах энергопитания), внешние и внутренние дозиметры и радиометры и десятки других устройств и приборов, назначение которых Быков представлял себе пока очень смутно. Экипаж, груз, механизмы и приборы прикрывались надежным панцирем из прочной — более прочной, чем титан, — термостойкой и радиостойкой пластмассы.

Управление «Мальчика» мало отличалось от известных Быкову систем. Знакомой оказалась и ходовая часть, но для очистки совести Алексей решил перебрать машину по винтику. Он приезжал к обеду и ужину усталый, испачканный жирной графитовой смазкой, жадно ел, перебрывался короткими фразами с товарищами и торопливо

возвращался в гараж или ложился в постель. Утром и после обеда его ждала у подъезда машина. Но личный тренировочный и гигиенический режим периода подготовки не нарушался ни в чем. Ермаков внимательно следил за этим.

На четвертый день Быков впервые вывел «Мальчика» в поле. Громадная машина с неожиданной легкостью и почти бесшумно выкатилась из ворот. Быков поразился тому, как послушно она реагировала на малейшие движения его пальцев, лежащих на клавишах пульта управления. Дежурный, улыбаясь, махнул рукой. Быков кивнул в ответ, сомкнул перед собой люк и стал набирать скорость. «Мальчик» неся по мокрой тундре, плавно покачиваясь и слегка кренясь на холмах. С испуганным криком из стелющихся кустарников поднимались птицы, серым комочком промелькнул заяц. Путь вперед застилал густой туман — пришлось включить инфракрасный проектор. На экране возникали и исчезали бледные очертания массивных валунов, одиночных, странно искривленных деревьев. Быков то переводил транспортер на максимальную скорость, то резко останавливал, делал крутые развороты, вертел на месте, и тогда из-под гусениц потоками взлетала и падала на линзы перископа ржавая жижа. Автоматические щетки мгновенно смахивали ее.

Неожиданно, когда «Мальчик» шел на полном ходу, впереди мелькнула сетка колючей проволоки. Быков круто повернул вправо и затормозил, но было уже поздно. Раздался звон и скрежет, что-то хрустнуло под гусеницами, и транспортер остановился. Быков выскочил наружу. Позади в обе стороны тянулась проволочная изгородь. След «Мальчика», отчетливо видимый в вязкой почве, проходил сквозь нее. В огромной рваной дыре болтались обрывки проволоки с обломками деревянных столбов.

— Этого еще не хватало! — пробормотал Быков оглядываясь. — Куда меня занесло?

Внимание его привлекло круглое сооружение из светлого бетона, видневшееся в тумане, шагах в двадцати.

— Эй, люди! — негромко позвал он.

Никто не отозвался. Слышно было только шуршание дождя в траве и тихий жалобный звон проволочной сетки. Быков поколебался с минуту, затем решительно двинулся к круглому зданию. Оно показалось ему необычным — в

гладких высоких стенах не было ни окон, ни отдушин, только у самой земли виднелась небольшая, раскрытая настежь квадратная дверь. Несколько в стороне из травы выглядывал конец бетонной трубы, прикрытый круглой ржавой крышкой. Быков подошел к двери и заглянул внутрь. Он успел заметить только, что там темно и тепло. Позади лязгнуло железо. Быков обернулся и увидел нечто похожее на дурной сон: крышка люка была откинута, и из бетонной трубы вылезало влажное привидение с круглой безглазой серебристой головой.

Прежде чем Алексей вспомнил, что уже видел где-то такое чудовище, оно пригнулось и прыгнуло на него. Около трех метров было между ними, и привидение покрыло это расстояние одним прыжком. Но Быков уже оправился от растерянности. К тому же привидение не имело никакого понятия о самбо. Через несколько секунд ожесточенной борьбы оно было повержено на спину, и Быков, нанеся ему несколько полновесных оплеух по тому месту, где у обычных людей бывает лицо, вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы столкнуться со вторым таким же уродом, вылезавшим из того же люка.

Теперь дело приняло другой оборот. Не помогло даже самбо. Получив сокрушительную затрещину, Алексей упал боком на сырую землю, а затем его схватили за ноги и с быстротой, показавшейся ему необыкновенной, волоком потащили куда-то. Очень трудно оказывать сопротивление, если вас крепко держат за обе ноги. Быков понимал это и не сопротивлялся, ожидая, что будет дальше. Привидения остановились, но ног не выпустили. Быков попытался приподняться, упираясь в землю кулаками, разбитыми в кровь во время первой схватки. Послышался топот, и появилось третье привидение. Тогда Быков почувствовал, что ноги его свободны. Он сейчас же повернулся и сел, с трудом ворочая гудящей от удара шейей.

Оглянувшись, он понял, что находится за кормовой частью «Мальчика». Привидения стояли рядом и торопливо проделывали что-то со своими головами. Наконец блестящие шары откинулись, и изумленный Быков увидел знакомые лица — встревоженного Дауге, хмурого Краюхина и белого от ярости Юрковского. Юрковский поднес руку к носу, высморкался и протянул Быкову окровавленную ладонь.

Теперь не помогло даже самбо,

— Вы идиот! — звенящим голосом сказал он. — Вы болван! У вас на плечах голова или кочан капусты?

— Погодите, Владимир Сергеевич... — сказал Краюхин. — Видите, человек ошалел от неожиданности.

— Вы? — только и мог сказать Алексей.

— Нет, не мы! Рыцари ордена розенкрейцеров! Представители женского комитета!..

— Да погодите же, Юрковский!.. Товарищ Быков, быстро выводите отсюда машину... Дауге, закройте люк и дверь и скажите там, что мы уезжаем.

— Есть! — Дауге снова накрыл голову шлемом и вышел из-за корпуса «Мальчика».

Быков полез в транспортер, Краюхин и Юрковский, все еще продолжавший ругаться, последовали за ним.

— Выезжайте за ограду и там остановитесь! — приказал Краюхин.

«Мальчик» дал задний ход.

— Достаточно. Стоп! Теперь подождем Дауге.

Быков покосился на Юрковского. Тот осторожно ощупывал распухший нос.

— Больно? — сочувственно осведомился Краюхин.

Юрковский только яростно оскалился. По обшивке застучали ботинки, и в люк прыгнул Дауге.

— Исполнено, Николай Захарович, — сказал он.

— Поехали.

Быков положил пальцы на клавиши. Затем, подумав, пощелкал переключателями, включил двигатель и отошел от пульты. «Мальчик» легко тронулся.

— Куда же ты? — испуганно-удивленно спросил Дауге. — А кто будет править?

— Автоводитель, — виновато отозвался Быков. — Я не помню дорогу назад. Да вы не беспокойтесь! Здесь ведь электронное устройство, «Мальчик» пойдет по жирокompасу.

Некоторое время ехали молча. Машина в точности, только в обратном порядке, производила все манипуляции, которые полчаса назад проделывал Быков.

— Дозиметр у вас с собой? — спросил Краюхин у Дауге.

— С собой, Николай Захарович. Но он не понадобится. Я забыл сказать, что, когда Быков подошел к камере, ее уже закрыли. Так что все кончилось благополучно.

Краюхин облегченно вздохнул.

— Вы чуть не нарвались на большую неприятность, товарищ Быков, — сказал он, вытирая пот с лысины. — Знаете, где мы вас перехватили?

— Никак нет... — Быков чувствовал себя очень несчастным.

— За проволочной оградой под землей находится мощный реактор, вырабатывающий тритий. Это горючее для нашего «Хиуса». Бетонная башня, в которую вы так неосторожно заглядывали, есть не что иное, как камерамогильник для радиоактивных отходов от очистки урана. И как раз сегодня комплект урановых стержней пошел на переплавку. Если бы вы сунули туда нос...

— То есть ясно даже и ежу! — проникновенно сказал Юрковский. — Если место окружено колючей проволокой, то это значит, что вход туда запрещен. Нет, он лезет своими гусеницами прямо через проволоку! Не может равнодушно видеть заграждения и смело, как лев, кидается на них грудью.

Это было очень несправедливо, но Быков только сокрушенно вздыхал.

— Юрковский вас заметил, когда вы подходили к камере, и кинулся, чтобы, так сказать, оттащить вас, но немного опоздал. Признаться, мы уже думали, что произошло несчастье.

— Бежали сломя голову, — сказал Дауге. — Я думал, у меня сердце выскочит...

Быков повернулся к Юрковскому и пробормотал, запинаясь:

— Я... мне очень жаль, право... я не хотел... — и в отчаянии махнул рукой: — Черт знает, как это получилось! Понимаете, я очень испугался вас...

Губы Юрковского скривились в презрительную улыбку.

Дауге хихикнул:

— Как он его встретил! Великолепно встретил! О господа, вот это был бой!

— Да, деретесь вы хорошо, — усмехнулся Краюхин, — но впредь будьте осторожны. В нашем деле ничего нельзя трогать голыми руками, тем более без спросу. И это напомнило мне: сегодня же вечером Дауге подберет вам спецкостюм и научит вас пользоваться им.

— Господи, вот это была драка! — повторил Дауге, вытирая глаза.

Быков быстро пересел на свое место и отключил автоводитель. Впереди в легком тумане проступили очертания плоской крыши гаража.

— И еще, — сказал Краюхин. — Нужно будет испытать вас и «Мальчика» по-настоящему. Вы готовы?

— Здесь нельзя испытать по-настоящему, — пробормотал Быков: — тундра, все плоско, как стол...

— Ничего, я найду вам о-отличное место, дружок! — Золотые зубы Краюхина блеснули в полутьме.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Проводив Краюхина и геологов — за ними приехала вызванная из города машина, — Быков озабоченно почесал затылок и вернулся в гараж. «Мальчик» стоял в двух шагах от ворот, дождевые струйки блестели на его пока-тых боках.

— Испытания! — сказал Быков вслух. — Ну что ж, испытания так испытания.

Он достал из кармана мятую, испачканную смазкой книжечку руководства, полистал ее, вздохнул и пополз в люк. Как и всякий человек, Алексей Петрович Быков не любил экзаменов, в какой бы форме они ни проводились. Большой несправедливостью представлялось ему положение, когда ничтожный, никому не нужный пустяк, на который никогда не обращаешь внимание за его полной неприменимостью в практической работе, становится в один ряд с важнейшими и необходимейшими знаниями. Сам он, проводя занятия, держался совсем другой системы. «Будьте вы хоть семи пядей во лбу, — говорил он, — вам никогда не удастся запомнить все напечатанное в горах книг и таблиц. Ведь в них есть и самое важное, и просто важное, и второстепенное, и, наконец, просто ненужное — то, что либо успело устареть, едва родившись, либо потеряло значение к настоящему времени. И я, разумеется, не собираюсь требовать от вас знания всего, что есть в книгах и таблицах. Но уж если, товарищи, кто-нибудь не будет знать того, что обязан знать в первую очередь, — прошу не обижаться».

Авторитет Быкова, лучшего специалиста по транспортным механизмам, охранял эту систему от посягательств со стороны самых педантичных начальников. Но ведь так было там, в Гоби, а как будет здесь? На этот раз экзаменным придется быть ему самому. Правда, Краюхин не производит впечатления начетчика и формалиста, но кто может сказать, куда смотрят его крохотные глазки, спрятанные под громадными темными очками? И Быков снова и снова листал зачитанное руководство, особенно ту его часть, которая касалась всевозможных аварий и ремонта в полевых условиях. Затем он снял куртку, натянул комбинезон и погрузился в отсек двигателя.

В гостиницу он вернулся поздно, усталый, но довольный и почти спокойный. В столовой уже никого не было. Поужинав (основательно, без излишней поспешности), Быков отправился разыскивать Дауге. На втором этаже, в коридоре, куда выходили двери комнат, в которых жили межпланетники, он остановился. Одна из дверей была приоткрыта, и слышался звучный голос Юрковского, декламировавшего стихи Багрицкого:

...А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!..»

Быков заглянул в комнату. Юрковский в пижаме и домашних туфлях полулежал на диване, закинув руки за голову, повернув лицо к окну. Рядом сидел Крутиков, сгорбившись, посасывая короткую пустую трубочку. У стола Богдан Спицын покачивался на стуле и улыбался каким-то своим, одному ему известным мыслям. Ни Дауге, ни Краюхина и Ермакова в комнате не было.

...Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...

Это были чудесные стихи. Кроме того, «пижон» читал удивительно хорошо. Что-то тревожное и зовущее было в его глубоком, полном сдержанной силы и волнения голосе, и Быков невольно подумал, что вот этот бесстрашный красавец, вероятно, очень похож на автора стихов, которые он читает. Он такой же беспокойный и страстный, так же готов без сожаления отдать всю жизнь свою для больших и необычайных дел. О том же, вероятно, подумал и Крутиков. Он вдруг вынул изо рта трубку и внимательно посмотрел на Юрковского, словно желая убедиться в чем-то. Только Спицын продолжал тихонько раскачиваться и улыбаться с полузакрытыми глазами.

...И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
«Ай, Черное море,
Хорошее море!..»

Юрковский замолк. Быков отступил от двери и пошел дальше. Комната Дауге оказалась пустой. На кровати лежал спецкостюм, который Иоганыч, наверное, подобрал для своего друга. Красноватые отблески вечернего неба переливались на полированной поверхности шарообразного колпака. Быков хотел было идти, но тут внимание его привлекла фотография, лежавшая на столе. Фотография была знакома — прекрасная женщина с грустным лицом, в синем платье, закрытом до шеи.

«Маша Юрковская», — вспомнил Быков. Он вздохнул.

Бедный Иоганыч! Вот к чему пришла твоя любовь... Даже ты, веселый и добрый, шутивший и смеявшийся в самые крутые минуты... ты не можешь забыть о ней и сейчас, за несколько дней до старта в неведомое.

— Именно сейчас — вот что самое омерзительное! — загремел вдруг за стеной голос Юрковского. — Прислать такое письмо именно сейчас... И не успокаивай меня, б-брат милосердия, божья коровка! Ведь она же дрянь!..

— Не смей! (Быков сначала не понял, чей это пронзительный выкрик.) Не смей так говорить о ней! В конце концов, это совсем не твое дело!

— Нет, и мое! И не потому, что она моя сестра. Это дело всех — и Краюхина и каждого из наших ребят, в том числе и твоего краснорожего пустынного. Там, куда мы идем, жизнь всех будет зависеть от каждого. Мы должны

быть абсолютно уверены друг в друге, а теперь я думаю: хватит ли у тебя в таком состоянии цепкости, воли к жизни? Не подведешь ли ты нас, Григорий Дауге?

— Полегче, Володя!

— Ничего не полегче... Неужели ты не раскусил ее, эту мою очаровательную сестричку? Ведь это не человек — это кукушка! Да-да, кукушка! Отними у нее смазливое рыльце, и что от нее останется? Мало разве других женщин? Верных, любящих, умных... Что ты за нее цепляешься?

Быков на цыпочках прошел в свою комнату и плотно притворил дверь. Вряд ли Дауге станет сегодня заниматься спецкостюмом, да и самому Быкову было теперь не до этого. Нужно было о многом подумать. Он разделся, лег, закрыл глаза. Лучше всего, пожалуй, постараться уснуть. Он поднялся, чтобы опустить штору, и в ту же минуту вошел Дауге. Он был такой, как всегда, — слегка встрепанный, со сбитым набок галстуком. Быков сел и уставился на него.

— Уже лег? — спросил Дауге. — А спецкостюм? Что ты на меня так смотришь, Алексей? Что-нибудь не в порядке?

Он поднес руку к лицу, затем посмотрел себе на грудь.

— Да нет, ничего... Это я так, — с трудом выдавил из себя Быков. — Я думал, сейчас уже поздно...

— Ничего не поздно. Одевайся, идем. Сегодня тебе нужно освоиться со спецкостюмом, иначе завтра, боюсь, не успеем. Где ты так задержался?

— С «Мальчиком» возился. Боязно мне, Иоганыч... Провалюсь я на этих испытаниях.

— На каких испытаниях?

— Как — на каких? О которых Краухин сегодня говорил. Помнишь, когда возвращались...

— А-а! Ну, мне кажется, не провалишься, Алексей. Водитель ты хороший, я знаю.

— «Водитель»... Как начнут вводные давать...

Дауге удивленно посмотрел на него:

— При чем здесь вводные? Ты, Алексей, и без вводных взмокнешь так, что тебя потом выжимать придется.

— Не понимаю.

— Между тем все просто. Будет испытательный пробег. Завтра сделаешь марш по сильно пересеченной мест-

ности, усиленной искусственными препятствиями, как говорят спортсмены.

— Один?

— Кто-нибудь будет с тобой, не знаю... Готов? Пошли.

В комнате Дауге Быков заметил, что фотографии на столе уже нет. Иоганых взял спецкостюм с кровати и разложил его на полу.

— Садись, Алексей, и слушай. Вот этот балахон называется «СКК-6», то есть спецкостюм системы Краюхина, модель шестая. Изготовлен он из очень прочного и гибкого материала с длинным и сложным химическим названием. Впрочем, в техническом просторечии его называют «силикет». Это какое-то кремний-органическое полимерное соединение с баснословно длинными нитевидными молекулами. Прочность его на разрыв необычайно велика. Кроме того, он в высшей степени огнеупорен и, разумеется, газо- и водонепроницаем.

— Ясно, — сказал Быков. Он сидел на корточках и с интересом мял и разглаживал на ладони эластичный рукав спецкостюма.

— Костюм этот, разумеется, не шьется и даже не штампуются. Его отливают в готовом виде, вот таким, каков он сейчас, с заранее намеченными отверстиями и карманами для приборов, продовольствия и прочего. Силикетовый слой двойной, причем ориентация молекул одного слоя перпендикулярна по отношению к ориентации молекул другого. Ясно?

— Ясно. Для вящей прочности и непроницаемости.

— Совершенно верно. Перейдем к шлему. Видишь, он прикреплен к затылку, но его можно легко откинуть. Вот так.

Быков заглянул внутрь шлема. Так и есть! Блестящий, словно никелированный снаружи, колпак оказался совершенно прозрачным, если смотреть сквозь него изнутри.

— Что за чертовщина?

— Спектролит, особый вид пластмассы, — сказал Дауге. — Неплохо придумано, правда? Обеспечивает полный круговой обзор. — Он сел рядом с Быковым на пол и постучал пальцем по шлему. — Разумеется, здесь подошли бы и другие прозрачные вещества, но у спектролита есть несколько совершенно неоценимых преимуществ. Во-пер-

вых, он определенным образом поляризует свет, поэтому в темноте или в сумерках сквозь него можно смотреть на сильный источник света в упор и видеть все. Свет не ослепит тебя. Затем, спектролит пропускает только видимые лучи спектра. Химические и тепловые лучи им либо поглощаются, либо отражаются полностью. Также и рентгеновские и гамма-лучи. В-третьих... в общем, великое дело свершил Краюхин.

— А это что? Ага... мембрана.

— Это дуга с наушниками. Чрезвычайно чувствительная мембрана для радиоприема, а дуга служит амортизатором... на случай, если ты сверзишься откуда-нибудь вниз макушкой. Тут же и микрофон с передатчиком и питанием на полупроводниках.

— Ясно.

— Весь костюм звуконепроницаем. Для того чтобы можно было слышать звуки извне, здесь есть приспособление. Его можно отрегулировать в соответствии с плотностью окружающей атмосферы. Сейчас оно настроено на наше обычное атмосферное давление.

— Ясно.

— Превосходно! Теоретическая часть как будто закончена. Теперь надень-ка его, Алексей... Погоди, не так. Влезай в него ногами через вырез шеи. А теперь прикрепи шлем.

Несколько раз заставил он Быкова снимать и надевать спецкостюм, закреплять и снимать шлем, выполнять в спецкостюме всевозможные гимнастические упражнения. Наконец, когда Быков взмок и готов был заговорить прочувствованными словами, Дауге сжалился:

— Хорошо, довольно с тебя. Раздевайся. Обрати внимание еще вот на что, Алексей. Здесь на поясе — гнезда для термосов с какао, бульоном, освежающими напитками. От них в шлем будут поданы трубки. Кислородные приборы и поглотители углекислоты крепятся на спине. Вот они. Обрати внимание — терморегулятор: на случай холода можно включить отопление. Здесь — дозиметр. Да, и еще... Костюм оборудован великолепным устройством — кислородным фильтром. Если в самой ядовитой атмосфере есть хотя бы пять процентов кислорода, фильтр пропустит этот кислород в шлем. Никакие другие газы через фильтр не пойдут...

Быков выбрался из костюма и еще раз внимательно рассмотрел его.

— А излучения? Предохраняет он от излучений?

— Разумеется. В этом отношении силикет незаменим.

— Как «абсолютный отражатель» фотонного реактора?

Он вытер со лба пот и уселся рядом с Дауге. Тот сказал:

— «Абсолютный отражатель» тверд и хрупок. Как материал для комбинезона он не годен. Силикет достаточно надежен. Например, сегодня утром мы — Краюхин, Володя и я — час просидели в костюмах в «могильнике».

— Что ты говоришь!

— Серьезно. Температура около двухсот градусов, альфа-излучение, гамма-лучи и все такое прочее. И тем не менее великолепно держит. Жарковато, разумеется, немного...

Быков удивлялся, хлопал себя по коленкам. В дверь постучали.

Вошел Краюхин. Быков придвинул ему кресло.

— Нет, садиться не буду, — сказал Краюхин. — Пора, так сказать, идти отдыхать. Как у вас со спецкостюмом, товарищ Быков? Освоились?

— Так точно.

— Вполне освоился, — подтвердил Дауге.

— Надо бы вас в нем потренировать, конечно, но некогда все, некогда...

Краюхин взялся было за ручку двери, но снова отпустил ее:

— Самое главное забыл. Завтра, товарищ Быков, отправляйтесь с утра к гаражу и возвращайтесь сюда на «Мальчике».

— Слушаюсь, — сипло проговорил Быков.

— Поедем на полигон. Покажете нам, на что способна эта машина.

— Слушаюсь.

— Покойной ночи...

Краюхин вышел. Быков вздохнул и тоже стал прощаться. У двери он задержал руку Иоганыча в своей и сказал тихо:

— Я... того... слышал, что письмо к тебе пришло. Нехорошее письмо.

Дауге молчал.

— Я это к тому, что... в общем, если я тебе буду нужен...

— Ладно... — Иоганыч усмехнулся невесело и подтолкнул Алексея Петровича к выходу. — Вот насели... утешители, черти бы вас побрали!..

— Ты не обижайся...

— Да нет, ничего. Ступай.

— Спокойной ночи.

— Еще ты дремлешь, друг прелестный? — пропел утром Дауге, стягивая с Быкова одеяло. — Пора, красавица, проснись!

— Не мешай! — буркнул Быков и повернулся к стене, сладко чмокая и поджимая колени к подбородку.

— Вечор — ты помнишь? — вьюга злилась... а сейчас уже семь часов и внизу тебя ждет машина.

— Не... Что? Ах, дьявол!

Дауге едва успел посторониться. Быков прыгнул к стулу и схватился за одежду.

— погоди, Алексей, а зарядка?

— Отставить! Как погода?

Дауге поднял шторы:

— Изумительная! Ни облачка. Тебе везет, Алексей. Но тебе же и влетит от Ермакова!

— За что? — осведомился Быков, застегивая рубашку.

— За то, что уходишь без зарядки.

— Ничего, пусть влетит. Ну, я побежал.

— Завтрак?

— Потом, потом...

— Выпей хоть молока с хлебом, чудак! Ермаков снимет тебя с испытаний.

— А, черт...

В столовой Быков торопливо проглотил кружку молока, сунул в карман несколько черных сухарей и кинулся к выходу.

— Счастливого пути! — Дауге, сунув руки в карманы, посмотрел с крыльца вслед удалявшейся машине, зевнул и вернулся в дом.

К удивлению Быкова, появление огромного «Мальчика» на улицах города не вызвало у жителей особого

интереса. Прохожие довольно равнодушно оглядывались на транспортер, иногда останавливались, чтобы присмотреться внимательно, — и только. По-видимому, технические новинки не были здесь редкостью. Быков остановил «Мальчика» перед гостиницей и отправился доложить Краюхину. В коридоре он столкнулся с Ермаковым.

— Приехали? Очень хорошо... — Серые пристальные глаза командира внимательно оглядели инженера с головы до ног. — Нехорошо то, что вы нарушили режим.

— Я...

— С лучшими намерениями, понимаю. Но через полтора — два часа вам предстоит перенести очень большое напряжение, и сегодняшнее нарушение может дорого обойтись. Не только вам.

Он помолчал, затем добавил:

— Если бы не ваше удивительное здоровье, я бы настаивал на том, чтобы отложить испытательный пробег.

— Больше не повторится, — пробормотал Быков.

— Надеюсь. Режим межпланетника рассчитан лучшими врачами страны, и любой опытный человек может привести вам десяток примеров того, к каким печальным результатам приводили иногда малейшие нарушения режима. Будь вы пилотом, сегодняшний день был бы последним днем вашего участия в экспедиции. К счастью, вы не пилот. Примите десяток таблеток тонина. А теперь пойдемте, нас ждут.

Наверху, в кабинете Краюхина, собрался весь экипаж «Хиуса». Здесь находились и два незнакомых Быкову человека — председатель городского совета и секретарь горкома партии. По тому, с какой почтительностью они обращались к Краюхину, было видно, что в городе авторитет у заместителя председателя ГКМПС громадный.

— Не будем терять времени, товарищи, — начал Краюхин, едва Быков успел поздороваться со всеми и присесть в углу. — Алексей Петрович, сегодня вы исполнитель главной роли. Извольте, так сказать, выйти к рампе. Прощу вас...

Быков подошел к столу и встал рядом с Краюхиным. Секретарь и председатель дружески улыбнулись ему, Дауге подмигнул. На столе лежала крупномасштабная карта.

— Испытания мы проведем в этом квадрате... — па-

лец Краюхина описал круг в северо-восточном углу карты. — Сколько отсюда до этого места?

Быков нагнулся:

— Километров пятьдесят.

— Правильно. Сколько потребуется «Мальчику»...

— Минут тридцать—сорок...

— Отлично. В указанном районе в настоящее время множество различных формаций искусственного происхождения, на карте они... гм... не отмечены. Ваша задача: отвезти всех нас на эту вот высотку, откуда мы будем наблюдать за пробегом, затем пересечь район точно с юга на север и снова вернуться к возвышенности вдоль вот этого ручья. Понятна задача?

— Понятна.

— Предупреждаю: на этом пути вам могут встретиться всяческие сюрпризы. За один, во всяком случае, ручаюсь... Люди туда посланы? — обратился он к председателю горисполкома.

Тот кивнул.

— Вообще испытание серьезное. С вами направляется товарищ Ермаков. Будьте осторожны. Смелость и осторожность! Без лишнего, так сказать, лихачества.

— Слушаюсь.

— У меня все. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Спецкостюм ваш где?

— Сейчас возьму, Николай Захарович.

— Берите скорее и выходите. Мы пока будем рассаживаться.

Через четверть часа «Мальчик» выбрался за северную гряду холмов, и Быков впервые увидел ракетодром. Это была все та же однообразная, плоская, как стол, тундра с редкими щетинистыми холмиками. Только местами на равнине зияли круглые и звездообразные рыжие проплешины, на которых не росло ни травинки. Быков направил «Мальчика» на одно из этих пятен. На несколько секунд мягкое чавканье под гусеницами сменилось глухим, дробным рокотом, словно железный бак катился по булыжной мостовой.

— Здесь приземлялись корабли, — пояснил Дауге, занявший место за спиной Алексея.

— А это?

Слева потянулись ржавые рельсы, мелькнули остатки колючей проволоки, покосившийся столб с белым жестяным треугольником, на котором красовались знаки: «I Р». За проволокой Быков успел заметить нечто вроде обширного котлована, наполненного бурой комковатой массой.

— Отсюда пять лет назад стартовал «Змей Горыныч», — проговорил Дауге. — Видишь, место старта было обнесено изгородью, так как грунт спекся в радиоактивный шлак. «I Р» означает «один рентген».

— Это-то я знаю, — буркнул Быков.

«Мальчик» бежал по тундре, обходя ледниковые валуны, стремительно проносясь через мелководные озера-болотца. Когда счетчик пройденного расстояния показал тридцать километров, Ермаков попросил водителя уступить ему место. Быков прошел в кабину. Все люки были открыты настежь. Председатель горисполкома спорил о чем-то с Крутиковым, секретарь горкома без видимого интереса прислушивался к их спору. Краюхин дремал, прислонившись к мягкой губчатой обивке. Юрковский и Спицын сидели снаружи, свесив ноги в люки. Быков заглянул в моторное отделение, послушал, посмотрел, затем присел рядом с Ермаковым.

Рев двигателя резко усилился. «Мальчик», слегка замедлив ход, взбирался по крутому склону.

— Приехали, — сказал Краюхин.

Машина в последний раз взревела, круто развернулась и стала. Все выбрались наружу. Быков вышел последним. Они находились на макушке высокого кургана, поросшего жесткой серой травкой. Странное зрелище представилось Алексею, когда он взглянул вниз. Равнина кончилась. Дальше на север до самого горизонта шло дикое нагромождение каменных глыб и вставших дыбом мощных пластов земли. Широкие воронки, окруженные изломанными валами, почти отвесная зубчатая красноватая стена, протянувшаяся поперек этого хаоса, неровные груды обломков гранита и снова воронки, стены, каменные насыпи...

— Ну вот, — раздался за его спиной голос Краюхина, — по-моему, этот участок будет, так сказать, достоин вашего искусства, Алексей Петрович, и превосходных качеств нашего «Мальчика». Как вы находите?

— Отлично! — Быков в упор поглядел прямо в чер-

ные стекла, скрывающие глаза Краюхина. — Мне это подойдет. Разрешите начинать?

— Здесь командует Ермаков. Прошу к нему.

«Этим ты меня не запугаешь», — подумал Быков и обратился к Ермакову, стоявшему на гусенице «Мальчика» с биноклем в руке.

— Разрешите начинать, Анатолий Борисович?

Ермаков кивнул и ловко спрыгнул на землю.

— Надевайте спецкостюм, — сказал он и, понизив голос, добавил: — Да не волнуйтесь, спокойнее...

Быков пожал плечами и разлаписто полез в машину. Дауге шагнул было к нему, но остановился и медленно отошел. Юрковский стоял в стороне, посвистывая, поглядывая то вниз, то в сторону транспортера. Краюхин сидел на корточках, оживленно переговариваясь с «отцами города» над картой, развернутой на земле. Михаил Антонович и Спицын молча возились у крошечного радиоаппарата.

— Включите микрофон и опустите шлем, — сказал Ермаков, усаживаясь рядом с Быковым.

Они помогли друг другу пристегнуться к сиденьям широкими лямками, и Быков вопросительно взглянул на серебристый шлем командира, склонившегося над приборами.

— Пошли, — негромко прозвучало в наушниках.

Алексей опустил пальцы на пульт, и «Мальчик» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее устремился вниз по склону. Внизу он вздыбился, перевалил через первую грудку щебня и нырнул в воронку. Пробег начался.

Быкову некогда было заниматься сравнениями, но где-то в глубине сознания всплыла фраза: «Как лягушка в футбольном мяче», — и он бессознательно повторял ее шепотом. В квадратном отверстии люка мелькало то голубое небо, то черная, словно обугленная, земля, то замшелая макушка гранитного валуна. «Мальчика» бросало из стороны в сторону, гремели гусеницы, скользя по камням, но мотор гудел ровно и весело, без перебоев. «Этим тебя не запугаешь», — упрямо думал Быков. Транспортёр с ревом ринулся в глубокий ров. На мгновение в люке мутно блеснула неподвижная коричневая поверхность, на колени водопадом хлынула вода.

— Вперед! — весело крикнул Быков.

На другой стороне рва «Мальчик» приостановился. В нескольких метрах впереди возвышалась почти отвесная стена красноватой глины. «Метров пятнадцать—двадцать, — мельком подумал Алексей. — Попробуем». Краем глаза он заметил, что Ермаков ухватился руками за сиденье. «Как лягушка в футбольном мяче...»

С вершины холма транспортер казался маленьким серым жучком, пробирающимся по вспаханному полю. Вот серый жучок полез на стену. Каким-то непонятным образом ему удалось проползти несколько метров. Затем он дрогнул, сорвался и в тучах красной пыли опрокинулся на спину.

— О черт, — пробормотал секретарь горкома, — шел бы в объезд!

Дауге нервно сплюнул.

— В объезд нельзя, — спокойно сказал Краюхин. — Не по правилам. Внимание!

Что-то случилось там, под красноватой стеной. Жук зашевелился. Из его туловища вдруг вытянулись в стороны коленчатые блестящие ноги, медленно согнулись и снова перевернули его спиной вверх. Мгновение, другое... Упираясь тремя стальными стержнями в подножие стены и осторожно нащупывая опору четвертым, «Мальчик» подтянулся до вершины, вцепился в нее гусеницами и двинулся дальше, на ходу убирая внутрь себя опорные рычаги.

— Молодец! Вот молодчина! — возбужденно проговорил Юрковский. — Настоящий мастер!

— Может, все же возьмем вместо него лишнего пилота? — заметил Краюхин, поднимая к глазам бинокль.

Быков ликовал. Все шло как нельзя лучше. «Мальчик» брал препятствие за препятствием. Крошились под гусеницами камни, расплескивалась жидкая грязь из глубоких круглых ям, с пушечным гулом валились сбитые валуны. Несколько раз Ермаков, следивший за маршрутом по карте и компасу, указывал направление — без этого Быков непременно сбился бы, хотя старался вести машину точно по прямой.

— Сколько прошли, Анатолий Борисович?

— Осталось километра полтора...

И в этот момент совершенно неожиданно и бесшумно впереди встали столбы малинового пламени. Быков отшатнулся и остановил машину.

— Вот они, краюхинские сюрпризы,—пробормотал он.

Огонь быстро распространялся. Казалось, горели камни. Черные струи дыма, мешаясь с кровавыми языками, то стлались по земле, то взлетали высоко вверх. Сухой горячий ветер поднял тучи пыли.

— Сгущенный бензин! — встревоженно сказал Быков. — Напалм! Вот придумано...

Ермаков молчал. Быков усмехнулся, опустил на люки спектролитовые щитки и тронул клавиши. «Мальчик» на полном ходу нырнул в огненную бурю.

Когда горизонт заволочла мутная темно-малиновая пелена, секретарь горкома кашлянул, председатель горисполкома подошел ближе к радиоаппарату, а Краюхин сказал невозмутимо:

— Я приказал зажечь там несколько десятков бочек бензина. Каких-нибудь семьсот—девятьсот градусов в течение нескольких минут. Пустяки. «Мальчик» должен выдерживать отлично, так. А вот выдержат ли нервы...

«Мальчик» выдержал, выдержали и нервы. В облаках жирной копоты транспортер скатился в речушку, отмечавшую конец маршрута, и остановился. Торопливые волны набегали на почерневшие, отливающие лиловым блеском бока машины, окутанной паром. Слышалось шипение. Постепенно панцирь остывал. Быков потряс за плечо Ермакова, беспомощно повисшего на лямках. Но Ермаков был в сознании.

— Прости... — слабым голосом пробормотал он. — Хорошо прошли, — повторил Ермаков. — Я рад за вас... и за себя.

Быков смущенно хмыкнул.

Весь обратный путь по равнине вдоль ручья они молчали. И только сворачивая к кургану, на вершине которого несколько фигурок размахивали руками, приветствуя их, инженер сказал:

— Одно мне непонятно, Анатолий Борисович. Откуда здесь, в тундре, такие разрушения?

Ермаков долго не отвечал, отстегивая пряжки лямок. Затем неохотно проговорил:

— Над этим районом взорвалась ракета... фотонная ракета, только и всего.

— Я так и думал, что здесь был взрыв...

Это было все, что мог сказать изумленный и потрясенный Быков.

В конце позднего обеда (с рюмочкой коньяку по случаю удачно проведенного пробега) Краухин попросил внимания и объявил:

— Ермаков и Быков на неделю переводятся на санаторный режим. Никакой работы. Приключенческие романы, прогулки и сон. Остальным готовиться к приему «Хиуса». Получено сообщение, что машина стартовала от «Циолковского» и будет у нас через пять—шесть дней.

«ХИУС» ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Быкову приснилось, что Ермаков поставил «Мальчика» в ангар. Транспортёр был раскален докрасна, и ангар пылал холодным багровым пламенем. Быков сорвал со стены огнетушитель, но Ермаков рассмеялся, потряс его за плечо и закричал в самое ухо, почему-то обращаясь на «ты»:

— Проснись, Алексей! Проснись, говорят тебе!

Тут Быков заметил, что на Ермакове блестящий хлорвиниловый плащ и что это вообще не Ермаков, а Дауге. Быков сел на кровати и протер глаза:

— В чем дело?

— «Хиус» на подходе. Пойдем встречать, Алексей.

Часы показывали около двух ночи. Небо было плотно забито тяжелыми черно-серыми тучами, только на севере тускло светились мутные розоватые полосы. Лил дождь.

— Кто еще встречается?

— Все наши. И в придачу — половина города.

Быков подошел к окну. По улице торопливо шли и бежали люди; позвякивая, солидно прополз трактор, таща за собой странного вида громоздкое сооружение на огромных колесах. Его обогнало несколько автомобилей. Внизу хлопнула дверь, кто-то сердито крикнул:

— Почему до сих пор не вызвали?

Ермаков и остальные межпланетники уже ждали в вестибюле. У выхода стоял Краюхин, возвышаясь над группой инженеров в плащах и мокрых кожаных куртках. Сухим, жестким голосом, словно вбивая гвозди, он говорил:

— Город существует для того, чтобы снаряжать, принимать и отправлять корабли. Вы об этом забыли. Думаю, придется освежить вашу память. Но это потом. Сейчас — немедленно разыскать все машины — раз. Отправить людей на станцию — два. — Он повернулся к коренному бородачу. — За станцию вы мне головой ответите!

— Постараемся справиться, — прогудел бородач.

— Все средства дезактивации и противопожарной безопасности...

— В порядке, Николай Захарович, все в готовности номер один.

— Хорошо. Я буду где-нибудь в капонирах или там поблизости. Да...—Краюхин ткнул пальцем в грудь молодого человека в хлорвиниловом капюшоне.—О всех радиограммах с корабля немедленно докладывай.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

— Можете идти... А вы, Зайченко, — теперь он говорил небрежно и как будто нехотя, — отправляйтесь под арест. И, если произойдет несчастье, пойдете под суд, так.

Тот, кого звали Зайченко, прижал руки к груди:

— Николай Захарович!

— Я сказал!..

— Да позвольте мне хоть сейчас на станцию, хоть на часок! — умоляюще проговорил Зайченко. — Ну, я виноват... ну, суд... Но сейчас-то никто лучше меня не справится!

Краюхин подумал.

— Так. Хорошо... Поезжайте на станцию. Под арест пойдете после прибытия корабля.

— Есть!

— Все? — он оглянулся на межпланетников. — Пошли, товарищи.

На улице было мокро и зябко. Машина нетерпеливо пофыркивала у подъезда. Межпланетники расселись, и она помчалась в обгон длинной вереницы полугусеничных грузовиков с кузовами, обтянутыми брезентом. Быков спросил вполголоса:

— Что случилось? Что это за станция, о которой говорил Краухин?

— Радиомаяк точного наведения... — Дауге покосился на спину Краухина. — Когда межпланетный корабль подлетает к Земле, пилот ориентируется на три основных, базовых маяка. Один из них здесь, в городе, два других расположены по углам полигона на океанском берегу. Но это довольно грубые ориентиры, и корабль может сесть либо на город, либо в океан, либо еще где-нибудь в стороне. Так вот, для точного наведения корабля на место посадки применяется этот самый радиомаяк. Зайченко — его начальник.

— Что же произошло?

— Вчера вечером во время пробного запуска там сгорел какой-то важный агрегат — не то трансформатор, не то еще что-то в этом роде. Выяснилось, что резервное оборудование не получено станцией, затерялось где-то на складах. Крупный скандал! В самый ответственный момент станция не работает. Остается надеяться только на искусство Ляхова.

— Кто это?

— Пилот «Хиуса».

— А если...

— В лучшем случае сядет в тундре, километров за двести отсюда. Это не беда. С таким расчетом полигон и строился. Может сесть в море. Но если он повиснет над городом...

— Не повиснет! — уверенно сказал Крутиков. — Не пугай, Григорий Иоганнович. Ляхов не новичок — увидит, что сигналов точной наводки нет, и станет забирать к северу. А вообще-то скандал, конечно...

— Сегодня всю ночь на станции работали, старались исправить. Может быть, еще исправят? — Дауге снова поглядел в спину Краухина.

— Для Ляхова это не имеет значения, — сказал вдруг Богдан Спицын. — Ляхов посадит корабль точно в центр полигона на одних базовых маяках.

— Будто? — прищурился Крутиков.

— Ляхов сядет точно в центре полигона, — повторил Спицын и сжал губы, показывая, что дальнейший спор на эту тему считает излишним.

Юрковский, кашлянув, сказал:

— Зайчика жалко. По-настоящему, наказать нужно бы не его, а кое-кого повыше.

— Все получают! — проворчал Краюхин, не оборачиваясь. — Никого не обделим. Но Зайченко получит первым.

— Начальник полигона...

— Я сказал, — Краюхин наконец повернулся и посмотрел на Юрковского, — получают все... в части и порции, их касающейся, так. Но вы, должно быть, забыли, Владимир Сергеевич, что Зайченко был *на доверии*.

Это, по-видимому, был веский аргумент, потому что Юрковский и не пытался возражать. Больше никто не произнес ни слова.

Машина свернула и промчалась по обширному бетонированному полю у стартовых установок. Справа потянулись прилепившиеся к подножию холмов низкие широкие сооружения без передних стен, над ними торчали сетчатые мачты высоковольтной линии, уходящей за холмы, и какие-то серые куполообразные башни.

— Укрытия, — пробормотал Спицын.

— А мы куда едем, Богдан?

— К капонирам. Будем наблюдать за посадкой «Хиуса».

Они выехали на узкое прямое шоссе. Дождь усилился, стекла заливали потоки воды, белесые пузырьки прыгали по асфальту. Машина резко затормозила. Подошел человек в плаще с капюшоном, нагнулся, вглядываясь; узнал Краюхина и махнул рукой. Краюхин приоткрыл дверцу:

— Радисты давно проехали?

— Полчаса, не меньше, Николай Захарович.

— Глядите, никого не пропускать!

Через четверть часа впереди показались врытые в землю стальные куполы, похожие на наблюдательные колпаки старинных дотов.

— Капониры, — прокомментировал Спицын.

Давным-давно, лет тридцать назад, эта равнина служила полигоном для испытания космических ракет. Наблюдатели помещались в окопах и блиндажах. Иногда громадные, величиной с высотный дом, ракеты вследствие каких-то неточностей в системе управления, вместо того чтобы лететь в небо, падали набок и принимались, изрыгая огонь, прыгать и ползать по равнине. Сначала

обходилось без жертв, но однажды многотонная машина обрушилась прямо на окоп. Пришлось возвести капониры — подземные сооружения из железобетона с выведенными на поверхность наблюдательными колпаками, которые обеспечивали круговой обзор. Капониры были надежными, рассчитанными на прямое попадание ракеты, и наблюдатели могли чувствовать себя в них в полной безопасности.

Шофер повернул машину, ввел ее в глубокую бетонированную траншею с тяжелым перекрытием и остановил.

— Пошли, — сказал Краюхин.

Пройдя коротким коридором со светящимися стенами, межпланетники очутились в полутемном помещении с низким сводчатым потолком. Быков с интересом огляделся. Справа и слева несколько ступенек вели на круглые площадки, прикрытые сверху стальными куполами. На площадках стояли треноги с мощными сорокакратными перископами. Перед их объективами в стальных куполах зияли прямоугольные бойницы, в которые заглядывало серое морозящее небо. Трое юношей в кожаных куртках колдовали у радиоустановки. Когда Краюхин вошел, один из них шагнул к нему и отрапортовал, что связь с маяками и локационными станциями налажена.

— Спросите, есть ли что с борта «Хиуса», — приказал Краюхин.

Спицын поднялся на одну из площадок и подошел к бойнице. Остальные расселись по табуретам вдоль стен. Репродуктор захрипел и каркнул:

— «Хиус» пока молчит, Николай Захарович...

Краюхин, сунув руки в карманы плаща, принялся расхаживать по комнате. Он остановился и начал внимательно рассматривать на стене древний выцветший плакат «Рост удельного веса ядерной энергетики в общем энергетическом балансе нашей страны с 1960 по 1980 год» и снова возобновил свое хождение. Радисты сочувственно поглядывали на него. Юрковский шепнул Дауге:

— Нервничает старик...

Снова зарычал репродуктор:

— Внимание, внимание! Николай Захарович!

— Да, слушаю, — нетерпеливо отозвался Краюхин.

— «Хиус» над полигоном. Даю его координаты с поправкой на ваше местоположение. Геодезический азимут

восемь градусов и... сорок... сорок четыре минуты... Высота шестьдесят градусов. («Он сядет в центре полигона», — прошептал Спицын.) Опускается со скоростью двадцать сантиметров в секунду...

— На фотореакторе?

— Пока на фотореакторе.

— Передайте приказание: на высоте шестьдесят километров выключить фотореактор и перейти на водородные ракеты.

— Слушаюсь... — Последовала пауза, затем репродуктор рывкнул: — Исполнено. Николай Захарович, «Хиус» просит прислать санитарную машину и врача...

Все встревоженно повернулись к репродуктору.

— ...У них на борту большой инженер с чешского спутника, Дивишек. Ему очень плохо.

— Распорядитесь насчет санитарной машины, и пусть приготовят самолет на Москву. Мой самолет. Что с инженером?

— Лучевая болезнь...

Краюхин вполголоса выругался.

— Да, вот что... Передайте Ляхову, чтобы был осторожен. Напомните, что станция точного наведения не работает.

— Уже передано.

— А он что? — спросил Спицын.

— Смеется...

Репродуктор замолк. Краюхин достал из нагрудного кармана черные очки-консервы, надел их и бросил:

— Пошли к перископам.

В окулярах виднелось серое небо, серая тундра, серый колпак соседнего наблюдательного пункта. Дождь прекратился, сырой тепловатый ветерок рябил воду в лужах, из которых торчали низкорослые кустарники и острые травинки. Быков посмотрел на часы. Было около пяти.

Все молчали. Минуты тянулись медленно.

— Свет! — вскрикнул Крутиков.

Небо осветилось дрожащим фиолетовым заревом. И сразу же исчезло кажущееся серое однообразие неба и тундры. Стал отчетливо виден тонкий муаровый рисунок каждой тучи. По земле пробежали прихотливо изогнутые ослепительно белые прожилки. Свет усиливался. Над тундрой заиграла странная перевернутая радуга.

Белые и лиловые блики запрыгали в лужах. И, постепенно нарастая, в уши вонзился тонкий высокий вой. У Быкова заныли зубы, он зажал уши и затряс головой. Свет становился все ярче, звук поднялся до нестерпимой высоты и стал едва слышен.

— Ляхов докладывает, что через две минуты выключает фотореактор, — донесся низкий бас из репродуктора.

— Давно пора, — буркнул Краюхин.

Свет погас, и, как по волшебству, мгновенно исчезли радуга и веселые зайчики в лужах. На тундру упали сумерки. Но через минуту глаза снова освоились с ее серым однообразием. И тогда небо заполнил низкий зловещий рев. Задражили стены, жалобно задрезбужжала стальная заслонка бойницы. Казалось, неисчислимые косяки реактивных самолетов один за другим проносятся над головой.

— Вот он! — крикнул Крутиков. — Смотрите!

Под тучами блеснули красноватые искры. Округлое темное пятно появилось в вышине и, брызгаясь огнем, стало медленно опускаться. Оно росло на глазах. Тяжелый грохот потряс воздух, и пять огненных струй, тонких и прямых, как мачты, сорвались с краев пятна и ударили в землю. Взметнулись облака пара, полетели комья грязи. Грузное черное тело повисло в воздухе, слегка покачиваясь на подпирающих его пяти столбах оранжевого пламени. Затем еще медленнее, чем прежде, оно погрузилось в вихри пара и скрылось из глаз. Земля мягко дрогнула, рев стих. Никто не произнес ни слова, каждый словно прислушивался к звону в ушах. Там, где опустился планетолет, теперь колыхалось, клубилось тяжелое облако грязно-белого пара...

— Посадка чистоты необыкновенной! — задыхаясь, проговорил Спицын.

— Так, — согласился Краюхин. — Мастерская посадка. Едем, а то вы все лопнете от нетерпения.

«Хиус» сел значительно дальше от наблюдательного пункта, чем это вначале показалось Быкову. Шофер вел машину на предельной скорости, какую позволяла развивать кочковатая равнина. И все же прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем шины зашелестели по горячей, спекшейся и все еще слабо дымившейся земле. Исполинский купол «Хиуса» заслонил полнеба.

— Смотрите-ка, — ликующе сказал Спицын, — сел-то как — нижним люком к городу! Молодчина!

Все выскочили из машины и задрали головы. Быков с изумлением и недоверием смотрел на это чудовище, рожденное волей человека в черной пустоте на верфях «Вэйдады Ю-и». Ничего подобного по масштабам и по форме ему еще не приходилось видеть. Правда, на первый взгляд «Хиус», пожалуй, имел некоторое сходство с черепахой, как и его модель в московском кабинете Краюхина. Но вблизи такое сравнение просто не могло прийти в голову. Больше всего планетолет походил, кажется, на громоздкую беседку-павильон о пяти толстых косых колоннах. Каждая из колонн, величиной с водонапорную башню, поддерживала крышу-корпус, имеющий форму выпукло-вогнутой линзы. Нижняя вогнутая поверхность корпуса была зеркальной, и, зайдя под нее, Быков увидел над головой свое донельзя искаженное и увеличенное отражение.

Зеркало... Тончайший слой волшебного вещества, которое в природе, вероятно, существует только в недрах самых плотных звезд, неимоверными ухищрениями нанесенный на полированный металл. Быкову показалось, что он ощущает на своем лице слабый, едва заметный ток тепла. Но он знал, что зеркало остается холодным даже во время работы фотореактора. Вот из этой черной дыры в центре вогнутой поверхности на высоте десяти—пятнадцати метров брызжет струя раскаленной плазмы, и там, где он, Быков, стоит сейчас, начинается сумасшедшая реакция синтеза голых ядер. Быков нервно передернул плечами и поспешно вышел под открытое небо. Может быть, впервые в жизни он по-настоящему понял, какие огромные силы подчинил и поставил себе на службу человек.

Что-то застрекотало наверху, и Быков увидел большой вертолет с красными крестами на боках, проплывающий над «Хиусом».

— Оперативность прежде всего, — пробормотал Юровский. — Но почему они не выходят?

Как бы в ответ на его слова, неожиданно между двумя реакторными кольцами — так назывались башни-колонны — у кромки корпуса открылся круглый люк, и в нем появилось бледное, улыбающееся лицо.

— Вася! Ляхов! — заорал Спицын, подпрыгивая и размахивая руками.

— Здравствуй, Богдан! Здравствуйте, Николай Захарович! Привет, товарищи!

— Да вылезайте вы, бродяги межпланетные! — сипло рывкнул Краюхин. — Что вы там возитесь, Ляхов?

— Сю минуту. Санитарная машина есть?

— Вот она. — Спицын махнул рукой в сторону приземлившегося вертолета, от которого бежало к ним несколько человек в белых халатах.

Из люка с металлическим лязгом выпала гибкая лестница.

— Принимайте больного! — крикнул Ляхов.

На четырех прозрачных тонких шпагатах осторожно спустили в гамаке человека, закутанного в простыни. Быков принял его на руки и с помощью санитаров уложил на носилки. С удивлением и жалостью он увидел, что по лицу больного текут слезы.

— Земье, — прошептал больной! — Земье, модре небо... синее...

— Да-да, товарищ Дивишек, Земля! — Краюхин наклонился над ним. — Теперь все будет хорошо. Через несколько часов будете в Москве, подлечитесь, а там домой, на отдых.

— Декую, соудругу...

— Передайте распоряжение, — обратился Краюхин к врачу, — чтобы больного немедленно — то есть после оказания ему помощи нашими средствами — отправили на моем самолете.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

Тем временем Ляхов и его двое спутников тоже сошли на землю. Наскоро поздоровавшись с товарищами, они подошли к носилкам.

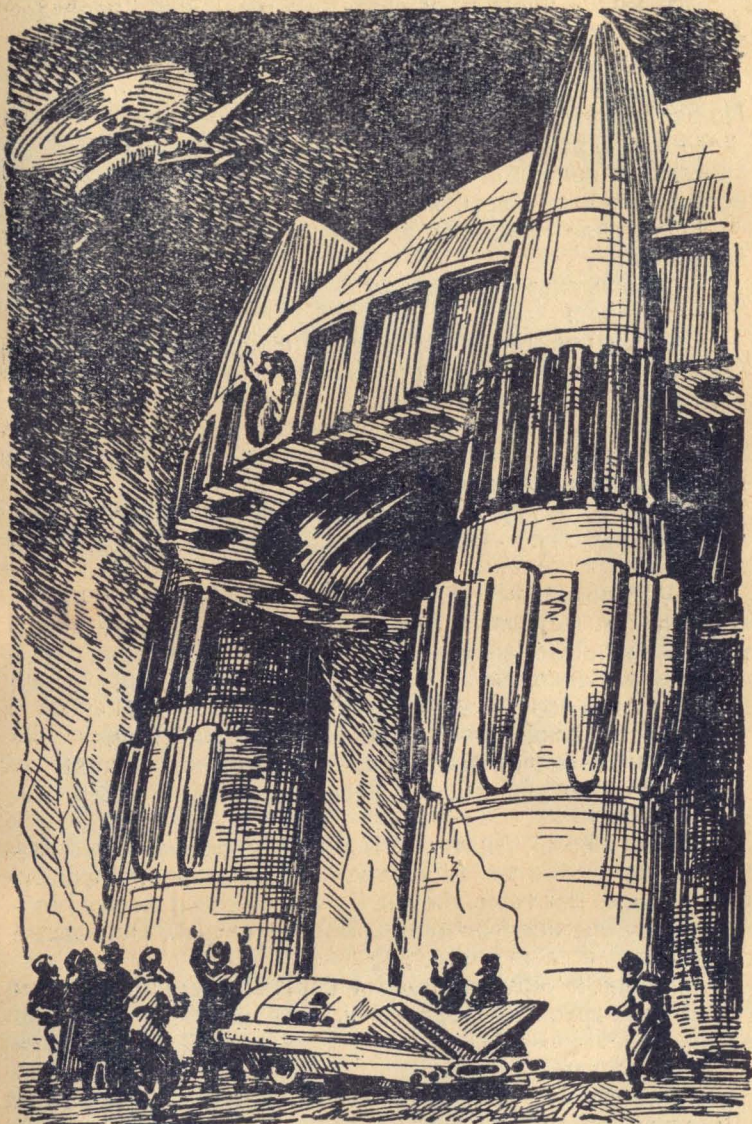
— До свидания, Ян! — сказал Ляхов. — Поправляйся — и снова за работу, дружище!

Худошавая круглолицая женщина в просторном комбинезоне ласково погладила чеха по щеке:

— Выздоровливайте скорее, товарищ Дивишек. Привет вашей семье.

— Декую, соудругу... Спасибо, спасибо, — бормотал Дивишек, пожимая их руки худыми пальцами. — Очень много спасибо!

У кромки корпуса открылся круглый люк.

Все молча проводили глазами улетающий вертолет. Ляхов взглянул на просветлевшее небо, на неясные очертания далеких холмов и слабо улыбнулся.

— Вот и снова на Земле, — сказал он. — Снова дома... Но какая машина, друзья мои! Какая машина!

— Погодите, товарищи... — Спицын схватил Ляхова за плечо и подвел его к круглолицей женщине. — Чокан, встань слева от Веры, пожалуйста...

Третий член экипажа, высокий молчаливый казах, нахмурился:

— Опять снимать будешь?

— Да-да...

Спицын попятился, не спуская с них глаз, достал из кармана миниатюрный киноаппарат и, присев на корточки, заснял несколько метров.

— Довольно! — сердито сказал Краюхин. — Немедленно в машину — в город и отдыхать! Без разговоров! Разговаривать будем вечером.

— Одну минуту, Николай Захарович... — Ляхов повернулся к Быкову: — Если не ошибаюсь, вы новый член экипажа?

— Да, познакомьтесь, — спохватился Краюхин. — Быков Алексей Петрович. Химик, инженер-ядерник, водитель. Василий Семенович Ляхов — пилот... Верочка, идите сюда. Вера Николаевна Василевская — штурман. Чокан Кунанбаев — борт-инженер.

Быков и ляховцы обменялись рукопожатиями.

— Так, — сказал Краюхин. — А теперь — в город!

— Вечером увидимся, — ласково кивнул Быкову Ляхов.

— Мы с вами, Анатолий Борисович, останемся на часок здесь, — обратился Краюхин к Ермакову. — Осмотрим «Хиус». Вы тоже, Быков. Кстати, поговорим с начальником группы обслуживания. Вон он катит... Остальные свободны.

По полю к «Хиусу» ползла вереница машин — полугусеничные грузовики, тракторы, подъемные краны на колесах.

— Скажите им, пусть обратят внимание на третий реактор, — сказал Чокан. — Особое внимание! Что-то реле-ная система барахлит... Да ладно, завтра сам скажу.

Они уехали, и Быков с бьющимся от волнения сердцем

полез вслед за Краюхиным и Ермаковым по гибкой, но прочной лестнице. В кубической камере, куда открывался люк, Краюхин сказал:

— Здесь тамбур — кессон — для выхода в безвоздушное пространство или в среду с ядовитой атмосферой. Тесновато, так?

— Да нет... ничего как будто, — нерешительно пробормотал Быков.

— Тесно, тесно! — брюзгливо проворчал Краюхин. — Многого не рассчитали, когда проектировали. Вот начнем разгружаться и грузиться — увидите. Придется пропустить десятки и сотни тонн груза через три таких вот игольных ушка. — Он ткнул пальцем в сторону люка. — В самом корабле и того хуже, так. Переходы узкие, перегорожены переборками с комингсами.

— С точки зрения герметичности и безопасности от метеоритов это дает большие преимущества, — заметил Ермаков.

Они прошли камеру и стали подниматься по гофрированным ступенькам ярко освещенного коридора.

— Термоядерная ракета — дело, так сказать, новое, — говорил Краюхин. — Многих ее возможностей и преимуществ не учли, проектировали по старинке, как обычные ракеты. Рутина, ничего не поделаешь... А вот здесь начинается новое...

Краюхин толкнул тяжелую стальную дверь, и они оказались в обширном помещении, заполненном незнакомыми Быкову приборами и распределительными щитами.

— Здесь рубка, — сказал Краюхин. — А там, — он указал на стену напротив входа, — за титановым кожухом находится сердце «Хиуса» — фотореактор. Специальное устройство создает поток плазмы, поток голых трионов, ядер сверхтяжелого водорода, который крошечными порциями, по несколько тысяч порций в секунду, выбрасывается вниз. Мощное электромагнитное поле, образуемое пятью соленоидами над реакторными кольцами, резко тормозит комочек плазмы, в результате чего в нем начинается термоядерная реакция. Точка торможения находится в фокусе параболического зеркала — нижней поверхности корпуса «Хиуса». Плотный поток электромагнитных колебаний, нейтронов, ядер гелия и непрореагировавших трионов бьет в зеркало и создает огромную силу

тяги... Конечно, — добавил Краюхин, помолчав, — не будь слоя «абсолютного отражателя», корпус корабля мгновенно, так сказать, прогорел бы насквозь. Первый «Хиус» сгорел потому, что где-то был нарушен этот защитный слой.

— Это неизвестно, — сухо бросил Ермаков.

Он ходил по рубке, заглядывал в приборы и что-то записывал в записную книжку.

Краюхин пожевал губами, помолчал.

— Фотонная ракета — новое дело, — сказал он. — Огромное дело. Будущее человечества... — Он снял очки, стал протирать стекла, глядя на Быкова круглыми глазами. — «Благосклонная природа, вероятно, знает, почему она не хочет, чтобы мы превратили наш земной мир в скромный рай и на этом успокоились, и почему она заставляет нас завоевывать новые миры — те последние и крайние миры, ключом к которым должны стать фотонные ракеты». Это сказал более полувека назад один весьма умный немец; тогда фотонные ракеты казались отдаленной мечтой. А теперь этот ключ к последним и крайним мирам у нас в руках. Но мы еще не научились им пользоваться по-настоящему. Много, еще очень много несовершенного, непонятного. И много рутины. Вот хотя бы эти атомные ракеты на «Хиусе». При фотонном приводе они — как кляча, запряженная в новейший атомокар.

— Но ведь иначе «Хиус» не мог бы стартовать с Земли, — вставил Быков робко.

Краюхин снова водрузил очки на нос.

— В ближайшем будущем мы, вероятно, вообще откажемся от стартов с Земли. «Хиусы» будут стартовать с искусственных спутников.

— Понятно, — сказал Быков. — Но пока-то «Хиус» берет запас обычного для ракет топлива?

— Очень немного. Едва пятую часть полетного веса. Только для того, чтобы оторваться от Земли, выйти из плотных слоев атмосферы, легко поддающихся радиоактивному заражению. А затем включается фотонный двигатель. «Хиус» не знает неудобств, связанных с невесомостью. Он движется с постоянным ускорением в десять метров в секунду за секунду¹, таким же, что и ускорение

---

¹ То есть с ускорением в 10 м/сек².

силы тяжести на поверхности Земли. Таким образом экипаж «Хиуса» избавлен от невесомости и всех ее неприятных последствий. «Хиус» — по крайней мере, в межпланетных перелетах — не знает долгих и тоскливых рейсов по инерции, продолжающихся годы. Он развивает гигантские скорости и расстояния до планет покрывает за дни и недели. «Хиус» — это и есть ключ «к последним и крайним мирам».

— «Хиус» — ключ к большим планетам, — странным, сдавленным голосом проговорил Ермаков.

Он стоял, склонившись над каким-то прибором, и Быков не видел его лица.

Краюхин сжал губы.

— Пойдемте, товарищ Быков, — хмуро сказал он. — Я покажу вам остальные помещения.

Они обошли весь корабль, заглянули в жилые каюты, в кают-компанию, в камеры-хранилища. Все было предельно просто, почти голо. В жилых каютах — голые мягкие стены, выдвижные койки с широкими эластичными ремнями, стенные шкафы, низкие и мягкие кресла, наглухо принаитованные к пружинящему полу. В кают-компании — большой круглый стол, мягкие кресла, в мягких стенах — буфет, книгохранилище. На столе лежал забытый, видимо, листок бумаги с неровными строчками вычислений. Краюхин забрал его. («Чокан, — сказал он с усмешкой. — Математик...»)

Когда они вернулись к люку, «Хиус» был окружен машинами и людьми. Ермаков что-то говорил начальнику группы обслуживания, тот кивал, переспрашивал и на ходу раздавал приказания толпившимся возле него рабочим — молодым ребятам, вероятно, только что со студенческой скамьи.

— Едем домой, — сказал Краюхин. — Если завтра закончат перезарядку реакторов, послезавтра начнем погружку.

— Да! — вспомнил вдруг Быков, усаживаясь в автомобиль. — Я совершенно забыл. А «Мальчик»? Куда его погрузят?

— Наверх, — ответил Краюхин. — «Мальчик» пропутешествует через пространство верхом на «Хиусе». Так...

— Мгм... — начал было Быков, но осекся и больше расспрашивать не стал.

Отчет Ляхова был заслушан на следующий день. В просторном кабинете начальника Седьмого полигона едва разместились, кроме межпланетников, человек тридцать работников ракетодрома, инженеров с верфей «Вэйдады Ю-и», представителей научно-исследовательских и проектных учреждений, связанных с Комитетом межпланетных сообщений. Ляхов, бледный и улыбающийся, говорил быстро, четко, постукивая для убедительности карандашом по кожаной папке с дневниками и заметками.

В соответствии с планом испытательного перелета «Хиус» через двадцать часов после старта принял неподвижное по отношению к Солнцу положение и затем, с постоянным ускорением в 9,7 метра в секунду за секунду, устремился к точке встречи с Венерой в обход Солнца. Пройдя точно половину расстояния и достигнув скорости четыре тысячи километров в секунду (оживление среди слушателей), Ляхов повернул планетолет зеркалом к точке встречи и начал торможение. Через восемь с половиной суток «Хиус» вышел на орбиту «Циолковского» — одного из советских искусственных спутников Венеры, а еще через несколько часов причалил к нему. Далее, следуя программе испытаний, Ляхов около месяца маневрировал вокруг Венеры, проверяя работу фотореактора на всех режимах, посетил искусственные спутники, принадлежащие другим государствам, совершил посадку на Вениту — естественный спутник Венеры, и наконец отправился в обратный путь, приняв на борт больного инженера с чешской станции.

Ляхов рассказал о режимах работы фотореактора, о результатах применения эффекта Допплера для определения собственных скоростей фотонной ракеты, высказал соображения относительно противометеоритного устройства («К сожа... э-э... к счастью, вернее... нам не пришлось испытать его в действии»), сообщил новые оценки распределения плотностей космической пыли в промежутке между орбитами Земли и Венеры («Эти данные, товарищи, по моему глубокому убеждению позволяют надеяться на осуществление прямоточного фотонного двигателя, по крайней мере в таких рейсах, как только будет решена

проблема фотонного привода на аннигиляции»). Особое внимание Ляхов уделил некоторым непонятным феноменам, имевшим место во время рейса. Наблюдались беспричинные перерывы радио и телевизионной связи, вспышки ультрачастотной вибрации корпуса планетолета, небольшие нарушения тормозного магнитного поля в фокусе зеркала. Все это происходило непосредственно перед торможением, то есть в период максимальных скоростей. Ляхов выражал уверенность, что дело здесь именно в колоссальных скоростях планетолета — скоростях, требующих уже перехода на релятивистскую механику.

Но в целом «Хиус» оправдал все надежды. После пробного рейса стало очевидно, что «вопреки мнению перестраховщиков и тупиц, оскверняющих самим фактом своего бытия славную идею межпланетных сообщений», будущее, притом ближайшее будущее, принадлежит фотонным ракетам. (Аплодисменты, одобрителные возгласы.) Даже в таком примитивном и прямолинейном виде сочетание фотореактора с абсолютным отражателем является огромным шагом вперед в технике космогации.

Мелкие конструктивные недостатки «Хиуса» с лихвой покрывались его неоспоримыми достоинствами и преимуществами: практически неограниченным запасом хода, способностью совершать старты и посадки, не стесняясь в расходе энергии, и без перегрузок, опасных для жизни и здоровья экипажа, независимостью от промежуточных баз и множеством других, менее значительных.

— ...и я, товарищи, грешным делом, — сказал Ляхов, — даже подумал: «А не попытаться ли заодно уж произвести высадку на Венере?» (Смех, шум в зале. Краюхин сердито хмурится. Юрковский показывает Ляхову кулак.) А что? Никто бы и не узнал... Но достаточно было взглянуть на эту милую планету вблизи, чтобы вспомнить, что такое дисциплина. Нет, правда, дисциплина — прекрасная вещь. Я никогда прежде не летал к планетам с атмосферами, и, должен сказать, с непривычки это действует... Вид у нее неважный.

После Ляхова выступила штурман Вера Николаевна, очень хорошенькая, в синем платье, с розовым от смущения круглым лицом. Она привела несколько оптимальных вариантов выхода фотонного планетолета на «прямую траекторию». Выяснилось, что электронная курсовычис-

лительная машина, установленная на «Хиусе», не вполне отвечает требованиям новой, «прямой» космогании. Штурману и оператору приходится непрерывно вводить поправки на возмущение со стороны Солнца, чего, например, не требовали перелеты по орбитальным траекториям. Веру Николаевну перебил пышноволосяный усатый юноша, представитель Института счетно-решающих устройств, и принялся объяснять Краюхину, что подготовлено для решения этой проблемы в их институте. Он говорил горячо и непонятно; в него неожиданно вцепились Крутиков и один из инженеров; они яростно заспорили. Их никто не перебивал, и Быков уже подумал было, что счетно-решающие устройства являются сейчас наиболее важной частью оборудования фотонных ракет, но через минуту с изумлением увидел, что чинного и торжественного совещания как не бывало.

Группа работников ракетодрома обступила Чокана Кунанбаева, и тот неторопливо объяснял что-то, водя карандашом по развернутым листам ватмана. Краюхин и Ермаков собрали вокруг себя ракетостроителей «Вэйдады Ю-и», листали и показывали им дневники перелета. Ракетостроители кивали и писали в блокнотах и записных книжках. Ляхов, Богдан Спицын и Юрковский молча слушали начальника Седьмого полигона. Юрковский, иронически усмехнувшись, сказал что-то, все заулыбались: Ляхов и Спицын — весело, начальник — смущенно. В кабинете стоял ровный шум голосов и шелест бумаги.

Быков досмотрел, как изничтожают усатого представителя, и повернулся к Дауге. Тот предложил:

— Пойдем, Алексей, домой. Доспорят без нас. Надо разобраться в новых данных о Венере. Прислал Махов, начальник «Циолковского».

Вечером межпланетники собрались в читальном зале гостиницы.

Вера Николаевна, блестя глазами, говорила:

— Оторваться от Земли и оказаться в пространстве — это еще не значит завоевать пространство. Первые воздушные шары не сделали человека хозяином воздушного океана. Это сделал только самолет. Не так ли? Хозяином пространства сделает нас только «Хиус», независимый от сил тяготения, освобожденный от рабского подчинения этим силам...

Богдан Спицын влюбленно смотрел на нее, а Ляхов пробормотал, растерянно улыбаясь, словно эта мысль только что пришла ему на ум:

— Подумать только, ведь мы были первыми в таком деле!

Юрковский усмехнулся:

— Но все-таки дома, на Земле, лучше, не так ли, Вася?

— Разумеется, лучше.

— «Разумеется...» Ах, Василий, Василий, нет в тебе ни капли поэзии! Совершил такой перелет!.. Нет, ты положительно недостойн такой чести.

Ляхов нахмурился.

— Я, знаешь ли, не спортсмен,— сердито сказал он,— я работник! И не вижу в этом ничего дурного.

— Никто не говорит, что это дурно... — Юрковский поднял к потолку томные глаза. — Но согласишься, мон шер, что путь прокладывают обычно... спортсмены, как ты их называешь.

— Значит, раз на раз не приходится.

— Что за разделение такое? — удивленно спросил Крутиков. — Спортсмены, работники...

— Всегда и везде, — твердо сказал Юрковский, — впереди шли энтузиасты-мечтатели, романтики-одиночки, они прокладывали дорогу администраторам и инженерам, а затем...

— Затем по костям этих самых мечтателей и романтиков кидалась жадная серая масса, чернь презренная... — криво улыбаясь, тоненьким голосом сказал Дауге. — Трепло ты, милый Володя, вот что! Энтузиаст-мечтатель... гусар-одиночка!

Юрковский стремительно повернулся к нему, но Краюхин поднял руку.

— Одну минутку, — проскрипел он насмешливо. — Значит, Владимир Сергеевич, администраторов-энтузиастов не бывает? И инженеров-мечтателей тоже? Хм... И что там насчет серой массы?

Быков сидел как на иголках. Никогда еще «пижон» не был ему так несимпатичен. Он взглянул на Ляхова, бледного, с дрожащими от обиды губами, и разозлился еще больше. Но он еще не имел здесь права голоса.

— Мы все мечтатели, если угодно, Владимир Сергее-

вич, — продолжал Краюхин. — И энтузиасты тоже. Только каждый на свой лад. Вот Вера Николаевна выражает свою радость по поводу того, что «Хиус» дает ей возможность носиться по пространству куда угодно и как угодно, тешить ее крылатую душу. Так. В этом она, по-видимому, и видит истинное назначение «хозяина пространства».

— Я совсем не это хотела сказать... — растерянno проговорила Вера Николаевна.

— Надеюсь, что не это... Потому что, имейте в виду, государство, наш народ, наше дело ждет от нас не только... вернее, не столько рекордов, сколько урана, тория, трансуранидов. Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него все, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить все в дом, а не транжирить то, что есть дома! В этом наше назначение. И наша поэзия.

— Как пчелы, — изрек Крутиков.

— Именно как пчелы, а не как... бабочки-поденки. Кроме того, позволю себе обратить ваше внимание и на то обстоятельство, что в наше время переходные периоды проходят быстро. И вот пример: в предстоящем рейсе пилоты «Хиуса» будут уже выполнять скромную обязанность извозчиков. Главная роль отводится на сей раз уже другим. Вот ему... — Краюхин указал на Быкова. (Тот испуганно заморгал.) — И Дауге, и вам, Владимир Сергеевич. Человечеству нужны богатства Венеры, а не восторженные рапорты. Так. А затем вы уступите место новым героям — производственникам, тем, кто будет строить заводы на берегах Урановой Голконды. И все это работа, друг мой, вдохновенная работа, а не спорт! Только одни относятся к ней как к эффектной возможности блеснуть под куполом цирка и сорвать аплодисменты, а другие — как к работе в общем строю. А вам, так сказать, мон шер, только бы добраться до сокровищницы тайн, где они лежат штабелями, и водрузить... Эх, вы... спортсмены!

Наступило молчание. Юровский поднялся и, ни на кого не глядя, вышел.

— Славный парень, — проговорил Краюхин. — Смелый, умница... Только амбиции у него — ой-ой-ой!

Ермаков сказал без улыбки:

— Отец мне рассказывал, что некто Николай Захарович Краюхин в молодости...

— «Краюхин, Краюхин»... — Николай Захарович стал кряхтя растирать колени. — То было в молодости... И, кроме того, может быть, тебе известно, что упомянутого Краюхина за это самое мордой об стол... простите за выражение... на партийной конференции, да. И именно твой папаша, Анатолий Борисович! Так.

Краюхин сердито хмыкнул, покашлял и ушел.

Последние дни перед стартом прошли незаметно. Все были заняты. Ермаков руководил работой группы обслуживания, грузившей «Хиус» всем необходимым. Корабль был погребен под массой металлических конструкций, опутан паутиной шлангов и кабелей. Под ним теснились десятки машин-газгольдеров, машин-цистерн, тракторов, кранов и конвейеров. Работа велась днем и ночью. По толстым шлангам, покрытым пластами льда и инея, подавались оживленные газы — водород для ракет и кислород для экипажа, по тонким шлангам — вода и смазочные вещества. Конвейеры и краны забрасывали в три люка баки, мешки и ящики с продуктами, снаряжением и оборудованием. Десятки людей в спецкостюмах копошились в урановых реакторах. Приехавшие из Новосибирска специалисты микрон за микроном проверяли слой «абсолютного отражателя»; в этой неправдоподобно тонкой и вместе с тем самой прочной в мире броне могли оказаться микроскопические изъяны, которые привели бы экспедицию к мгновенной огненной гибели. Сам Краюхин приехал поглядеть, как с купола «Хиуса» сняли толстую титановую плиту и осторожно опустили в зарядные камеры фотонного реактора баллоны-капсулы со смесью жидкого трития и дейтерия. Затем плиту опустили на место и в то же день затащили и укрепили над ней огромный контейнер с «Мальчиком».

— С этим дурацким ящиком на горбу, — досадливо сказала Вера Николаевна, — «Хиус» имеет какой-то доморощенный вид.

Ляхов со Спицыным и Крутиковым все эти дни проводил в рубке, где было сосредоточено управление пла-

нетолетом. Дауге и Юрковский занимались изучением новых данных о Венере, привезенных Ляховым, без конца спорили, составляли какие-то таинственные радиограммы, несли их на подпись к Краюхину и потом на радиостанцию.

В самый разгар этой горячки Краюхин вызвал Быкова и поехал с ним на один из подземных складов на южной окраине города. В сухом и светлом помещении склада Быков увидел ящики с оружием.

— Знакомые штучки? — осведомился Краюхин.

Быков с недоумением посмотрел на него и нагнулся:

— Карабин-автомат образца семьдесят пятого года.

— А вот те?

— Реактивные ружья... пистолеты...

— Ну вот, выбирайте.

Быков понял:

— На всех?

— На всех... да возьмите и запасец.

Быков молча отобрал восемь новеньких карабинов, несколько десятков ручных гранат, лучевые пистолеты, финские ножи в светло-желтых кожаных чехлах.

— А патроны где? И капсюли для гранат?

— Есть патроны, капсюли и все, что хотите. Напишите начальнику склада, что вам нужно.

Они спустились этажом ниже.

— Это тоже для вас, — сказал Краюхин, указывая на цилиндрические предметы, тускло отсвечивающие воронеными боками.

— Атомные мины... — пробормотал Быков.

— Знаете?

— Как не знать...

— Возьмите десять комплектов. Прихватите десяток висячих прожекторных ракет.

Спустя два часа через город на полигон проехала машина, груженная тяжелыми пластмассовыми ящиками и десятью круглыми решетчатыми футлярами. Еще через два часа эти ящики и футляры при посильном участии и под личным наблюдением Быкова были погружены на «Хиус».

Наконец все было закончено. В течение одной ночи исчезли легкие и неуклюжие фермы, опутывавшие планетолет, шланги, краны и конвейеры. Ушли машины и трак-

торы, уехали люди. На истоптанной, развороченной земле остались под морозящим дождем только обрывки проводов и тросов, куски фанеры, несколько забытых досок да вбитые в грязь клочья маслянистой упаковочной бумаги.

Краюхин в сопровождении Ермакова и начальника группы обслуживания облазил все помещения «Хиуса», все пересмотрел и перетрогал, придирчиво и подозрительно прислушался к мощному гулу включенных для пробы соленоидов, сделал несколько пустячных замечаний, слез на землю, вытер руки о край плаща и сказал:

— Пожалуй, все в порядке, Анатолий Борисович. Подписывайте акт.

Ермаков согласно наклонил голову. Начальник группы обслуживания облегченно вздохнул, потоптался, затем спросил, покашливая:

— Когда же старт, Николай Захарович? Завтра?

Но, как оказалось, оставались еще кое-какие формальности. В городе Краюхина срочно вызвали на радиостанцию, и, вернувшись оттуда, он сухо (так, по крайней мере, показалось Быкову) сообщил, что старт откладывается на утро послезавтра, а завтра прибывает комиссия.

— И вечером будет... э... торжественный обед. Можно без фраков.

Юрковский энергично пошевелил губами, Ермаков равнодушно зевнул, а Крутиков пожал плечами и снова углубился в какую-то книгу.

— Пойдем прогуляемся, — предложил Дауге Быкову.

Они вышли из гостиницы и не спеша направились вдоль улицы к полигону.

— Тосты, напыщенные речи, — сказал Иоганыч устало. — Терпеть этого не могу!

— Ну, знаешь... — Быков недовольно поглядел на него. — Такое событие все-таки...

— Да какое оно «такое»? Люди делают свое дело. Чего же тут экстраординарного? Ведь не назначается же специальная комиссия, скажем, для того, чтобы отметить отправление геологической экспедиции?

— Бывает, наверное, что и назначается.

— И напрасно. Это только на нервы действует.

Некоторое время они шли молча. Быков спросил:

— Так почему же так делается?

— А черт его знает, почему. Думаю, что повелось так еще с давних времен, когда нужно было «накачивать» людей, воодушевлять их для выполнения обычной, элементарной работы... Вот с тех пор и повелось так, и не могут отказаться от дурацкого обычая. Ведь кому лучше нас понимать значение экспедиции «Хиуса»! Смешно в наше время произносить зажигательные прописные истины... И для чего? Чтобы в тысячный раз вдалбливать то, что мы всосали с молоком матери?

Они повернули обратно в гостиницу. У входа в столовую Дауге остановился, попятился и толкнул Быкова локтем:

— Тихо!..

Столовая была освещена неярким вечерним солнцем. На диване, склонившись друг к другу, сидели Богдан Спицын и Вера Николаевна. Они молчали, глядя в окно, и лица их были так серьезны и необычайно грустны, что у Быкова сжалось сердце. Большая белая рука Богдана обнимала узкие, хрупкие плечи женщины. Дауге потянул Алексея за рукав, и они на цыпочках прошли на второй этаж.

— Вот, Алексей, как бывает... — проговорил Дауге. — Встречаются только на неделю, на две, и снова в разные стороны. Она старше его на пять лет... Любовь, ничего не поделаешь. Настоящая, большая любовь...

Он задумался. Быков осторожно спросил:

— Чего же они не женятся?

— Что? Почему не женятся? — не сразу отозвался Дауге. — Да при чем здесь это? Они встречаются раз, много — два раза в год, понимаешь?

— Понимаю, — пробормотал Быков, но затем сказал решительно: — Нет, ни черта не понимаю! Женились бы, жили бы вместе, вместе и летали...

— Вместе... Вместе им нельзя, Алексей. Они встречаются раз-два в год. Летать им вместе нельзя — ведь Богдан ходит в такие экспедиции, куда женщин не берут. Какая же это будет семья?

— Нет, — твердо сказал Быков, — могли бы как-то устроить, если бы захотели.

— Может быть, конечно. Может быть, они просто выдумали себе эту любовь?

— Ну вот ты...

— Я бы, Алексей... — голос Дауге дрогнул, — я бы жизнь за любимую женщину отдал! Я, друг мой, слабый человек.

На следующий день прилетели гости из Москвы. К удивлению и удовольствию Быкова, ужин прошел весело. Были речи (и неплохие, как показалось ему), и тосты (только шампанское), и пожелания. Краюхин рассказал несколько комических эпизодов из раннего периода межпланетных сообщений, а Юрковский вдруг разразился стихами Багрицкого. Он прочитал своих любимых «Контрабандистов» и, когда смолкли аплодисменты, сказал грустно:

— Вот... сколько хороших стихов о море и моряках, а о нас совсем нет. Сплошное «ты лети, моя ракета».

— Поэты знают море тысячи лет, — заметила Вера Николаевна, — а пространство они совсем еще не знают. Потерпи, Володя, будут отличные стихи и о нас.

Юрковский поцеловал ее руку:

— Терплю, Верочка. А пока у нас только и остается:

Как аргонавты в старину,
Покинув отчий дом,
Поплыли мы,
Тирам-там-там,
За золотым руном.

Когда гости разошлись, Крутиков вздохнул и заметил:

— Слава богу, хорошо посидели. Только...

— Да, — кивнул Дауге. — В своем кругу прощальный обед был бы лучше.

Краюхин поднялся, с шумом отодвинул свое кресло.

— Прошу внимания, друзья мои, — сказал он. — Одну минуту внимания. Сейчас мы в своем кругу, и мне хочется сказать вам несколько слов. Алексей Петрович, налейте, пожалуйста, всем вина... По капле, Анатолий, не беспокойся... Вот так, благодарю вас. Друзья! Я здесь самый старый межпланетник... да. Страшно вспомнить, на каких гробах мы начинали дело! По сравнению с «Хиусом» это были колымаги, чтобы не сказать хуже. Но я не из тех самодовольных дураков, которые ворчат, что нынеш-

ней молодежи-де не в пример легче, чем было нам. Ибо я знаю, как сложна ваша задача. Задача всегда определяется средствами, и насколько мощнее ваши теперешние средства, настолько сложнее и ваша задача. Вам будет не легче, чем нам... и даже труднее, ибо на вас больше ответственности. Друзья, если вам будет очень трудно, нестерпимо трудно, прошу вас, вспомните, для кого и во имя чего вы это делаете! Я знаю вас всех достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: если вы об этом вспомните, сил у вас будет больше. Ну... вот и все. За вас!

Он поднял свой бокал, выпил и быстро вышел из комнаты. Некоторое время все молчали. Затем поднялся Юрковский и сказал негромко:

— Что ж, аргонавты... за старика!

В этот вечер Быков долго не мог уснуть.

Он встал, зажег свет и сел за стол, уставясь на лампочку, и так сидел долго. Взгляд его упал на газету, которую он так и не удосужился просмотреть сегодня.

«Смелее внедрять высокочастотную вспашку» — передовая. «Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Дальневосточные подводные совхозы дадут государству сверх плана 30 миллионов тонн планктона», «Запуск новой ТЯЭС мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», «Гонки микровертолетов. Победитель — 15-летний школьник Вася Птицын», «На беговой дорожке 100-летние конькобежцы».

Быков листал газету, шелестя бумагой.

«Фестиваль стереофильмов стран Латинской Америки», «Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне», «С Марса сообщают...»

Быков просмотрел газету, подумал и, сложив, сунул в карман куртки. Это надо взять с собой. Это дыхание Земли, могучий пульс родной планеты, который хочется ощущать и в далеком рейсе. Символ... Алексей вздохнул и погасил свет.

Утро старта было ясное. В пять часов никто уже не спал, все собрались в гостиной, сидели или слонялись из угла в угол. За завтраком ели мало и неохотно, и Ермаков делал вид, что не замечает этого. Краюхин и гости о

чем-то переговаривались вполголоса. Подали машины. Несмотря на ранний час, улицы были полны людей. Никто не выкрикивал лозунги и приветствия, никто не подбегал с цветами, люди просто стояли и смотрели, но смотрели так, как смотрят на родных и близких, уходящих в далекий и опасный путь. Машины выехали за город.

И тут с Быковым произошло то, о чем он долго вспоминал потом с недоумением и стыдом. Какое-то странное оцепенение охватило его. Он как бы раздвоился и с безучастным любопытством смотрел на себя со стороны, не в силах сосредоточиться. Обрывки мыслей металась у него в голове, но ни за одну из них он не мог ухватиться.

У капониров все стали прощаться. Быков машинально пожимал чьи-то руки, чувствуя на своем лице глуповатую застывшую улыбку и не имея сил согнать ее. Краюхин что-то сказал ему, они обнялись и поцеловались. Алексей с готовностью кивал головой, когда ему что-то с жаром говорил председатель горсовета, похлопывая по плечу. Затем он на негнущихся деревянных ногах отошел в сторону и смотрел, как Спицын обнял плечи Веры Николаевны, а она гладит ладонями его лицо. Дауге взял Алексея за руку и подвел к машине.

...Когда Быков поднял глаза, над ним уже громоздилась матово отсвечивающая выпуклая поверхность реакторного кольца. Наконец он понял, что мешало ему. В мозгу бессознательно, но отчетливо билась одна и та же мысль: «В последний раз. В последний раз». Он не мог вспомнить, когда это впервые пришло ему в голову, но теперь отделаться от этих слов было невозможно.

— По местам! — крикнул Ермаков неестественно резким голосом.

Быков оглянулся. Машины, которые подвезли их к «Хиусу», уже уехали. Кругом расстилалась ровная пустынная тундра.

— Алексей Петрович, не задерживайтесь!

«Последние шаги по земле», — со странным любопытством прислушиваясь к себе, подумал он, подходя к гибкому металлическому трапу. «Последний глоток земного воздуха», — думал он, ухватившись за край люка. Кто-то — кажется, Юрковский — сердито оттолкнул его и попросил быть осторожнее. «Последний взгляд на голубое небо...» Люк со звоном захлопнулся. Тогда он понял,

что боится. Просто-напросто трусит. Он сразу успокоился и пошел вслед за Дауге в кают-компанию. Они расселись в креслах — Быков, Дауге и Юрковский — и молча пристегнулись широкими эластичными ремнями. Ермаков, Спицын и Крутиков были, вероятно, в рубке. Быков посмотрел на Юрковского. Лицо Юрковского было сердитое, на носу виднелось желтоватое пятно. «Здорово все-таки я его тогда...» — подумал Быков с мимолетным раскаянием.

— Приготовиться! — раздался из невидимого репродуктора высокий и звонкий голос Ермакова.

Наступила мертвая тишина. На мгновение Быков почувствовал тошноту и слабость. Огромным усилием воли он подавил отвратительное ощущение беспомощности и покосился на Дауге. Тот сосредоточенно смотрел прямо перед собой.

— Старт!

Громовой гул донесся откуда-то снизу. Все вдруг сдвинулось. Сиденье кресла мягко навалилось на тело. Быков изо всех сил зажмурил глаза и увидел разноцветные круги. Гул усилился, стал тише и наконец затих. Наступила тишина. Быков осторожно повернулся к Дауге.

— Боли больше не будет, — ясным, веселым голосом сказал Дауге. — Старт дан.

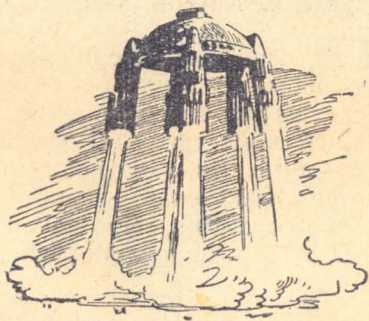
Юрковский вдруг яростно хлопнул себя по лбу.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Дауге.

— Дьявольщина!.. Я забыл электробритву в гостинице и, кажется, не выключил ее!

Быков с некоторым трудом принял сидячее положение, крепко потер ладонями виски и облегченно вздохнул.

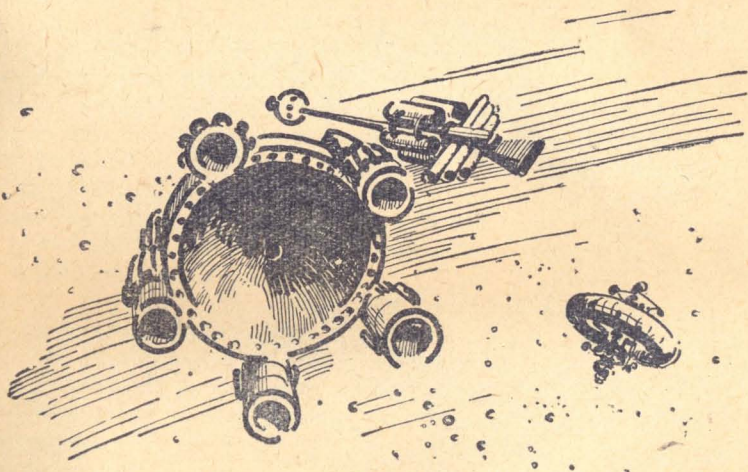
Конец первой части

Часть вторая

ПРОСТРАНСТВО И ЛЮДИ

КРАЮХИН

К вечеру погода испортилась. Со стороны океана потянуло ледяным холодом, над тундрой тяжело заворочались плотные волны серого тумана. Небо заволокли низкие тучи. Стало сумрачно, почти темно.

В кабинете начальника Главной радиостанции Седьмого полигона было тепло и светло. У стола в низком кресле, уткнув в грудь под-

борода, дремал Краюхин. Его ноги в испачканных подсохшей глиной ботинках были неловко вытянуты, большие узловатые руки тяжело лежали на подлокотниках кресла. Над дверью звонко щелкали часы, отсчитывая минуты. При каждом щелчке Краюхин на мгновение приподнимал синеватые веки. На краю стола остывал нетронутый стакан чая. В полуоткрытую дверь заглянул дежурный, постоял в нерешительности, затем подошел на цыпочках и положил перед ним пачку радиограмм.

— Что нового? — сипло проговорил Краюхин.

Дежурный вздрогнул:

— Э-э... ничего. Тринадцать минут назад «Хиус» передал, что все в порядке.

— Телевизионную связь наладили?

— Никак нет, Николай Захарович, не удастся пока.

Краюхин долго молчал (дежурный несколько раз переступил с ноги на ногу и покашлял), затем сказал:

— Так нового ничего, говоришь?

— Никак нет, ничего.

— Ладно...

Он покосился на радиogramмы и снова закрыл глаза. Сердце ныло тупой, тягучей болью, ломило левое плечо. Вытянутые ноги затекли, но двигаться не хотелось. Все же он заставил себя снять руку с подлокотника и взять стакан. Чай показался до тошноты приторным. «Это все нервы, — сказал он себе. — Нервы и старость». До сих пор он не знал, что такое нервы. Врачи говорили, что ему вредно волноваться. Он только посмеивался. Ему казалось, что он никогда не волновался... До сегодняшнего дня...

Сегодня, 18 августа 19.. года, ровно в 5.00 по московскому времени, началось то, к чему он готовился полтора десятка лет. Старт первой фотонной ракеты ознаменовал новую эру в истории межпланетных сообщений. И этим же стартом закончилась для него, Краюхина, возможность непосредственно влиять на дальнейший ход событий. Полтора десятка лет исканий, борьбы, огромного напряжения... И вот чем все это закончилось: он сидит, прислушиваясь к тоскливым осенним звукам, к однообразному дробному стуку дождевых капель в оконные стекла, бульканью струек, стекающих с крыши, к тонкому завыванию ветра. Шестеро отборных людей на борту самого совершенного в мире планетолета взяли у него эстафетную палочку и двинулись дальше, к осуществлению его заветной мечты. А он остался, сразу ослабевший и согнувшийся. И ждет, ждет, ждет...

На мгновение он ощутил острую жалость к себе и зависть к ним, молодым, но сейчас же забыл об этом, потому что главным чувством, оттеснившим на задний план все другие чувства и мысли, был страх за этих людей. Ну хорошо... Пробный рейс «Хиуса» прошел благополучно. Кажется, до тонкости изучены процессы в титановом кожухе фотореактора... Инженер может с абсолютной точностью указать, что происходит там в любую миллиардную долю секунды, и предвидеть, что произойдет в последующие доли. Учтено все: чудовищные температуры, чудовищные скорости, чудовищные давления и напряжения. Но ведь не по злому року взорвался несчастный Петросян!

Краюхин с трудом проглотил несколько ложек чаю. Горло пересохло, глаза резало. Телом овладевал против-

ный озноб. По стеклу блестящими полосами струилась вода.

— Мерзость, — пробормотал он, зябко втягивая голову в плечи.

Неудача экспедиции была бы катастрофой дела всей жизни... Именно теперь, когда многие еще не верят в «Хиус», когда еще не улеглась шумиха, поднятая «осторожными» вокруг внезапного взрыва первого «Хиуса». Тогда казалось, что идея фотонного привода дискредитирована надолго... быть может, навсегда. Только вмешательство правительственной комиссии заставило замолчать маловеров, примазавшихся к великому делу.

Нет, ему нельзя жаловаться. Он потребовал огромных средств — дали, даже больше, чем он смел надеяться. Он потребовал убрать работников, которых считал вредными или ненужными, — а среди них были люди с большими заслугами в прошлом, — их убрали. Он бесстрашно экспериментировал, и ему верили. Вероятно, была в нем огромная сила, непоколебимая убежденность. Впрочем, важно, конечно, было и то, что ему все удавалось. Краюхин — первый исследователь двух больших планет и нескольких лун, строитель пяти крупнейших искусственных спутников, воспитатель и кумир трех поколений самых отважных в мире межпланетников... И теперь Краюхин фактически во главе самого мощного межпланетного флота. Это были трудные успехи, трудные победы. Позади — погибшие товарищи, часы нестерпимого отчаяния и ужаса, боль невознаградимых потерь... триумфы, мгновения огромного счастья, ослепляющей гордости... Но оглядываться назад было нельзя. Нужно было торопиться. Великий народ доверил ему лучших своих детей и первоклассную технику и за это доверие требовал победить пространство со всеми сокровищами и тайнами. Под силу ли ему, Краюхину, дать народу эту победу? Да, если «Хиус» возвратится с удачей, тогда никто больше не посмеет поднять голос против фотонной ракеты. Нет, если...

Краюхин встал и, разминая ноги, прошелся из угла в угол.

— Так не годится, — сказал он громко. — Я гадаю, как старая баба. «Если, если»...

В сущности, он прекрасно знал, что никто и ничто на

свете уже не сможет остановить бурное развитие фотонной техники. С того мгновения, когда были получены первые крупинки «абсолютного отражателя», участь старых импульсных ракет была решена. Теперь пространство будет только отступать. Огрызаясь, выхватывая новые жертвы... но только отступать. Оно снимет свои межевые знаки сначала в солнечной системе, а затем (кто знает... может быть, это произойдет еще при жизни Краюхина) и в межзвездных пустынях.

Но как сильна инертность мысли! Как и все новое, новый принцип межпланетного транспорта с первых же минут обрел немало противников — тех, кто возлежал на старых лаврах и не хотел идти дальше, кто всю жизнь свою посвятил доказательству невозможности практического осуществления фотонного привода, кто сначала, с маху, охаял нововведение, а потом не нашел в себе смелости признать свою неправоту, и просто тех, кто искренне не хотел огромного риска людьми и государственными средствами... Их было много, гораздо больше, чем этого хотелось Краюхину и его соратникам, и он всегда ломал их сопротивление. Они кричали: «Беспочвенная фантазия! Дело отдаленного будущего!» Требовали, чтобы он отчитался за десятки сгоревших моделей, а он поднял за атмосферу и провел вокруг Земли беспилотный «Змей Горыныч». Они пытались использовать против него гибель первого «Хиуса», но это им тоже не удалось. Второй «Хиус» дал старт. Может быть, Краюхин допустил ошибку, дав «Хиусу» такое головоломное задание? Может быть, следовало сначала использовать фотонную ракету в обычных рейсах, привыкнуть к ней, сделать ее распространенным и надежным видом транспорта? Может быть... Но сколько времени отняло бы это? А сокровища Голконды ждут. И только «Хиус» даст человеку возможность овладеть ими.

Краюхин снова опустился в кресло и застыл, обхватив плечи руками. Его знобило, и он подумал, что болезненное состояние вызвано таким непривычным для него пассивным ожиданием и беспокойством. Было бы во сто крат лучше, если бы он сам повел эту экспедицию. Но его, конечно, не пустили бы. Да и кому он нужен был бы там, на самой страшной планете в солнечной системе, со своими выжженными легкими, искусственным желудком,

изношенным сердцем? Только одним он мог бы помочь: своим огромным опытом, хладнокровием и осмотрительностью. Умением отступать... Нынешняя молодежь забыла это умение, а оно стоит всякого другого. Эти шестеро молоды, они нетерпеливы и горячи. Они бесстрашны и лишены драгоценного дара осторожности. Они не пожалеют своих жизней, забыв или не поняв, какой огромный вред нанесут своей славной гибелью великому делу покорения пространства. Никакие Голконды не возместят этого вреда. Никто не узнает, что произошло под белой пеленой, скрывающей лицо неприступной планеты, все будет отнесено за счет несовершенств «Хиуса», проекты и расчеты останутся в пыли архивов, и на многие годы вернется эпоха старых импульсных ракет.

Об этом лучше не думать. Да и нет оснований не доверять этой шестерке.

Ермаков... Умный, хладнокровный, всегда спокойный Анатолий Ермаков. Пожалуй, он единственный, кто наиболее близок к пониманию истинного положения вещей. Во всяком случае, он достаточно опытен, чтобы оценить значение термоядерной ракеты для межпланетных сообщений. Да это и неудивительно. Вся его жизнь прошла под наблюдением и руководством Краюхина. Краюхин водил его в первый рейс. Краюхину он поверял свои замыслы, порой казавшиеся фантастическими по размаху и смелости. Краюхину он подражал в ненависти к застою и рутине, у него учился понимать людей, в нем видел пример беззаветного служения родине. И все же... Он идет на Венеру, как солдат на штурм, и не задумываясь ляжет грудью на амбразуру, чтобы отомстить за все — за страшную, бессмысленную гибель жены, за огненную смерть товарищей.

Но даже он не видит за покоренной Венерой покоренную Вселенную...

И для Дауге, способного геолога-радиоактивщика, самым заманчивым представляются сказочные богатства Урановой Голконды. Вероятно, он чувствует себя в положении заядлого охотника, долгое время вынужденного пробавляться скудными подачками пригородной природы и вдруг получившего приглашение в заповедный лес, полный дичи. Правда, у него еще остается Маша Юрковская... Но он — геолог до мозга костей и поэтому, ко-

нечно, не может позволить себе слишком остро переживать семейные невзгоды.

Для Юрковского, удачливого геолога-разведчика, перелет означает прежде всего новый рекорд и новые ощущения. Его не очень прельщают слава и почет — он открыто издевался над иными пилотами, опьяневшими от внимания и забот, которыми их окружала благодарная страна. Он принимал участие в самых рискованных экспедициях, но портреты его редко появлялись в газетах и на телеэкранах. Он любит опасность за высокое ощущение победы над ней. Он наслаждается ею, как гурман ароматом изысканного блюда. Правда, он стыдливо скрывает эту маленькую слабость, которую Краюхин как-то назвал «отрыжкой монтекристовщины самого дурного толка». Романтик... Жаль, что он не принимает, не жалуется Быкова, которого в припадке кастовой спеси обвиняет и в тупости, и в ограниченности, и в отсутствии воображения. Вся беда именно в избытке воображения у Юрковского...

Богдан Спицын... Он искренне не понимает, как можно интересоваться чем-либо, кроме вождения межпланетных кораблей. Теперь, когда стеснявшие его путы прежних принципов космогации разорваны, он чувствует себя настоящим хозяином пространства. Смешной паренек! Кроме пространства и пульта управления, для него существует только Вера, милая, нежная Вера, единственная женщина в мире и, как он думает, единственный человек, понимающий его до конца. Но и тут он верен себе. Пожалуй, он похож на рыцаря, когда ведет корабль и думает, что делает это в честь своей дамы...

А Михаил Антонович Крутиков — просто лучший штурман в стране, только и всего. Добродушный, мягкий, любитель товарищеских вечеринок и торжественных собраний, на которые является со всей семьей — с женой и двумя ребятишками, превосходный математик, предложивший несколько принципиально новых методов ускоренного решения сложнейших задач космогации. Он с одинаковым удовольствием позирует перед объективами кинокорреспондентов и возится дни напролет с детьми. Он никогда не отказывался ни от самого мелкого, незаметного дела, ни от внезапного предложения отправиться в самый головоломный рейс. Если бы не Краюхин, мяг-

кого и уступчивого Михаила Антоновича всегда отправляли бы в скучные и опасные рейсы в пояс астероидов. А сейчас штурман занимает привычное место рядом с давним своим другом Спицыным и простодушно восторгается этим.

И Алексей Быков... Краюхин улыбнулся, вспомнив кирпично-красное лицо, маленькие, близко посаженные глазки, облезлую лиловатую шишку носа, жесткую щетину, торчащую вперед над вогнутым лбом. Не красавец, не Юрковский, конечно... И по части стихов не очень силен... Зато прекрасный инженер-практик. И какая быстрая реакция! Вспомнить только происшествие у колючей изгороди, испытательный пробег... Для Алексея Петровича экспедиция на Венеру — лишь весьма странная и неожиданная командировка, оторвавшая его — временно, конечно, — от привычной работы в глуши азиатских песков. Приятная возможность показать во всем блеске свое мастерство первоклассного водителя и инженера-ядерника и дорогая сердцу простого, хорошего человека возможность похвастать когда-либо в кругу друзей участием в межпланетном перелете. С другой стороны, вполне понятный и уместный у неискушенного страх перед грозными и величественными тайнами внеземного. Это очень хорошо, что он в экспедиции.

Вся шестерка в целом — отличная «сборная». Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они коммунисты, люди чести и дела. А слабости и недостатки... что ж, достоинства этих шестерых чудесно дополняют друг друга, и он, Краюхин, справедливо гордиться умением подбирать людей.

И, закрыв глаза, Краюхин снова и снова вызывает в памяти лица и поступки Ермакова, пилотов, геологов, «специалиста по пустыням». Но... если бы не путались под ногами осторожные малoverы! Правда, их скептицизм приносил не только вред. В борьбе со старым новое крепнет. Надо признать, что эта борьба многое прибавила к мощи и неуязвимости «Хиуса». Но вреда было гораздо больше. На борьбу впустую уходила масса энергии, противники подрывали в создателях «Хиуса» веру в грандиозную идею.

Ведь среди противников оказались и те, кто были

когда-то близкими друзьями и помощниками Краюхина, те, на кого он так надеялся...

Когда дежурный снова вошел в кабинет, Краюхин взглянул на него с таким гневом, что молодой человек остановился как вкопанный и растерянно заморгал. Но Краюхин уже пришел в себя.

— Что у вас? — спросил он.

— Радиограмма из комитета, Николай Захарович.

— Ну?

— Запрашивают о «Хиусе».

— Сообщите, что все... что пока все благополучно.

— Слушаюсь. Но...

— Что?

— Ваша подпись...

— Давайте.

Краюхин торопливо расписался и бросил ручку.

— Телевизионная связь?

Дежурный виновато развел руками.

— Ладно, ступайте.

Он вспомнил свою напутственную речь на прощальном обеде. Да, пожалуй, он говорил не совсем то, что хотел. Но ведь не мог же он выпалить: «Если погибнете, все пропало...», или что-нибудь в этом роде. А может быть, так и нужно было?

Он, шатаясь, поднялся на ноги. Ясно, он болен. Ему очень жарко, и в то же время знобит. Хорошо бы спросить чего-нибудь горячего... Он протянул руку к видеофону. В то же мгновение послышались торопливые шаги, полуоткрытая дверь распахнулась настежь, и веселый, улыбающийся дежурный крикнул:

— Николай Захарович! Есть связи! Ермаков просит вас к экрану!

— Иду, — сказал Краюхин, но еще минуту постоял, опираясь о стол, глядя куда-то поверх головы дежурного. «Ермакова надо предупредить, — вертелось у него в голове, — Ермакова обязательно нужно предупредить. Но сумею ли я?»

Дежурный тревожно-вопросительно взглянул на него, и он словно очнулся.

— Пойдемте.

В большом зале телевизионной связи белые трубки ослепительно освещали несколько креслиц перед высоким стендом с круглым серебристым экраном. Краюхин прищурился, вынул темные очки.

— Включайте, — сказал он и подошел к экрану.

Дежурный встал у пульта. На экране замелькали серые тени, и вскоре из зеленоватой пустоты выплыло серьезное лицо Ермакова. Краюхин мельком подумал о том, что радиоволнам требуются уже секунды, чтобы донести до Земли это изображение.

— Здравствуй, мальчуган! — сказал он. — Как ты меня видишь?

— Отлично, Николай Захарович.

— Все благополучно?

— Полчаса назад вышли на прямой курс. Впервые в жизни иду в пространстве по прямой. Но пришлось много повозиться, пока выписывали траекторию первого этапа. Электронные курсовычислители действительно придется усовершенствовать. Крутиков сейчас свалился и спит как убитый. Скорость — пятьдесят километров в секунду, фотореактор работает спокойно, температура зеркала — ноль, радиация — обычный фон.

— Что команда?

— Отлично.

— Быков?

— Держится хорошо. Удручен тем, что не имеет возможности посмотреть на Землю.

— А ты покажи ему.

— Слушаюсь.

— Как прошел старт?

— Великолепно. Юрковский разочарован. Он говорит, что такой старт и ребенка не разбудил бы.

— За это тебе нужно благодарить Богдана. Дело мастера боится.

— Конечно, Николай Захарович.

Они помолчали, вглядываясь друг в друга через разделяющие их миллионы километров.

— Ну... а ты сам?

— Не беспокойтесь, Николай Захарович.

Ермаков ответил быстро. Слишком быстро, словно он ждал этого вопроса.

Краюхин нахмурился.

— Дежурный! — резко окликнул он.

— Слушаю вас.

— Выйдите из зала на десять минут.

Дежурный поспешно ретировался, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Не беспокойтесь, — повторил Ермаков.

— Я не беспокоюсь, — медленно проговорил Краюхин. — Я, брат, просто боюсь.

Глаза Ермакова сузились:

— Боитесь? Что-нибудь случилось?

Как объяснить ему? Краюхин снял очки и, зажмурившись, стал протирать их носовым платком.

— В общем, прошу тебя: будь осторожен. Так... Особенно там, на Венере. Ты не мальчишка и должен понимать. Если будет очень трудно или опасно, плюнь и отступи. Сейчас все решает не Голконда.

Он говорил и чувствовал: Анатолий не понимает. Но не поворачивался язык прямо сказать ему: «Сведи риск к минимуму. Главное сейчас — благополучно вернуться. Если с вами что-нибудь случится, от фотонных ракет придется отказаться надолго». Он всегда считал, что межпланетников нужно держать подальше от борьбы мнений в комитете. Ему казалось, что это может подорвать их доверие к руководителям.

— Береженого бог бережет, — продолжал он, с ужасом чувствуя, что говорит бессвязно и неубедительно. — Зря не рискуй...

— Если будет трудно или если будет опасно?

Это был Ермаков, Толя Ермаков, с молоком матери всосавший презрение к околичностям и недомолвкам. Ему было стыдно за Краюхина и жалко его. И он был встревожен. Он нагнулся к экрану, вглядываясь в лицо Краюхина. Тот поспешно откинулся назад. Несколько секунд длилась неловкая пауза.

— Вот что, — сказал Краюхин, стараясь побороть страшную слабость, — слушай, что тебе говорят, товарищ Ермаков. Я не собираюсь состязаться с тобой в остроумии. Так...

— Слушаюсь, — тихо ответил Ермаков. — Я не буду рисковать. Я буду считать, что основная задача экспедиции — это сберечь корабль и людей. Я сберегу корабль. Но ведь их я не смогу удержать...

— Ты — командир.

— Я командир. Но у каждого из них есть своя голова и свое сердце. Они не поймут меня, и я не знаю, сумею ли заставить их отступить. У меня нет вашего авторитета.

— Ты меня не понял...

— Я понял вас, Николай Захарович. И по вашему приказу я готов поступиться всем, даже честью. Но поступятся ли они?

Ясные глаза Ермакова глядели Краюхину прямо в мозг. Они понимали. Они все понимали.

— Я могу только догадываться, что у вас на уме...

Краюхин опустил тяжелую голову и хрипло сказал:

— Ладно, поступай как знаешь. Видно, ничего не поделаешь. У меня вся надежда на твое благоразумие. А теперь прости, я пойду. Я, кажется, приболел немного...

— Вам надо отдохнуть, Николай Захарович.

— Надо... Проверь радиоавтоматику. Точно по расписанию, через каждые полчаса мы должны получать автоматические сигналы «Хиуса». Через каждые два часа — твое личное донесение. Не опаздывать ни на секунду!

— Слушаюсь.

— Ну, прощай. Я пошел.

Он встал и заплетающимися шагами устремился к выходу. Пол под ним качался, становился дыбом. «Надо успеть...» — подумал он и рухнул лицом вниз в черную пропасть...

Краюхин очнулся в теплой постели у себя в номере. Светило солнце. Тумбочка у изголовья была уставлена пузырьками из разноцветных пластиков и коробочками. Доктор и Вера, оба в белых халатах, сидели рядом и глядели на него.

— Время? — спросил он, еле ворочая непослушным языком.

— Двенадцать пять, — поспешно отозвалась Вера.

— Число?

— Двадцатое.

— Третьи... сутки...

Вера кивнула головой. Он встревожился, попытался приподняться.

— «Хиус»?

— Все хорошо, Николай Захарович. — Доктор осторожно придержал его за плечи: — Лежите спокойно.

— Только что звонили с радиостанции, — сказала Вера, — все благополучно.

— Хорошо, — пробормотал Краюхин. — Очень хорошо...

Доктор приложил один из пузырьков к его плечу. Раздалось шипение, и лекарство всосалось под кожу. Краюхин закрыл глаза. Затем отчетливо сказал:

— Передайте Ермакову. Все, что я говорил, не считается. Это паника. Болезнь...

— Бредит, — прошептала Вера.

Он хотел сказать, что это не бред, но заснул.

Проснулся он ночью и сразу почувствовал, что ему лучше. Вера накормила его бульоном и сухарями, наполнила горячим настоем из индийских трав.

— Включите радиogramмы, — потребовал он.

— Нужно отдыхать, — возразила Вера.

— А я говорю — включите!

Она послушно включила магнитофон. Он слушал рассеянно, глядя в чистый белый потолок, думая о том, что «Хиус», вероятно, уже начал торможение. Незаметно он снова уснул.

Следующие сутки прошли спокойно. Краюхин быстро поправлялся. Доктор разрешил поставить у постели видеофон, телеэкран и пускать посетителей. До позднего вечера с радиостанции поступали пленки с сигналами «Хиуса» и донесениями Ермакова. Приходили и уходили инженеры, мастера, начальники служб. После ужина Краюхин просмотрел газеты, включил стереоскопическую телепрограмму Москвы, поговорил с Верой и Ляховым и, привычно усталый, а потому окончательно успокоившийся, улегся спать.

Утром в комнату вбежала Вера, бледная, с растрепавшимися волосами, и слишком громко, как ему показалось, выкрикнула:

— «Хиус» не подает сигналов! Ночью замолчал... замолчал... и... и... вот молчит уже пять часов...

Она схватилась руками за щеки и горько, навзрыд заплакала.

«...Либо ввали романисты и газетчики, либо наш перелет не типичен. В нем нет ничего «межпланетного». Все буднично и обыкновенно. И вместе с тем... Но это самое «вместе с тем» относится уже к области чувств и переживаний. Если обратиться к фактам, то просто трудно представить себе, что находишься на борту космического корабля и что наш планетолет с гигантской скоростью несется к Солнцу. Сейчас, когда я пишу эти строки, Юрковский и Иоганьч в кают-компании возятся над картой полушарий Венеры — так они называют два круга на бумажном листе, на которых нанесены цепочки красных и синих кружков и небольшие пятнышки, заштрихованные зеленым. Юрковский объяснил, что красные — это горные вершины, достоверно известные; синие — гипотетические или замеченные всего два или три раза; зеленые пятна отмечают места, где были зарегистрированы мощные магнитные аномалии. И большая черная клякса — Голконда. Это все. Воистину загадочная планета! Над этой картой наши астрогеологи сидят часами, сверяя что-то со своими записями и переругиваясь вполголоса, пока Ермаков не выйдет из рубки обедать и не прогонит их со стола. Крутиков сейчас на вахте, Богдан в соседней каюте читает, свернувшись в три погибели на откидной койке. Пристегнуться не забыл — видимо, привычка. Что касается Ермакова, то он заперся у себя и не выходит вот уже второй час. Но о нем разговор особый...»

«...Итак, за истекшие сутки никаких происшествий не случилось. Пилотам и электронно-счетным машинам пришлось много потрудиться, прежде чем планетолет был выведен на так называемый прямой курс и взял прямое направление к точке встречи. Для этого Ермаков и Михаил Антонович еще на Земле рассчитали какую-то «дьявольскую кривую», трехмерную спираль, следуя по которой планетолет гасил инерции орбитального и вращательного движения Земли и выходил в плоскость орбиты Венеры. Крутиков после сказал, что электронный курсовый счетчик «Хиуса» оказался не совсем на высоте положения. Мы — Юрковский, Дауге и я — сидели в это время в кают-компании и прислушивались к легким толчкам. Но амортизационные устройства кресел — чудесные, и даль-

ше чувства легкой тошноты мои страдания не пошли. Затем я приготовил обед. У нас обильные запасы готовых обедов в термоконсервах, но есть и «живое» мясо в пластмассовых баках, стерилизованное гамма-лучами, и изрядное количество овощей и фруктов. Я решил блеснуть. Все хвалили. Но Юрковский сказал: «Хорошо, что у нас теперь есть, по крайней мере, порядочный повар», — и я разозлился. Ермаков, впрочем, заметил Юрковскому:

«Зато к вашей стряпне, Владимир Сергеевич, подход возможен только с наветренной стороны».

«Пробовали?» — с любопытством спросил Дауге.

«Краюхин предупредил».

Короче говоря, мне придется ходить в коках до конца перелета. С удовольствием! Но «пижон» обидно посмеивается. В конце концов, плевать мне на гусара-одиночку!

Однако все это мелочи. Есть три беспокоящих обстоятельства: первое — встреча с метеоритом, второе — вид на пространство и третье — самое главное — разговор с Ермаковым. Расскажу обо всем по порядку.

Нам не так повезло, как Ляхову во время испытательного перелета. Очень скоро после старта «Хиус» встретился с метеоритом. Конечно, если бы не Ермаков, никто из нас не заметил бы этого. Просто вдруг пол провалился под ногами и замерло сердце, как во время спуска на скоростном лифте. Оказывается, пространство вокруг «Хиуса» непрерывно прошупывается ультракоротковолновым локатором. Если в опасной близости появляется метеорит, счетно-решающее устройство по отраженным импульсам автоматически определяет его траекторию и скорость, сопоставляет эти данные со скоростью и путем планетолета и подает соответствующие сигналы на управление. Совершенно автоматически планетолет либо замедляет, либо ускоряет движение и пропускает метеорит перед собой или обгоняет его. Встреча с метеоритом, оказывается, совсем не редкое и весьма опасное событие. Противометеоритное устройство «Хиуса» пока вырубает...»

«...Несмотря на спокойствие товарищей и весьма обычную обстановку, когда все спокойно работают, отдыхают, читают, спорят, я все же испытываю смутное беспокойство. Дауге сказал, что у новичков такое состояние не редкость, что это «инстинктивное чувство пространства»,

вроде морской болезни для непривычных к морю. Не согласен! Какое может быть «чувство пространства» у человека, который это пространство и в глаза не видел? Ведь на «Хиусе» нет иллюминаторов, и единственное наблюдательное устройство находится в рубке, куда войти не пилотам категорически воспрещается. Но, пока я раздумывал над этим вопросом, для меня было сделано исключение, причем в таких обстоятельствах, которые усугубили мою тревогу. Произошло это так.

Несколько часов назад радиостанция Седьмого полигона установила с нами телевизионную связь. Краюхин потребовал Ермакова для переговоров. О чем они говорили, никто не знал, потому что Ермаков тотчас отослал из рубки Богдана, стоявшего тогда на вахте, и плотно задраил за ним дверь. Разговор был недолгим. Скоро Ермаков вышел и молча спустился в свою каюту. Дауге и Юрковский пустились было в веселые догадки, но Богдан резко их оборвал. Через два часа пришла очередь Ермакова заступать на вахту. Проходя в рубку управления, он приказал мне явиться к нему. Общему удивлению не было предела, все странно посмотрели на меня. Я понимаю. Действительно, всем могло показаться, что у Ермакова с Краюхиным речь шла о моей персоне. Я и сам так подумал, признаться, и очень встревожился. В рубке было жарко, через титановый кожух доносился гул фотореактора. Ермаков, не глядя мне в лицо, спросил, хочу ли я увидеть Землю.

«Вы, кажется, мечтали об этом, Алексей Петрович?..»

Сердце у меня противно ёкнуло, и губы сразу стали сухими. Не прибавив ни слова, Ермаков подвел меня к прибору, похожему на большой холодильник, с двумя окулярами наверху. Он предложил взглянуть в окуляры. Глазам моим открылась круглая черная пропасть, окаймленная по краям слабыми лиловыми вспышками. В бездонной глубине виднелись мириады ярких и тусклых точек, в центре отчетливо выделялся светящийся крест, а правее и выше его я увидел шарик теплого зеленого тона с яркой звездочкой возле него. Это были Земля и Луна...

«Сейчас перед вами нижнее полушарие небесной сферы, — проговорил Ермаков. — Свечение по краям — это отражение термоядерных взрывов в фокусе зеркала из «абсолютного отражателя».

Я, конечно, сразу успокоился: нелепо думать, что меня «высадят» с корабля и отправят обратно на Землю.

Ничего грандиозного в открывшемся зрелище я не нашел. Почти то же можно видеть в ашхабадском планетарии, и я сказал Ермакову об этом. Он кивнул.

«Разумеется, ведь это только электронное изображение. Оно служит для проверки точности счисления курса. Светлый крест посередине отмечает точку пересечения оси нашего движения с небесной сферой».

Я осведомился, на каком расстоянии от Земли сейчас находится «Хиус».

«Около тридцати миллионов километров... Хотите посмотреть вперед?»

Он повернул выключатель, и в поле зрения вспыхнул яркий желтый диск. Его пересекал крест, а вокруг в черной пустоте дрожали звезды.

«Солнце, — проговорил Ермаков. — А вправо от него — видите? — Венера. К тому моменту, когда «Хиус» придет к ее орбите, она тоже будет в точке встречи».

Он выключил устройство, предложил мне сесть и мельком взглянул на доски приборов, усеянные множеством циферблатов и циферблатиков, разноцветных глазков и стрелок. После этого начал разговор. Постараюсь передать его слово в слово.

Лицо Ермакова было, как всегда, спокойно, но темные круги под глазами и угрюмая складка на лбу показывали, что случилось что-то не совсем обычное.

«Скажите, Алексей Петрович, — начал он, глядя на меня в упор, — как вы рассматриваете свое положение в экспедиции?»

«В каком смысле?» — снова встревожился я.

«В смысле субординации... подчинения, например».

Я подумал и ответил, что привык в работе выполнять приказы того, в чьем непосредственном служебном подчинении нахожусь.

«То есть?»

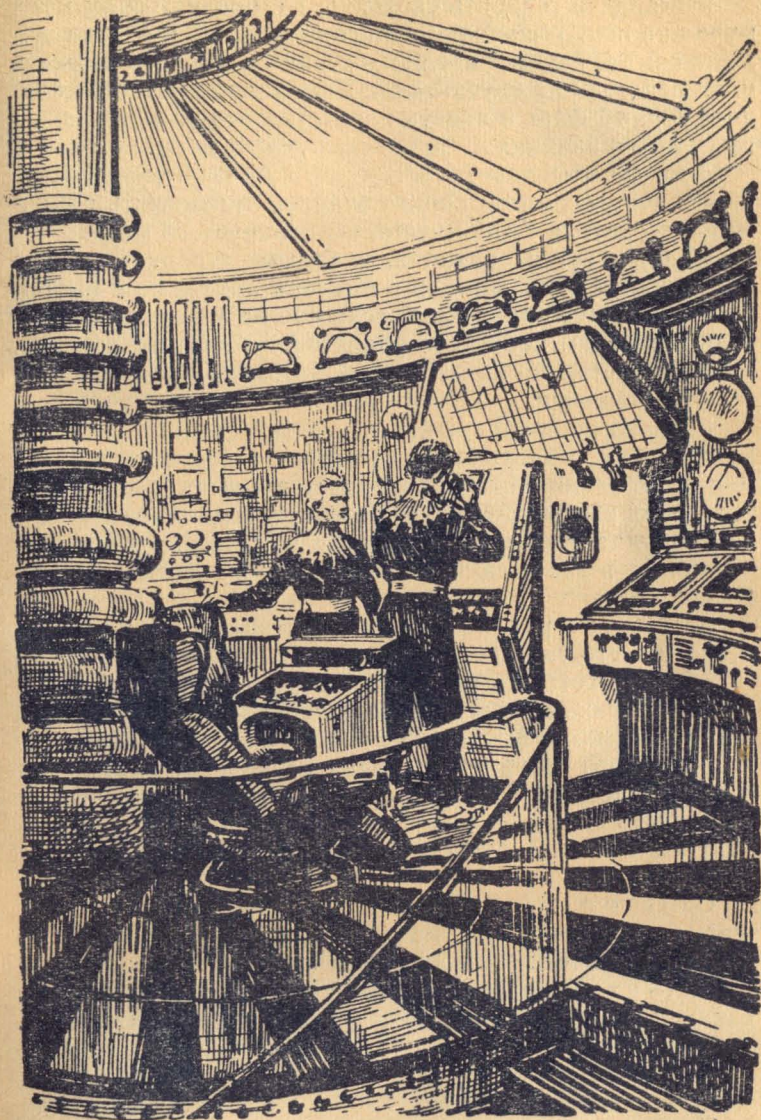
«В данном случае я ваш подчиненный, Анатолий Борисович».

Он, помолчав, спросил:

«А если вы имеете два взаимно исключающих друг друга приказа?»

«Выполняется последний по времени».

Ермаков водвел Быкова к прибору, похожему на большой холодильник, с двумя окулярами наверху.

Я старался говорить спокойно, но, признаться, у меня мурашки пошли по телу от этого разговора, и я стал делать самые глупые предположения и строить заранее план действий на случай, если Ермакову вздумается поднять черный флаг и начать пиратствовать на межпланетных коммуникациях.

А он допытывался:

«Значит, если мой приказ будет противоречить приказу председателя Госкомитета, вы повинуетесь мне?»

«Да... — Тут я, кажется, с самым дурацким видом облизнул губы и добавил: — Мы не в армии, но я выполняю любое ваше приказание, если оно не будет противоречить интересам нашего государства... и партии, конечно. Я коммунист».

Он засмеялся.

«Только не воображайте, что я заговорщик. И не думайте, что я сомневаюсь в вашей готовности выполнять мои приказания. Просто мне хочется знать, какой линии поведения вы будете придерживаться, если обстоятельства принудят нас нарушить приказ комитета. Очень рад, что нашел в вас дисциплинированного и знающего службу человека».

Я тоже был рад, честное слово, стоило только мне перехватить его уверенный, твердый, как железо, взгляд.

«Все же хотелось бы знать...» — рискнул спросить я.

«Объясню... Вернее, намекну, вы поймете. Дело в том, что не столько от выполнения задачи экспедиции, сколько от успешного возвращения «Хиуса» зависит очень многое. Слишком многое, и мы, возможно, не будем вправе подвергать себя большому риску в поисках и исследованиях Голконды, даже для выполнения прямого приказа комитета...»

Он кивнул мне и проводил к выходу. Действительно, здесь есть над чем подумать. Держи ухо востро, Алексей Быков! Ничего не понимаю. Впрочем, Краюхин и Ермаков — не такие люди, чтобы чего-либо испугаться... Таким для отступления нужно очень много мужества... В чем же дело?»

Поставив точку и аккуратно сложив тетрадь в потертую полевую сумку, Быков отправился в кают-компанию.

Там были Юрковский, Дауге и Спицын. Иоганыч ползал по карте Венеры, а Юрковский вел со Спицыным ожесточенную полемику, смысла которой Быков сначала не уловил. Ему показалось, что речь идет о вещах, недоступных его пониманию, потому что спорившие оперировали формулировками из арсенала тензорного исчисления и то и дело обрушивали друг на друга цитаты из классиков, что, впрочем, как-то не вносило особой ясности. Но некоторые замечания были очень интересны и необычны, и уже через несколько минут он сидел в кресле у книжного шкафа и жадно слушал, почти забыв о своих тревогах.

— Ты с таким подходом неизбежно ввалишься в болото ньютонианства, дружок, — говорил Юрковский. — Ведь это все равно, что утверждать абсолютность пространства. Чему тебя только учили!

— Выводы Лоренца...

— И столько фактов, столько фактов! А ты осмеливаешься отвергать это! И когда! Почти через сто лет после создания теории относительности...

— Выводы Лоренца я не собираюсь оспаривать, — сказал Богдан. — И не воображай себя единственным последователем и хранителем идей старика Эйнштейна. Я хочу сказать, что...

— Послушаем, послушаем!

— А именно: при нынешнем состоянии техники нам далеко еще до практического столкновения со следствиями теории относительности... в нашем деле, конечно.

— Ах, вот как!

— Да, вот так.

— Далеко?

— Далеко. Пространство для межпланетника есть пространство. Однородная пустота.

— Если не считать метеоритов, — не поднимая головы, вставил Дауге.

— Да, пустота! Я летаю около десяти лет, и ни разу что-то мне не пришлось делать в расчетах поправок на теорию относительности.

Они помолчали, глядя друг на друга, словно петухи перед дракой.

— А скажи, пожалуйста, — вкрадчиво спросил Юрковский, — слушал ли ты отчет экспедиции к Вэйяну?

— Куда?

— К Вэйяну... Не слушал? И впервые слышишь это название? Ты мне жалок, Богдан!

— А что это такое, в самом деле? — спросил Дауге.

— Вэйян — это крошечная планетка, орбита которой находится внутри орбиты Меркурия. Среднее ее расстояние от Солнца около десяти миллионов километров. Ее открыли три года назад китайские товарищи и назвали Вэйян — «Телохранитель Солнца» или что-то вроде этого. Из-за близости к Солнцу она с большой скоростью испаряется и, надо думать, через сотню лет совсем сойдет на нет... Так ты действительно не слыхал о ней? — снова обратился Юрковский к Богдану.

Тот покачал головой.

— Тогда слушай то, что рассказывал нам в прошлом году Федя. И ты будешь посрамлен, приготовься! Потому что Федя, участвовавший в этой экспедиции, говорил: «На таком расстоянии от Солнца нельзя было пренебрегать всякими неизвестными еще каверзами, какие может выкинуть мощное поле тяготения». А каверзы были и чуть не стоили экспедиции жизни. Вот так-то...

— Ладно, ты рассказывай.

— Слушай. Лу Ши-эру не удалось подобраться к этой планетке вплотную, но орбиту ее он вычислил достаточно точно. И вот первая неожиданность: наши обнаружили планетку совсем не там, где ей полагалось быть по расчетам Лу Ши-эра.

— Лу ошибся, — проворчал Богдан.

— Допустим. Чтобы не изжариться, командир оборудовал планетолет зеркальным экраном. Сначала все было хорошо. Планетку нашли и устремились в ее тень. Она очень мала — яйцевидная глыба кристаллического железа в несколько десятков километров в диаметре. Вращается быстро и не успевает остывать, но наши надеялись провести наблюдения, укрывшись за ней от Солнца. Но не тут-то было... — Юрковский сделал эффектную паузу и торжествующе взглянул на Спицына. — Чем ближе планетолет подходил к Солнцу, тем сильнее давали себя знать новые и странные явления. Солнце меняло цвет, оно темнело и становилось красным, его видимые размеры росли гораздо быстрее, чем этого требовали законы перспективы. Наконец... — снова торжествующий взгляд в сторону Спицына, — оно стало греть и светить

сразу с двух сторон! Тени не было. Федор говорил, что это страшно. Планетолет почти касался раскаленной поверхности Вэйяна, но тени не было! Солнце, огромное, пышущее нестерпимым жаром, будто обступило планетолет со всех сторон. Там, где ему не полагалось быть, с противоположной стороны, также жарко и тускло светилося багровое пятно, заслонившее все небо...

— Мираж, — нерешительно предположил Богдан.

— Мираж в пустоте! Мираж, который обжигает и испускает потоки протонов! Ну хорошо, положим. А то, что все жироскопические устройства на планетовете вышли из строя, — это тоже мираж? А то, что все хронометры, в том числе и обыкновенные ручные часы, отстали, как оказалось после возвращения, ровно на двадцать три минуты каждый, — это тоже мираж?

Богдан молчал.

— И чем же все это объясняется? — не вытерпел Быков.

— Разумеется, тем, что поле тяготения в такой близости от Солнца исковеркало, изменило «абсолюты» пространства и времени. Тебе остается только одно утешение, — Юрковский картинно протянул к Богдану руку. — Все эти явления не могут быть объяснены даже эйнштейновской теорией. Но факт остается фактом: пространство — это не «просто пространство», о котором ты так легкомысленно разглагольствовал перед нами полчаса назад. Поручкой тому седые волосы Феде, которому удалось увести планетолет от Вэйяна только после пятой или шестой попытки.

Юрковский замолчал и стал, посвистывая, ходить по кают-компании. Быков напряженно думал, что могли означать странные слова «тяготение изменило время и пространство». Но едва он собрался задать вопрос, как Дауге, уже с минуту иронически поглядывавший на Юрковского, положил конец дискуссии:

— Владимир, хватит болтать! Накрывай на стол и зови Анатолия Борисовича. Пора ужинать.

После ужина за столом остались все, кроме Крутикова, ставшего на вахту. Ермаков, чуть заспанный, но, как всегда, гладко причесанный и подтянутый, сидел над ма-

ленькой чашкой тонкого фарфора и с удовольствием смаковал горячий кофе. Богдан и Юрковский, по обыкновению, пересмеивались, вспоминая какие-то смешные случаи из их студенческой жизни. Дауге серьезно и сосредоточенно составлял какой-то фантастический напиток по меньшей мере из десяти различных фруктовых соков. Мягкий матовый свет озарял каюту, все было устойчиво, уютно, спокойно, и Быков в сотый раз подумал о том, как не вяжется такая обстановка с мыслью о металлическом ящике, с бешеной скоростью поглощающем миллионы километров черной пустоты.

— О чем задумался, Алексей? — спросил Дауге.

Быков виновато улыбнулся:

— Так, понимаешь... мысли! Вот сидим, чай распиваем... Я совсем не так себе это представлял.

— Да как ты это вообще представлять мог? — Иоганн комически изумился. — Ах, по книжкам? По газетным очеркам?

— Хотя бы...

Юрковский напыщенно изрек:

— Героические межпланетники отважно преодолевали все трудности опасного перелета, мужественно шагая навстречу опасности...

— Да... вроде этого. И, кроме того, я ожидал невесомости и всяческих новых ощущений.

— Да побойся бога...

— Нет-нет, я знаю, что в корабле, движущемся с постоянным ускорением, невесомости быть не может. Но все-таки это было разочарованием.

Богдан и Дауге расхохотались.

— Поверьте, Алексей Петрович, — серьезно сказал Юрковский, — без невесомости гораздо удобнее. Вам ведь посчастливилось. А вот, помнится, тому назад лет шесть совершали мы рейс на Луну. И с нами отправился — тоже в свой первый рейс, заметьте, — некий специалист. Только не по пустыням, а по селенографии. Много времени он писал о Луне, изучал Луну, спорил о Луне, а на Луне никогда до того не был. Боялся лететь. Но... так уж устроена наша жизнь...

— Это ты про Глузкина? — спросил Дауге.

— Про него, про Глузкина, — усмехнулся Юрковский. — Так вот, стартовали мы. Летим. Выключили реак-

тор, освободили пассажиров из амортизационных ящиков. Все им было сверхинтересно — невесомость, понимаете ли, новые ощущения и прочее. Этот Глузкин тоже радуется, хотя и бледен немного. Часа через два подбирается он ко мне и спрашивает: «Где здесь умывальная комната, товарищ?» А я, видите ли, забыл, что он новичок. «Идите, — говорю, — по коридору, последняя дверь направо». И ничего больше не объяснил. Он, сердешный друг, и отправился.

Теперь улыбались все: Дауге, Богдан и даже Ермаков. Быков слушал насупясь.

— Ну, заперся там, как полагается, — продолжал Юрковский. — Проходит пять, десять минут, четверть часа — нет его! Потом появляется... весь мокрый с ног до головы. Ругается, водяные пузыри вокруг него целым облаком летают... Мы все кто куда прятаться. Включили на полную мощность вентиляторы, насилу очистили коридор. Ругался селенограф — спасу не было! До сих пор краснею, когда вспоминаю. А ведь там с нами были женщины. Вот что иногда невесомость учиняет, Алексей Петрович! — торжественно заключил Юрковский.

— Да, в общем, невесомость — удовольствие ниже среднего, — подтвердил Дауге, когда смех утих. — Пока научишься, как себя вести, намучаешься изрядно...

— Я помню, — сказал Богдан, — как один товарищ...

— Погодите-ка, — прервал его Ермаков.

Тонкий, едва слышный звук доносился сверху, то стихая, то усиливаясь волнообразно, словно писк комара в лагерной палатке. И Быков увидел, как медленно сошла краска с окаменевшего лица Ермакова, как внезапно до синевы побледнел Дауге, широко раскрыл глаза Спицын, а на скулах Юрковского выступили желваки. Все смотрели куда-то поверх его головы. Он обернулся. Под самым потолком, в складках стеганой кожи обивки, разгорался, пульсируя, красноватый огонек. Кто-то хрипло чертыхнулся и вскочил. С сухим стуком упал стакан, по скатерти расплзлось красное пятно. И в то же мгновение оглушительный звон заполнил кают-компанию. Потолок, лица, руки, белая скатерть — все озарилось зловещим малиновым блеском.

— Излучение! — проревел над самым ухом чей-то незнакомый голос.

Быков как замороженный глядел на судорожно вспыхивающую красную лампочку-индикатор, похожую на палец, торчащий из стены. «Дзанн, дзан, дзззанн!» — надрывался сигнальный звонок. Дверь распахнулась, на пороге появился Крутиков.

— Излучение! — крикнул он.

Осунувшееся лицо его было покрыто потом. Ермаков спокойно проговорил, едва разжимая белые губы:

— Видим и слышим.

— Почему, откуда? — пробормотал Богдан.

Юрковский пожал плечами:

— Праздный вопрос.

— Не праздный, не праздный! — словно задыхаясь, торопливо сказал Дауге. — Может быть, еще можно закрыться...

— Спецкостюмы?

— А хотя бы и спецкостюмы!

— Ерунда, — убежденно сказал Богдан. — Ведь было оболочку и защитный слой...

«Дзанн, дзззан, дзззан...»

— От этого не закроешься, — прошептал Крутиков. Дауге криво улыбнулся.

— Так, — сказал он. — Что ж, будем ждать.

Крутиков с какой-то чопорной торжественностью поднял упавший стакан и уселся между Ермаковым и Быковым.

— Рентген сто, не меньше, — заметил Юрковский.

— Больше, — отозвался Богдан.

— Сто пятьдесят. Кто больше? — Дауге взял со стола чайную ложку и стал сгибать ее трясущимися пальцами. — Честное слово, я чувствую, как в меня врезаются протоны!

— Интересно, долго это будет продолжаться? — проворчал Юрковский щурясь, глядя на лампу-индикатор.

— Если больше пяти минут, нам труба...

— Прошло две минуты, — объявил негромко Ермаков.

Крутиков поправил воротник комбинезона, захлестнул раскрывшуюся «молнию» на груди и полез в карман за трубкой.

«Дзанн, дзззанн, дззан...»

— Они сидели под ливнем смерти и слушали очаровательную музыку, — сказал Юрковский. — Слушайте,

нельзя ли выключить этот проклятый трезвон? Я не привык умирать в таких условиях.

«Дзанн, дзззанн, дзан...»

Дауге наконец сломал ложечку и швырнул обломки на стол. Все устались на них.

— Первая жертва лучевой атаки, — сказал Юрковский. — Иоганыч, будь другом, засунь руки в карманы...

Быков зажмурился. Пять минут — и конец? И, главное, ничего не поделаешь, ни-че-го...

И вдруг звон прекратился. Красный глазок индикатора погас. Тишина. Долго сидели они молча, не смея шевельнуться, слишком ошеломленные, чтобы радоваться. Наконец Ермаков проговорил, обращаясь к Юрковскому:

— Все-таки вы фат, Владимир Сергеевич. Позер...

Дауге нервно рассмеялся. На Крутикова напала икота, и он, морщась, потянулся за сифоном с содовой.

— Виноват, Анатолий Борисович! Каюсь, есть немножко, — сказал Юрковский. — В юности блистал в театральной самодеятельности... — Он потянулся, хрустнув суставами. — Будем надеяться, что обойдется без последствий. У меня и без того на текущем счету целая куча этих рентгенов.

Быков очумело вертел головой.

— Неужели всего две минуты? — спросил он.

— Что ж, товарищи, — глухо проговорил Ермаков вставая. — Будем считать инцидент исчерпанным. Теперь — немедленно за проверку внутренней защиты!

— Надо же! Ведь такие вещи раз в десять лет бывают! — пробасил Крутиков. — Кстати, чем же это вызвано, по-вашему?

— Ясно даже и ежу: космические лучи, — ответил Юрковский.

— Отлично, если так. Я, грешным делом, подумал, что кожух фотореактора лопнул.

Богдан посмотрел на часы:

— Мне на вахту, Анатолий Борисович. И время подавать сигналы на Землю. Будем сообщать?

— Нет! — сухо отрезал Ермаков. — Незачем зря волновать людей. Подавайте обычное «все благополучно». И еще: сейчас прошу всех по очереди в медпункт для прививок и дезактивации. Дауге — первый. А потом — проверять и проверять защиту.

— Но пока можно позволить себе кружечку кофе! — весело заметил Крутиков. — Э-э, да он совсем остыл! Алеша, будь другом, включи...

— И все же героическим межпланетникам приходится мужественно преодолевать трудности, — сказал Быков, взглянув на Юрковского.

Тот беспечно рассмеялся:

— Не трудности, дорогой Алексей Петрович, а всего-навсего страх смерти. Трудности будут еще впереди. Это я вам гарантирую, как говорил Краюхин.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Загадка космической атаки объяснилась через несколько часов. В ответ на осторожный запрос Ермакова была получена выписка из сводки Крымской актинографической обсерватории, и из выписки этой явствовало, что как раз в те минуты, когда экипаж «Хиуса» готовился к гибели от смертоносного излучения, на Солнце наблюдалось мощное извержение раскаленных газов — явление, вообще говоря, вовсе не редкое и достаточно хорошо изученное. Плотная струя ядер атомов водорода — протонов — с колоссальной скоростью устремилась в пространство и «окатила» планетолет, оказавшийся на ее пути.

Лишь часть протонов прошла через панцирь из легированного титана, усиленный слоем «абсолютного отражателя», но они образовали в его толще бесчисленные источники чрезвычайно жесткого гамма-излучения, для которого преград практически не существовало. Гамма-лучи и воздействовали на индикаторы и сигнальные устройства и едва не погубили экспедицию в самом начале ее пути.

Это было гораздо опаснее встречи с метеоритом. Продоллись протонная бомбардировка хотя бы четверть часа — и на «Хиусе» не осталось бы ни одного живого человека. Даже менее продолжительное гамма-излучение такой жесткости могло принести экипажу много серьезных неприятностей: кое-кто из старых межпланетников, уже подвергавшихся в прошлом лучевым ударам, неминуемо заболел бы. К счастью, в распоряжении Ермакова были новейшие препараты, предоставленные в свое время ко-

митету одним из биофизических научно-исследовательских институтов. Введенные в организм, они полностью или почти полностью ликвидировали последствия не слишком тяжелых радиоактивных поражений.

— Я слышал о таких историях, — заметил Богдан, когда Ермаков зачитал радиограмму. — Кажется, именно так погиб лет пятнадцать назад один немецкий космостанкер. Но, если взрывы на Солнце — не редкость, почему нам так редко приходится сталкиваться с этими протонными фонтанами?

— Очень просто, — отозвался Юрковский. — Я бы сказал, достаточно странно, что с ними вообще приходится сталкиваться. Протонный поток распространяется весьма узким пучком, и вероятность попасть в него ничтожна.

— Нам просто повезло, — вздохнул Дауге. — Омерзительное состояние, когда тебя вот так запросто убивают, а ты ничего не можешь сделать. И потом... я вообще терпеть не могу уколов, а от этих вдобавок сильно болит поясница.

— И даже спецкостюмы не могли бы помочь? — поинтересовался Быков.

— Какие там спецкостюмы!.. — Дауге махнул рукой. — От этого, Алексей, никакие костюмы не спасут. Энергии в десятки миллиардов электроновольт! Но, к счастью, все позади...

— Пока еще не все, — сказал Ермаков.

— А что такое?

— В рубке до сих пор мигают индикаторы.

Юрковский живо обернулся к нему:

— Мигают?

Ермаков кивнул.

— Мигают, черт бы их взял, — подтвердил Богдан.

— Сильно?

— Да нет, этак на одну сотую рентгена. Но все-таки мигают...

— Значит, извержение еще не прекратилось... А ведь мы летим как раз около оси протонного пучка... — Дауге с озабоченным видом задумался.

— Никуда не годится! — Юрковский с видом учителя, уличившего ученика в ошибке, покачал головой. — Солнце вращается, и место извержения давно переместилось в сторону. Нет, здесь что-то другое...

— Наведенная радиация, — сказал Ермаков.

— Ну конечно! — обрадовался Дауге. — Этого и следовало ожидать. Под воздействием протонной бомбардировки часть атомов в толще стен «Хиуса» стала радиоактивной, только и всего...

— Хорошенькое «только и всего»! С этим будет такая возня...

— Не думаю, — возразил Спицын. — Ведь радиация не очень сильная, допустимую дозу не превышает.

— Хорошо еще, что сверху нас прикрыл «Мальчик», — осмелился вставить свое слово Быков.

— Да, «Мальчик»... — Ермаков подумал. — Ведь «Мальчик» тоже может оказаться зараженным. Это было бы неприятно.

— Сделаем вылазку, проверим? — предложил Юровский.

— Только после того, как повернемся зеркалом к Солнцу. Примерно через сутки.

— Подумать только, — проговорил Дауге, который, видимо, все еще осмысливал пережитое, — если бы эта гадость длилась еще несколько минут, все было бы кончено! «Хиус» с мертвым экипажем!

— И через пятьдесят часов мы раскаленным облаком врезаемся в Солнце...

— Мертвый планетолет с мертвым экипажем... — Богдан посмотрел на Ермакова. — Такие уже есть, не так ли, Анатолий Борисович?

— Межпланетные «Летучие Голландцы»...

— Что с ними случилось? — с понятным любопытством осведомился Быков.

— Разные причины... Болезни, вывезенные с других планет, такие же вот вспышки на Солнце...

На этом разговор закончился.

Жизнь на планетолете шла своим чередом. Ермаков вел наблюдение за работой фотонной техники и разрабатывал совместно со штурманом какую-то проблему новой космогании; геологи в сотый раз пересматривали программу исследовательских работ на Голконде; Быков читал книги по астрономии; Богдан Спицын все свободное время возился с радиоаппаратурой.

Однажды Богдан позвал всех к рубке.

— Слушайте! — сказал он, счастливо улыбаясь. — Говорит Марс, Песчаная Бухта. Это для нас.

«...очень недолго, — говорил высокий веселый женский голос. — И вот в долине, закрытой от холодных бурь отрогами Срединного Хребта, мы обнаружили мелководные озера и обширные луга, словно из детской сказки. Ах, товарищи, если бы вы знали, какая это красота! Вы поднимаетесь на вершину холма и видите: лиловая гладь озера, неподвижная, как зеркало, необыкновенный ковер высоких оранжевых трав и огромных ярко-зеленых цветов, и над всем этим — темно-фиолетовое небо. Нам хотелось сорвать с себя скафандры...»

Быков видел, как на лицах товарищей восторг и радость борются с недоверием, губы их сами собой раздвигаются в счастливые улыбки, глаза загораются мягкими теплыми огоньками.

— Это Марс! — прошептал Дауге. — Ребята, подумайте, это Марс, мертвый Марс!

«...Мы назвали эту долину «Долиной Хиуса», в вашу честь. Мы не можем поднести вам воды из ее озер, цветов с ее полей, мы не можем, к сожалению, даже показать вам ее, но пусть она носит имя вашего корабля, отважные друзья наши! Вот... Одну минуту... Нам пора заканчивать. До свидания, желаем вам всем удачи — тебе, Анатолий Ермаков, тебе, Владимир Юрковский, тебе, Михаил Крутиков, тебе, Богдан Спицын, тебе, Григорий Дауге, и тебе, Алексей Быков...»

В этот день за обедом Юрковский, Дауге и Спицын долго говорили, перебивая друг друга, о своих походах на Марсе.

Прошло пятьдесят пять часов полета, и Ермаков объявил, что наступило время повернуть «Хиус» зеркалом к Солнцу и начать торможение. Скорость планетолета к этому моменту достигала тысячи двухсот километров в секунду. В течение последующих сорока часов «Хиус» должен был двигаться с отрицательным ускорением относительно Солнца, чтобы прийти к месту встречи с Венерой с нулевой скоростью.

Все это Дауге торопливо объяснил Быкову, пока они

готовили кают-компанию к повороту: задраивали книжный шкаф и буфет, убирали все, что могло падать и сдвигаться с места. Затем по команде из рубки все прикрепилось к креслам ремнями.

Быков ждал ощущений, похожих на те, которые ему пришлось испытать во время пробега «Мальчика», но все обошлось гораздо проще. Благодаря необыкновенному искусству Спицына планетолет перевернулся плавно, быстро. Секундное состояние невесомости прошло почти незамеченным. Сидевшим в кают-компании показалось только, что пол под ними взмыл вбок, на мгновение остался в вертикальном положении и снова плавно встал на свое место.

«Хиус» мчался к Солнцу реакторными кольцами вперед, фотонный реактор действовал по-прежнему, придавая ему постоянное ускорение в 10 метров в секунду за секунду, но теперь скорость планетолета относительно Солнца непрерывно уменьшалась. После обеда Быков напомнил Ермакову о необходимости проверить «Мальчика» на радиоактивность.

— Кроме того, — добавил он, — хоть у нас и нет оснований сомневаться в прочности крепления контейнера к корпусу «Хиуса», все же не грех поглядеть, не нарушилось ли что-нибудь во время поворота. Надо пойти и посмотреть.

— Пойти посмотреть? — Ермаков прищурился. — Не думаю, что это так просто...

— Но ведь мы... я не раз выходил наружу во время прежних рейсов, — вступил в разговор Юрковский.

— Во время прежних рейсов — пожалуй. А сейчас речь идет о том, чтобы выйти из планетолета, двигающегося ускоренно.

— Мм... — Юрковский закусил губу, соображая.

— Представляете себе, что произойдет с вами, если вы сорветесь? — продолжал Ермаков.

— «Хиус» улетает прочь, а ты попадаешь чуть ли не в фокус, где взрывается плазма, — сказал Дауге.

Быков решительно шагнул вперед.

— Анатолий Борисович, позвольте мне, — проговорил он. — «Мальчик» — мое хозяйство, и я за него отвечаю.

— Статья восемнадцатая «Инструкции межпланетного пилота»: «Воспрещается во время рейса выпускать

пассажиров за борт корабля», — быстро процитировал Юрковский.

— Так. Таков закон, — кивнул Дауге.

— Я не пассажир! — возразил Быков, негодуя и оглядываясь на него.

— Одну минуту, — сказал Ермаков. — Алексей Петрович, я действительно не имею права выпустить вас наружу. Практики, опыта не хватает... Мало того, если бы даже и имел, то все равно не выпустил бы: в случае несчастья никто не сможет заменить вас на «Мальчике».

— И риск лишиться такого повара... — лицемерно вздохнул Юрковский.

Быков холодно взглянул на «пижона», но не ответил и снова уставился на Ермакова.

— Фотореактор мы выключим, так что риска тут никакого не будет, — продолжал тот. (Лицо Юрковского вытянулось.) — Что же касается ответственности, то здесь на корабле за все — и за команду и за груз — отвечаю я. Так что дело не в этом. Спицын сейчас на вахте, Крутиков собирается отдыхать. Впрочем, Михаила Антоновича тоже вряд ли стоит посылать. Он слишком... грузен для такого дела.

— Кгхм, — произнес Крутиков, заливаясь краской.

— Значит, я? — с улыбкой сказал «пижон».

— Владимир Сергеевич действительно прошел специальную школу и напрактиковался во время перелетов, — заключил Ермаков. — Итак, я или Владимир Сергеевич...

— Статья шестнадцатая, — сейчас же сказал Дауге: — «Командиру корабля запрещается выходить за борт во время рейса».

— Так, таков закон! — воскликнул со смехом Юрковский и вышел.

Быков угрюмо опустил голову и отошел в сторону.

— Не огорчайся, Алексей! — Дауге хлопнул его по плечу. — Ведь здесь, мой друг, не только и не столько смелость нужна, сколько сноровка.

— Не велика хитрость.

— Ну хорошо. А о вакуум-скафандре ты имеешь представление?

— О чем?

— О вакуум-скафандре. О костюме для работы в безвоздушном пространстве.

— А разве в спецкостюме нельзя?

— Что ты, Алексей! Тебя в нем так раздует, что ты не сможешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Ты видел раздутый спецкостюм в кабинете Краюхина?

Быков вздохнул:

— Видно, не судьба... Очень уж хотелось посмотреть на это ваше «пространство» в натуре.

— Ничего, Алексей Петрович! — Ермаков неожиданно мягко взглянул на него. — Пространство в натуре вы еще увидите.

Вернулся Юрковский, сгибаясь под тяжестью двух объемистых серых тюков.

— Может быть, не будем выключать фотореактор? — спросил он, ловко распаковывая их и извлекая прозрачный цилиндр, сдвоенные баллоны и еще какие-то приспособления.

— Обязательно выключим. Вот кстати, Алексей Петрович, сейчас вы познакомитесь с миром без тяжести. Советую не покидать кают-компания и не делать резких движений.

— Не понимаю...

— Как только выключат фотореактор, ускорение исчезнет, планетолет станет двигаться равномерно, а раз ускорения нет — нет и тяжести.

— Вот оно что! — Лицо Быкова просветлело, и он потер руки. — Очень интересно... А то, знаете, обидно даже: был в межпланетном перелете и не испытал...

— Готово! — объявил Юрковский.

Он стоял в дверях, закованный с ног до шеи в странный панцирь из гибких металлических колец, похожий на чудовищное членистоногое с человеческой головой. Цилиндрический прозрачный шлем-колпак он держал под мышкой. Быкову уже приходилось видеть межпланетный скафандр на фотографиях и в кино, но он не удержался и обошел вокруг Юрковского, с любопытством оглядывая его.

— Пошли, — коротко приказал Ермаков.

Быков уселся в кресло и молча проводил взглядом товарищей.

Топот ног в коридоре затих, послышался тихий звон закрываемой двери. Дауге крикнул: «Куда трос крепить, Анатолий Борисович?» Затем все стихло.

— Внимание! — раздался в репродукторе голос Спицына.

В ту же минуту Быков почувствовал, что его мягко поднимают в воздух. Он судорожно вцепился в ручки кресла. Что-то тонко засвистело, по планетолету пронесся холодный ветерок. Быков шумно вздохнул. Ничего страшного как будто не произошло. Тогда он осторожно разжал пальцы и встал.

Когда через четверть часа Дауге, Михаил Антонович и покрытый белой изморозью Юрковский, цепляясь за специальные леера на кожаной обивке стен, вернулись в кают-компанию, Быков, красный, потный и взволнованный, висел в воздухе вниз головой над креслом и тщетно пытался дотянуться до него хотя бы кончиками пальцев.

Увидев это, Юрковский восторженно взвыл, выпустил леер из рук, стукнулся головой о потолок и снова выпорхнул в коридор. Дауге и Михаил Антонович, давясь от хохота, подползли под мрачно улыбающегося водителя «Мальчика» и стянули его на пол.

— Как... тебе показался... мир без тяжести? — всхлипнул Дауге. — Ис...испытал?

— Испытал, — кротко ответил Быков.

— Внимание! — рявкнул репродуктор.

Когда вновь был включен фотореактор и все пришло в порядок, Юрковский рассказал о результатах своей вылазки. Контейнер с «Мальчиком» излучает, но не сильно, едва заметно. Крепления не пострадали — по крайней мере, наружные, — что, собственно, и было самым важным.

— Серп Венеры виден простым глазом. Вокруг Солнца — корона, как жемчужное облако! Ну скажите же мне, почему я не поэт? — Юрковский встал в позу и начал: — «Бездна черная...»

— Бездна жгучая, — серьезно добавил Богдан Спицын, забежавший с вахты глотнуть кофе.

Юрковский поглядел на него с отсутствующим выражением и начал снова:

Бездна черная крылья раскинула,
Звезды — капли сверкающих слез...

...Э-э-э... как там будет дальше?

— Отринула, — предложил Богдан.

— Молчи, презренный...

— Ну, накинула...

— Подожди... минутку...

Бездны черные, бездны чужие,
Звезды — капли сверкающих слез...
Где просторы пустынь ледяные...

— Там теперь задымил паровоз, — закончил Богдан самым лирическим тоном.

И никто не проронил ни слова о злосчастном приключении Быкова в мире невесомости. В планетолете снова воцарились покой, тишина, обычная, почти земная жизнь.

Быков и Дауге сидели в кают-компании за шахматами, когда вошел озабоченный Крутиков.

— Слыхали новость, ребята?

Быков вопросительно взглянул на него, а Дауге, покусывая ноготь, спросил рассеянно:

— Что там еще случилось?

— Связи нет.

— С кем?

— Ни с кем нет. Ни с Землей, ни с «Циолковским».

— Почему?

Крутиков пожал плечами, запустил руку в буфет и достал вафлю.

— И давно нет связи?

— Больше часа. — Крутиков с хрустом раскусил вафлю. — Ермаков с Богданом все перепробовали. Шарили на всех волнах. Пусто, хоть шаром покати. И что удивительно — обычно всегда наткнешься на чей-нибудь разговор. А сейчас на всем диапазоне мертвая тишина, словно на морском дне. Ни единого звука, ни единого разряда.

— Может быть, аппаратура испортилась? — предположил Дауге.

— Все три комплекта сразу? Вряд ли.

— Или антенны не в порядке?

Штурман пожал плечами. Дауге пробормотал: «Опять не все слава богу», — и смешал фигуры.

— Где Володька?

— У себя, наверное...

Быков тронул Михаила Антоновича за рукав:

— Может быть, разладился только прием, и они нас слышат?

— Все может быть. Но вообще — весьма странно.

Быков, красный, потный и взволнованный, висел в воздухе вниз головой.

Вдруг ни с того ни с сего отказали все радиоустановки сразу. Никогда еще такого не бывало. Правда, Ляхов предупредил... Но... это, понимаешь, как-то тревожно... неуютно как-то...

Быков с симпатией посмотрел на его доброе круглое лицо с маленькими грустными глазками.

— Да... я понимаю, Михаил Антонович.

Действительно, стало очень неуютно. Смутное предчувствие несчастья овладело Быковым. Может быть, потому, что всякая, даже ничтожнейшая неприятность на межпланетном корабле представлялась ему большой бедой. Но и Крутиков, по-видимому, испытывал нечто подобное, а уж его никак нельзя было заподозрить в мнительности новичка.

— Не вешайте носа, друзья! — с наигранной веселостью воскликнул Дауге. — Пока ничего страшного не случилось, не правда ли? Ну, временно потеряна по каким-то причинам связь. Но двигатели в порядке, продовольствия достаточно, «Хиус» идет по курсу...

Крутиков вздохнул. И опять Быков понял его. Для них, детей Земли, связь была единственной живой, осязаемой ниточкой, протянувшейся к ним с родной планеты. И обрыв этой животворной ниточки, даже временный, действовал угнетающе. Быков вдруг каждой своей кровинкой ощутил глухое, невероятное одиночество «Хиуса». Десятки и сотни миллионов километров безмолвной пустоты свинцом легли на плечи, отрезали от других миров и от матерински теплой, родной Земли. Десятки и сотни миллионов километров ледяной пустоты... Эти невообразимые пропасти — вовсе не «ничто». Нет, они живут какой-то своей особой и непонятной жизнью, по каким-то непостижимым законам, сложные, коварные...

Быков взглянул на Дауге, рассеянno перебиравшего шахматные фигурки, и ему стало стыдно своих мыслей. Достаточно того, что он струсил тогда, перед стартом. Ведь самое страшное, что может произойти... Да почему что-нибудь вообще должно произойти?

— Новые шалости нашего возлюбленного пространства, — сказал, входя, Юрковский. — Как вам это нравится?

— Совсем не нравится, — буркнул Дауге. — Перестань паясничать! Надоело... На Земле Краюхин с ума сойдет.

— Ну, за старика бояться нечего! Голова у него покрепче, чем у нас с тобой. Мне кажется, связь исчезла потому, что участок пространства, где мы сейчас находимся, так или иначе непроходим для радиоволн. Объяснить не берусь, но... Во всяком случае, на радиоаппаратуру сваливать нечего. И тем более на антенны.

— Фантазер! — вздохнул Михаил Антонович. — Ну где ты видел, чтобы пустота не проводила радиоволн?

— До сегодняшнего дня — нигде. А Ляхов видел. И я сейчас вижу, достопочтенный скептик. Тебя даже фактами не проймешь.

— Видишь?

— Вижу.

— Шиш ты видишь, Владимир Сергеевич!

— Я вижу шиш? — с подчеркнутой вежливостью спросил Юрковский.

— Ага.

Юрковский повернулся на каблуках и пошел из каюты. На пороге он остановился:

— Рекомендую всем присутствующим подняться к входу в рубку. Вам, возможно, удастся услышать кое-что интересное.

Крутиков досадливо поморщился и снова полез в буфет за вафлей. «Фантазер, фантазер», — бормотал он.

Но Дауге промолчал, а Быков в глубине души чувствовал, что прав, вероятно, все же Юрковский. Они поднялись по трапу до раскрытой двери рубки и присоединились к Юрковскому, сидевшему на ступеньке.

Из рубки доносился монотонный голос Богдана:

— Земля, Земля... Вэ-шестнадцать, почему молчите? Земля, Земля... Я «Хиус». Вэ-шестнадцать, почему молчите? Даю настройку: раз, два, три, четыре, пять...

Наступило молчание. Дауге и Быков переглянулись. Юрковский задумчиво поглаживал подбородок. Послышались щелчки каких-то переключателей. Богдан со вздохом сказал:

— Ничего, Анатолий Борисович. Тихо, как в могиле.

— Попробуйте снова на длинных волнах.

— Слушаюсь.

После минутной паузы Спицын заговорил снова:

— Ну хорошо, положим, что-нибудь не в порядке с антеннами. Но ведь такую радиостанцию, как на Седьмом

полигоне, можно принимать прямо на корпус. Да и что могло бы случиться с антеннами? Ничего не понимаю! Ведь ни звука, ни шороха... Конечно, Ляхов прав. Это все наша скорость... Земля! Земля! Вэ-шестнадцать, почему молчите? Я «Хиус». Даю настройку: раз, два, три...

— Может быть, Юрковский прав и мы действительно провалились в какую-нибудь четырехмерную яму? — сказал Ермаков.

Юрковский гулко покашлял. Ермаков подошел к двери:

— Вы все здесь?

— Здесь, Анатолий Борисович. Сидим, ждем.

— Что вы думаете по поводу этого?

— Я уже сказал, что я думаю... — Юрковский пожал плечами.

— Может быть, может быть... Но от всех этих искривленных пространств очень пахнет математической мистикой.

— Как угодно, — спокойно сказал Юрковский. — Мне это мистикой не кажется. Я думаю, легко убедиться, что это самая настоящая объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Ермаков помолчал.

— Где Михаил?

— В кают-компании, вафли лопают.

— Надо будет...

Радостный крик Богдана прервал Ермакова:

— Отвечают! Отвечают!

Все вскочили на ноги. Сухой, надтреснутый голос устало произнес:

— Я Вэ-шестнадцать. Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», «Хиус», отвечайте. «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать. Даю настройку: раз, два, три, четыре. Три, два, один. «Хиус», отвечайте...

— Это Зайченко, — пробормотал Юрковский.

Богдан торопливо заговорил:

— Вэ-шестнадцать, слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус», слышу вас хорошо. Почему так долго не отвечали?

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать, — не обращая, по-видимому, никакого внимания на ответ Богдана, продолжал Зайченко. — «Хиус», почему не отвечаете?

Почему замолчали? «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать...

— Мы их слышим, они нас — нет, — сказал Дауге. — Час от часу не легче. Ну-ка...

— Я «Хиус», слышу хорошо, — упавшим голосом повторял Богдан. — Я, «Хиус», слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус»...

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Прошел час. Тем же монотонным, полным безнадёжного ожидания голосом. Седьмой полигон вызывал «Хиус». Так же монотонно и устало отвечал Богдан. Седьмой полигон не слышал его. Пространство доносило до «Хиуса» радиосигналы с Земли, но не пропускало его радиосигналы. Ермаков неустанно расхаживал по рубке. Юрковский сидел неподвижно с закрытыми глазами. Дауге барабанил по колену костяшками пальцев. Быков вздыхал и гладил ладонями колени. В рубку, посасывая пустую трубочку, прошел Крутиков.

— Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Что-то зашуршало и затрещало в эфире. Новый, незнакомый голос ворвался в планетолет, задыхающийся и хриплый голос:

— Хильфе! Хильфе! Сэив ауа соулз! На помосч! На помосч! Тэйк ауа пеленгз!

Юрковский торопливо поднялся. Замер, остановившись как вкопанный, Ермаков. Дауге схватил Быкова за руку.

— Хильфе! Хильфе! — надрывался незнакомец. — Инту—три ауаз ви ар дан... Баллонен... На помосч! Кончается... — Голос потонул в неистовом треске и взвизгивании.

— Что это? — пробормотал Быков.

— Кто-то гибнет, просит помощи, Алексей... — одними губами прошептал Дауге.

— ...Координатен... цвай ун цванциг... двадцать два... Задохнемся... Цум аллес...

— Спицын, на пеленгатор, живо! — приказал Ермаков.

— Есть!..

— Ауа пеленгз... тэйк ауа пеленгз... Унзерен пеленген...

— Немедленно идти к нему! — крикнул Юрковский.

- Вопрос — куда?
— Спицын, что у вас там?

После короткой паузы раздался изменившийся голос Спицына:

- Пеленг не берется!
— Как — не берется?
— Не берется, Анатолий Борисович, — дрожащим тенорком простонал Спицын. — Сами убедитесь...

Не сговариваясь, не оглядываясь друг на друга, Юрковский, а за ним Дауге и Быков протиснулись в рубку. Быков заглянул через плечо Ермакова. Тонкая длинная стрелка медленно и вяло кружилась по циферблату, нигде не задерживаясь и слегка подрагивая на ходу. Юрковский выругался.

— Хильфе! Хильфе!.. На помосч... Тасукэтэ курэ! Наши пеленги...

Все растерянно глядели друг на друга. Богдан с остервенением крутил барабан настройки пеленгатора; щелкая рычажками, включал и отключал какие-то приборы. Взять пеленг не удавалось.

— Заколдованное место, — прошептал Богдан, вытирая со лба пот.

— Это позор для нас, — тихо сказал Дауге, — люди гибнут...

Ермаков стремительно повернулся к нему:

— Почему вы в рубке? Кто разрешил? Марш за дверь, вы, трое...

На ступеньках Юрковский присел на корточки и уткнул подбородок в ладони. Быков и Дауге стали рядом.

— На помосч! На помосч! — надрывался хриплый голос. — Эврибоди ху хиарз ас, хэлл!

Быков затаив дыхание слушал. Он не знал, кто вызывает о помощи, не знал, что произошло там, он чувствовал только, всем существом своим чувствовал страшное отчаяние, сквозившее в каждом звуке этого голоса.

— Если бы только знать, где они находятся!.. — прошептал Юрковский.

— Черт! — злобно выкрикнул Дауге. — Неужели никто, кроме нас, их не слышит?

— Насколько я знаю, кроме нас сейчас в полете не менее семи кораблей. Из них только два — китайский и

английский — имеют некоторый запас свободного хода. Но все равно, пока они рассчитают новую траекторию, пройдет не менее часа... Странно, что мы их не слышим все-таки...

— Кого?

— Тех... других...

— Только «Хиус» мог бы лететь без всяких расчетов траекторий, прямо на пеленг, — сказал Дауге.

— Был бы пеленг...

В дверях появился Ермаков, бледный, с блестящими, словно стеклянными, глазами.

— Спускайтесь в каюты, товарищи! — приказал он. — Укладывайтесь по койкам, пришвартуйтесь к ним. Попробуем выскочить из этого проклятого мешка. Ускорение превысит норму в четыре раза — имейте в виду. Дауге, покажете Быкову, как вести себя при перегрузке.

— Есть!

Юрковский поднялся и первым пошел вниз. И тут из рубки раздались новые звуки. Чей-то резкий, уверенный голос на скверном английском спрашивал:

— Ху токс? Хир ми? Ху токс? Ай тэйкн ёр пеленгз...

Тот, кто звал на помощь, взволнованно ответил:

— Ай хиар ю олл райт!

— Спик чайниз?

— Но...

— Спик рашн?

— Да-да, говорью и понимаю... Вы русски?

— Нет. С вами говорит командир звездолета КСР «Ян-цзы» Лу Ши-эр. («Добрый старый Лу!» — прошептал Юрковский.) — Мы слышим вас давно, но у нас только направленный передатчик, а ваш пеленг удалось взять лишь несколько минут назад. С кем я говорю?

— Профессор... университети ов Кэмбридж... Роберт Ллойд. На борту корабля «Стар»... Ужасная авария...

Они заговорили по-английски.

— Мы идем к вам по пеленгу, — сообщил Лу.

(«Смельчак!» — Дауге широко раскрытыми глазами взглянул на Юрковского.)

— Спасибо, большое спасибо... Вы где?

— Полчаса назад снялись с международной базы на Фобосе.

Горестный крик раздался в ответ:

— Вам не успеть!.. Нет-нет, вам не успеть! Мы обречены...

— Постараемся успеть. За нами готовятся к вылету аварийные космотанкеры. Мы снимем вас с вашего...

— Не успеть. — Голос англичанина звучал теперь почти спокойно. — Не успеть... Кислорода осталось только... на два часа.

— Да где же вы? Координаты?

— Гелиоцентрические координаты...

Профессор назвал какие-то непонятные Быкову цифры. Наступило молчание. Слышно было, как Ермаков и Богдан торопливо шуршали бумагой, затем зажужжала электронная счетная машина.

— Это в поясе астероидов. Третью астрономической единицы от Марса, — сообщил наконец Крутиков.

— Пятьдесят миллионов километров, — угрюмо проговорил Юрковский. — Даже «Хиус», и даже находясь у Марса, не успел бы.

Он поднялся и опустил руки по швам.

— Мне все ясно, — раздался голос Лу. — Нет ли какой-нибудь возможности продержаться хотя бы десять часов? Подумайте.

— Нет... Глицериновые анестезаторы разрушены... Воздух непрерывно утекает — видимо, в оболочке корабля микроскопические трещины...

После короткой паузы профессор добавил:

— Нас осталось двое... и один из нас без сознания.

— Мужайтесь, профессор!

— Я спокоен, — послышался нервный смешок. — О, теперь я совершенно спокоен!.. Мистер Лу!

— Слушаю вас, профессор.

— Вы последний, кто слушает мой голос.

— Профессор, вас, вероятно, слушают сотни людей...

— Все равно, вы последний человек, с кем я говорю. Через какое-то время вы найдете наш корабль и наши тела. Прошу и заклинаю вас передать все материалы, собранные в этот рейс нами, в распоряжение Международного конгресса космогаторов. Вы обещаете?

— Я обещаю вам это, Роберт Ллойд!

— Все, кто слушает нас, будут свидетелями... Материалы я кладу в портфель... портфель крокодиловой ко-

жи... вот так. Он будет лежать на столе в рубке. Вы слышите меня?

— Я вас хорошо слышу, профессор.

— Вот так. Заранее благодарен вам, мистер Лу. Теперь еще одна просьба. На Земле, когда вы вернетесь... вернетесь... — последовала пауза, слышалось частое всхлипывающее дыхание Ллойда. — Простите, мистер Лу... Когда вы вернетесь, вас, вероятно, навестит моя жена, миссис Ллойд... и сын. Передайте им мой последний привет... и скажите, что я был на посту до конца. Вы слышите меня, мистер Лу?

— Я слышу вас, профессор.

— Вот все... Прощайте, мистер Лу! Прощайте все, кто меня слушает! Желаю всем счастья и удач!

— Прощайте, профессор. Я преклоняюсь перед вашим мужеством.

— Не нужно таких слов... Мистер Лу!

— Слушаю вас.

— Пеленгатор будет работать без перерыва.

— Хорошо.

— Люки вы найдете открытыми.

Пауза.

— Хорошо, профессор.

— Вот, кажется, все. Уанс мо, гуд бай!

Наступила тишина.

— Мы... никак не успели бы? — спросил Быков, еле шевеля одеревеневшими губами.

Никто не ответил. Молча спустились они в кают-компанию, молча расселись по углам, стараясь не глядеть друг на друга. Скоро к ним присоединились Ермаков с Крутиковым. Быков едва сознавал, что делается вокруг. Мысли его были прикованы к картине, услужливо нарисованной воображением: хрипя и задыхаясь, седой человек ползет по коридору, открывая одну за другой массивные стальные двери. Перед последней дверью — наружным люком — он останавливается, оглядывается назад помутневшими глазами. В дальнем конце коридора виден край стола, на котором поблескивает под лампой портфель крокодиловой кожи. Человек проводит по лбу трясущейся рукой и в последний раз глубоко вдыхает разреженный воздух.

— Алексей Петрович!

Быков вздрогнул и оглянулся. Ермаков озабоченно наклонился над ним:

— Ступайте-ка в свою каюту и постарайтесь уснуть.

— Иди, Алексей, иди. На тебе лица нет, — сказал Дауге.

Быков послушно встал и вышел. Проходя мимо трапа, ведущего в рубку, он услышал, как Богдан монотонно поговаривал:

— Вэ-шестнадцать, Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Даю настройку...

В кают-компании Ермаков сказал со вздохом:

— Я встречал Роберта Ллойда. Недавно. Хороший межпланетник. Незаурядный ученый...

— Светлая ему память! Он хорошо держался, — тихо проговорил Юрковский.

— Светлая ему память...

После короткого молчания Дауге вдруг вскочил на ноги:

— Черт знает что! Мне кажется, что мы застыли на месте. Провалились куда-то, и нас засыпало...

— Не паникуйте, Дауге, — устало усмехнулся Ермаков.

Обедать никто не захотел, и скоро Ермаков первым поднялся, чтобы идти к себе. Крутиков положил руку на плечо Юрковского и сказал виновато:

— Похоже на то, что ты был прав, Володя.

— Пустяки, — проговорил тот. — Но вот вам еще одна загадка, товарищи.

Все вопросительно поглядели на него.

— В чем дело?

— Лу сказал, что у него только направленный передатчик, так?

— Так.

— А ведь мы хорошо слышали его.

Михаил Антонович раскрыл рот и растерянно оглянулся на Ермакова.

— А почему бы и нет? — спросил Дауге.

— А потому, дружок, что «Хиус» по отношению к Лу находится совсем в другом направлении, нежели корабль Ллойда. Направленный радиолуч никак не должен был бы добраться до нас.

Дауге взялся за голову:

— Достаточно загадок! Это уже, наконец, невыносимо!

Но Ермаков и Михаил Антонович сейчас же отправились в рубку, захватив с собой Юрковского.

ВЕНЕРА С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Связь наладилась через сутки так же неожиданно, как и прервалась. По-видимому, «Хиус» миновал «заколдованное место» — странную область в пространстве, обладающую неизвестными еще свойствами в отношении радиоволн. В кают-компании много спорили об этом неслыханном явлении, было выдвинуто несколько предположений, в том числе и явно нелепых (так, Дауге объявил, что все члены экипажа стали жертвами массового психоза), а Юрковский принялся разрабатывать гипотезу каких-то четырехмерных отражений, пытаясь с помощью лучшего на борту математика Михаила Антоновича Крутикова ввести «физически корректное понятие точки пространства», через которую электромагнитные колебания проходили бы только в одну сторону. Что же касается Быкова, то первое время он чувствовал себя оскорбленным равнодушием товарищей к гибели Ллойда. Ему представлялось чуть ли не кошунством разговаривать о теориях и формулах уже через два часа после того, чему они были свидетелями. Катастрофа «Стара» произвела на него громадное впечатление. Оглушенный и подавленный, бродил он по планетолету, с трудом заставляя себя отвечать на вопросы и выполнять мелкие поручения Ермакова.

До встречи с Венерой оставалось всего пятнадцать—двадцать миллионов километров. Перелет близился к концу. Наступал самый ответственный момент экспедиции — посадка на поверхность Венеры. За редкими исключениями это не удавалось лучшим космонавтам мира. И не порицания, а подражания и всяческого восхищения заслуживали люди, которые усилиями хорошо натренированной воли заставляли себя забыть об испытаниях прошлого, даже совсем недавнего, и сосредоточить все свое внимание на испытаниях предстоящих. Этого вначале не понял Быков. Но теперь они казались ему бойцами, вышедшими на рубеж атаки. Оставив позади убитых, наскоро

перевязав свежие раны, готовятся они к последнему, решающему прыжку навстречу победе... или смерти. При этом никто, даже Юрковский, не произносил прочувствованных фраз и не принимал эффектных поз. Все были спокойны и деловиты. И их попытки понять природу «заколдованного места» были лишь проявлением естественной заботы о тех, кто пойдет вслед за ними.

Уважение и почтительное восхищение Быкова выразилось в том, что он угостил товарищей великолепным плодом, и Михаил Антонович дважды после ужина забегал на камбуз, причем второй раз — с вахты, в чем был уличен и за что подвергнут выговору.

Как только оказалось, что двусторонняя связь с Землей налажена, Ермаков передал радиограмму, в которой четко и скупно описал необычайное происшествие и передал содержание последнего разговора Лу с профессором Ллойдом.

— Ну и заставили вы нас понервничать! — заикаясь от волнения, сказал Зайченко. — Вера Николаевна чуть с ума не сошла. А «Стар»... — голос его стал тише и серьезнее, — об этом мы уже знаем. Весь мир знает. Лу добрался до английского корабля и снял с него тела погибших и бумаги.

— Что там произошло?

— В точности неизвестно, но полагают, что взорвался реактор. Двигательная часть корабля разворочена вдребезги. Лу показывал нам снимок по телевизору.

— Сколько погибло?

— Лу нашел двоих. Англичане сообщили, что на «Старе» ушло восемь человек.

— Светлая им память...

— Светлая им память...

Они помолчали.

— Что же вы думаете о причинах перерыва связи, Анатолий Борисович?

— У меня пока нет определенного мнения.

— Ну да, конечно... мало фактов. Может быть, здесь играет роль скорость, с которой двигался «Хиус»? Ведь Ляхов, кажется, говорил об этом...

— Может быть.

— Или вы попали в плотное облако металлической пыли?

— Это ничего не объясняет. Впрочем, оставим решение специалистам. Что Краюхин?

— Оправился. Рвался сюда, на станцию, но врачи пока не разрешают. У нас здесь дожди.

— Приветствуйте его, погорячей, от имени всех нас и от меня лично.

— Принято, Анатолий Борисович! Да... заговорили вы меня. Здесь его записка к вам лежит, принесли еще два дня назад.

— Чего ж вы молчите? Читайте!

— Сию минуту. Так... «Анатолий, все, что я тогда говорил, позабудь. Видно, старею и слабею. К.».

— Что?

— Ка. Заглавная буква. Вместо подписи.

— Понятно. «Все, что я тогда говорил, позабудь».

— Да, «позабудь».

Ермаков покосился на Спицына, сидевшего у пульта спиной к нему.

— Понятно. У нас был небольшой спор... У вас все?

— Все, Анатолий Борисович. График связи прежний?

— Прежний. До свидания.

— Пора, — сказал за обедом Спицын. — Пора начинать брать пеленги у Махова.

— Не рановато ли? — отозвался Ермаков. — Ведь у нас в запасе еще часов десять.

— С вашего разрешения, Анатолий Борисович, лучше начать пораньше. Дело новое, и желательно иметь побольше данных.

Быков вполголоса осведомился, о чем идет речь.

— «Хиус» подходит к Венере, — пояснил Дауге, — нам сейчас надо рассчитать трассу к «Циолковскому».

— К «Циолковскому»? К искусственному спутнику Венеры? А зачем?

— В каком смысле — зачем? Чтобы сблизиться с ним, разумеется.

— Я понял, что мы будем с «Циолковским» только связь поддерживать и что сядем на Венеру, минуя его.

— Какой ты быстрый... Нужно обстоятельно договориться с начальником «Циолковского» Маховым о взаимодействии.

— И долго мы там пробудем?

— Не знаю... Анатолий Борисович, сколько времени мы пробудем у «Циолковского»?

— Часов пять—шесть, не больше. Передадим почту, книги, фрукты, проведем совещание и отправимся дальше.

— Ясно. Кстати, Алексей, вот там ты вкусишь невесомость в полную меру. Мы полюбуемся...

Быков вспомнил свой неудачный опыт в этой области и уткнулся в тарелку.

Сближение «Хиуса» с «Циолковским» заняло больше трех часов и доставило экипажу много хлопот. Для пилотов дело осложнялось тем, что плоскость орбиты «Циолковского», вращавшегося вокруг Венеры на расстоянии в несколько тысяч километров, была почти перпендикулярна плоскости орбитального движения Венеры, так что Крутикову и Спицыну снова пришлось немало поработать. Однако задача была решена, и планетолет по суживающейся спирали стал приближаться к тому месту, где в назначенное время должен был пройти «Циолковский». «Пассажиры» провели эти часы в кают-компании, пристегнувшись к креслам, и последовательно чувствовали себя то легкими, как воздушные шары, то тяжелыми, как куски свинца. Быкову казалось, что он раскачивается на фантастических качелях; он то судорожно хватался за подлокотники, боясь взлететь под потолок, то разевал рот, тщетно пытаясь вздохнуть и явственно чувствуя, как ребра проваливаются внутрь легких. Однако все на свете имеет конец. Манипуляции с ускорением прекратились, и в один не очень приятный момент качели, вместо того чтобы начать новый подъем, стремительно ухнули вниз, в бездонную пропасть.

— Все в порядке! — раздался наконец из репродуктора голос Спицына. — Можно отстегиваться. «Циолковский» в ста километрах от нас, Венера — в трех тысячах.

— Погоди, Алексей, не отстегивайся, — предупредил Быкова Дауге, торопливо освобождаясь от ремня.

Вместе с Юрковским он очень ловко, цепляясь за стены и за привинченную к полу мебель, протянул по кают-компании несколько нейлоновых шнуров, дополнительно к леерам на стенах. Такие же шнуры были протянуты по коридору, в рубке и в каждой каюте.

— Вот теперь вылезай...

Быков осторожно поднялся, неожиданно вспорхнул и повис в воздухе, цепляясь за спинку кресла. Лицо его стало пунцовым. Криво улыбаясь, ни на кого не глядя, он ухватился за шнур и, неуклюже взболтнув ногами, снова оказался на полу.

— Чепуха какая-то... — сердито проворчал он.

— А что, Алексей Петрович, — сказал Крутиков, появляясь в дверях, — хорошо бы приготовить ужин попышнее, угостить ребят с «Циолковского»...

— Сейчас, — с трудом произнес Быков.

— Э, нет, Алеша! — Крутиков засмеялся. — Ручки коротки... Придется тебе временно сложить их.

— Почему?

— А ты умеешь готовить в таких условиях? Когда вода не течет, а летает пузырем по кухне, когда котлеты скачут по сковороде, как взбесившиеся лягушки, и недожаренными порхают в воздухе...

Сильный толчок прервал его. Что-то визгливо заскрежетало по обшивке. Кают-компания качнулась.

— Это еще что такое? — пробормотал Дауге.

Глаза Быкова встретились с остановившимся взглядом Крутикова. На лбу штурмана заблестели мелкие бисеринки пота.

— Принимай гостей, Михаил Антонович! — весело крикнул Богдан из коридора. — Бесы неуклюжие!

Дауге шумно выдохнул воздух, а Михаил Антонович дрожащей рукой полез в карман за платком.

— Именно бесы, — сказал он хрипло, с трудом переводя дух. — Этак человека можно на всю жизнь калекой сделать... заикой...

Он сунул платок обратно в карман и, цепляясь за шнуры, быстро выбрался за дверь. Дауге недовольно пробормотал:

— Почти каждый раз получается такая штука, и каждый раз у меня сердце уходит в пятки.

— Да что случилось?

— Причалила ракетка с «Циолковского». Межпланетное такси, извольте видеть. Лихачество... Вероятно, прибыл засвидетельствовать свое почтение Махов... Стой, куда ты? Не улетай, побудь со мной...

Быков сделал неосторожное движение, пролетел меж-

ду шнурами, ударился о потолок и, растопырив руки, устремился вниз. Дауге схватил его за ногу и, ловко дернув, привел в вертикальное положение.

— Успокойся, ангел небесный, не надо волноваться... Помнишь формулу — эм вз квадрат пополам? Так вот, хорошо что хоть пополам, а то раскроил бы ты сейчас свою буйную голову.

Быков снова водворился в спасительное кресло с твердым намерением не покидать его до тех пор, пока не кончится «проклятая невесомость». В эту минуту в коридорном отсеке послышалась возня, раздались радостные восклицания, звонкие хлопки ладони о ладонь и даже, кажется, звуки поцелуев.

— Здорово, друзья! Здорово, землячкí-земляне! — оживленно гремел чей-то бас. — Здравствуй, свет Михаил Антонович! Все худеешь, бедный?

— Здравствуй, голубчик Махов! Дай-ка я тебя поцелую да штрафовать буду. За нарушение правил космического движения...

— А-а, Богдан! Не бранись хоть на радостях... Анатолий Борисович, рад вас видеть! Познакомьтесь: мой заместитель, инженер Штирнер Григорий Моисеевич. Будет непосредственно работать с вами.

— Слышал, отлично...

— Рад познакомиться. — Голос Штирнера был сух, резок.

— Прошу в кают-компанию, — пригласил Ермаков.

— Нет уж, дорогие, заберем почту — и все к нам. Ждем не дождемся.

— Виноват, Петр Федорович. На этот раз ограничимся разговором здесь, на борту «Хиуса». У вас погостим на обратном пути.

Наступила странная пауза.

— Напрасно он так сказал, — прошептал Дауге, уставясь в дверь круглыми глазами. — Это слово в слово фраза Тахмасиба...

Быкову стало не по себе.

— Знаю, знаю, о чем вы думаете! — снова заговорил Ермаков. — Не следует быть суеверным. Нужно спешить. Он сказал это и чуть усмехнулся.

— Как знаете, Анатолий Борисович, — растерянно отозвался Махов. — Куда прикажете?

— Прошу сюда... Прошу вас, Григорий Моисеевич.

Гости вошли первыми — высокий грузноватый Махов и похожий на подростка Штирнер, оба в мягких потертых комбинезонах с откинутыми на спину прозрачными шлемами. Штирнер держал под мышкой папку.

— Здравствуйте, товарищ Дауге! — гремел Махов. — А это, конечно, товарищ Быков? Так?

Благоразумно не выпуская из левой руки шнур, Быков пожал ему руку, затем поздоровался со Штирнером. Все расположились за столом.

— Итак, Петр Федорович, — сказал Ермаков, — выкладывайте, что у вас есть.

Махов шумно откашлялся, Штирнер раскрыл папку, и совещание началось. Говорили мало и точно, больше формулами и математическими терминами, водя пальцами по чертежам и расчетам, привезенным Штирнером. Речь шла о том, как обеспечить максимальную точность посадки «Хиуса» у границ Урановой Голконды и как поддерживать связь после посадки. Махов со Штирнером и их товарищи на двух других искусственных спутниках подробно разработали систему радионаведения, пользуясь которой предполагалось довести «Хиус» до места, отстоящего от границ Голконды не дальше чем на пятьдесят—сто километров. Правда, система эта еще не опробована на практике, но тренировки дают право надеяться на полный успех.

— От нас теперь требуется максимальная точность, — сказал Штирнер, постукивая пальцем по чертежу, — а от вас, товарищи, — внимание и маневренность. Насколько я знаю, «Хиус» не так ограничен в своих эволюциях, как обычная импульсная ракета, и при всех случайностях сможет строго держаться пеленгов. Но, повторяю, прежде всего внимание! Если «Хиус» даже чуть-чуть оторвется от радиолуча, вы рискуете сесть за тысячи километров от нужного вам места.

Итак, «Хиусу» предстояло спускаться на планету, держась в перекрестии трех радиолучей, которые и выведут его на наиболее выгодную, по мнению специалистов, точку. На высоте десяти—пятнадцати километров над поверхностью Венеры импульсы пеленгаторов исчезают: они либо бесследно поглощаются, либо отражаются вверх, в венерианскую стратосферу. С этой высоты планетолет

должен будет спускаться отвесно. Не исключены серьезные осложнения: коварная атмосфера Венеры может обмануть, исказив сигналы. На этот случай будут действовать контрольные параллельные установки. Спицын и Ермаков записали кое-какие цифры, сверили свои расчеты со схемой Штирнера и объявили, что вопросов больше не имеют. Махов перешел ко второму пункту. Поскольку радиосвязь — по крайней мере, надежную — с поверхностью Венеры установить, по-видимому, не удастся, следовало договориться о системе оптических сигналов. По мнению Махова, необходимы только два сигнала: первый — «продовольствие и вода», второй — «запасные части, энергетическое питание». Список запчастей и аппаратуры был заранее составлен.

— Мы привезли вам портативную пусковую установку и две ракетки с атомными зарядами. Если... тьфу-тьфу, конечно... если случится что-нибудь нехорошее и потребуется наша помощь, вы пошлете одну из ракеток вверх, вертикально над собой. Она взорвется на высоте около двухсот километров. Конечно, стрелять можно не в любой момент. Вот вам таблица для расчета времени. В назначенные минуты наши наблюдатели будут тщательно следить за районом вашей высадки.

— Ну, и что же? — спросил Ермаков.

— И... ничего. Мы будем знать, что у вас не все в порядке, и постараемся принять меры.

— Какие?

— Подбросим вам автоматические ракеты с необходимым аварийным запасом. Ракеты пойдут точно на ваш пеленг.

— Отлично! — Ермаков кивнул. — А зачем вторая сигнальная ракетка?

— Две ракетки подряд вы выпустите, если посадка прошла неудачно и планетолет серьезно вышел из строя. Наступило молчание.

— Весьма возможно, что тогда их некому будет выпускать, — заметил Дауге, поморщившись.

— Мой пессимизм не заходит так далеко, — мягко ответил Махов.

После совещания Дауге предложил Быкову:

— Пойдем посмотрим на прекрасную Венеру. Ермаков разрешил выпустить тебя.

Через десять минут они, облаченные в неуклюжие панцири с прозрачными колпаками на головах, стояли в кубическом кессоне перед наружным люком. Дауге наглухо задраил за собой дверь, затем включил насос и повернулся к манометру, укрепленному на стене. Тонкая стрелка неровными скачками запрыгала вниз. Когда она остановилась, Дауге откинул с люка широкую стальную полосу, и толстая ребристая крышка мягко отвалилась в сторону.

Быков ожидал увидеть то, что сотни и сотни раз описывалось в репортажах, очерках и романах: черно-фиолетовую бездну, испещренную ослепительными точками звезд. Вместо этого круглый провал люка озарился мутным желто-розовым светом. Планетолет висел над громадным, тускло освещенным туманным куполом. Сероватые тени ползли по блестящему оранжевому полю, медленно сближались и расходились, свивались в кольца и разрывались на неверные исчезающие пятна. Ближе к краям купол темнел, но границы его не были резкими, они как-то незаметно, размытыми лиловыми тонами переходили в полную непроглядную черноту. А в центре тончайшие розовые, желтые и серые дымчатые ленты переплетались между собой, но не смешивались; то ясные и отчетливые, то затянутые однообразной рыжей дымкой...

Вот она какая, Венера, «самая страшная планета в солнечной системе»! Быков понял, что движения цветных теней, такие незначительные на расстоянии в несколько тысяч километров, есть не что иное, как чудовищные по мощности и скорости изменения в атмосфере — бури, тайфуны, смерчи, которым на Земле нет никакого подобия.

Вот длинное серое пятно стало тоньше, изогнулось, свилось в кольцо... Можно было представить себе исполинскую воронку и громадные массы облаков, с бешеной скоростью несущиеся внутри ее. «Вид у нее неважный», — вспомнил Быков. Он глядел и не мог оторваться от этого страшного и величественного зрелища.

Там, под кипящим облачным покровом, скрыт огромный мир с горами, пустынями... может быть, с морями и океанами. Там где-то скрыты сокровища, которые должен разведать экипаж «Хиуса», там обломки телеуправляемых механизмов, разбитые планетолеты, могилы смельча-

ков... Смутное чувство, похожее на суеверный страх, шевельнулось в душе Быкова. Он подумал о том, с какой яростью эта планета отражала до сих пор все попытки покорить ее. Но человек умнее и сильнее природы. Он смел и упорен, и, если даже экипажу «Хиуса» суждено будет сложить головы, их гибель ни на минуту не задержит тех, кто пойдет вслед.

Слева на купол быстро напозла черная тень, неровная, с глубокими впадинами и выпуклостями.

— Выходим на ночную сторону, — раздался в шлеме голос Дауге.

«Хиус» погрузился в теневой конус, отбрасываемый Венерой. Стало темно, только размытая круговая полоса светящегося тумана обозначала края планеты. Но вскоре на черном фоне стали проступать слабые розоватые отблески.

— Что это? — проговорил Быков.

Дауге качнул шлемом, присматриваясь. Затем в наушниках Быкова раздался его голос:

— Вероятно, вулканы. Я слышал о районе непрерывной вулканической деятельности. Пока никто не знает. Предположение...

Они покинули кесон после того, как слева снова забрезжил яркий свет и обрисовался громадный желтый серп.

— Да... — спохватился Быков. — А где же «Циолковский»? Я хотел бы посмотреть на этот искусственный спутник.

— Из люка его не видно, Алексей. Ведь мы повернуты люками вниз, к Венере, а «Циолковский» выше нас. По обшивке «Хиуса» тебе еще рановато ползать. Подождешь до следующего раза. Увидишь, когда вернемся.

Быков вспомнил недавнее замечание Дауге, вздохнул, но промолчал.

Их уже ждали. Ермаков пригласил всех отобедать. Это был первый обед в условиях невесомости, и Быков втайне пожелал, чтобы он был и последним. Межпланетники деловито, не прерывая разговора, подносили к губам эластичные соски, к которым от закрытых пластмассовых сосудов тянулись гибкие трубки. Куски хлеба и закуски они брали из сетчатых коробочек, не забывая тщательно закрывать их. Одним словом, водитель «Маль-

чика» остался бы голодным, не возьми над ним шефство Крутиков, севший рядом специально для этого.

За столом говорили о делах на искусственном спутнике, о планах создания целых армاد «Хиусов», о необходимости специальных передач-консультаций для студентов-заочников, работающих на спутниках. Махов пожаловался на бестолкового снабженца, приславшего на спутник ящик микрофильмов о технике лыжного спорта. Штирнер, смеясь, рассказал, что кто-то завез на «Циолковский» мышей. «Теперь молим прислать кота. Будет потрясающий аттракцион — охота кошки за мышкой в условиях невесомости». Много говорили о концертах изумительного индонезийского ансамбля, о потрясшей всех новой симфонии свердловчанина Гадалова «Путь к звездам». Много шутили, смеялись. Ни одного слова не было сказано о том, что вскоре предстоит испытать экипажу «Хиуса».

Ермаков взглянул на часы, и Махов торопливо встал: — Пора, товарищи.

Все поспешно поднялись и стали прощаться. Махов по очереди сжал руками плечи каждого межпланетника, и Быков с беспокойством заметил, как внезапно ввалились его щеки и пожелтело лицо. У Штирнера признаки волнения были не так заметны.

— Не забудьте, — сказал Ермаков, — отойдите от нас не меньше чем на пятьдесят километров, иначе вас может сильно опалить.

— Ладно, о нас не беспокойся, — буркнул Махов. — Ну, про... до свидания, друзья! Удачи вам!

Он повернулся и, быстро перебирая руками шнур, выбрался в коридорный отсек. Штирнер приветственно махнул рукой и последовал за ним. Со звоном захлопнулся выходной люк. Наступила тишина.

— Мы так и не рассказали им о космической атаке, — вспомнил вдруг Юрковский.

Ермаков рассеянно взглянул на него.

— Не рассказали... Впрочем, это неважно. Прошу приготовиться... Спицын, пошли.

Быков шепотом спросил у Дауге:

— Разве Михаил Антонович останется здесь?

— Да. В рубке ему сейчас делать нечего... — Дауге тряхнул головой, словно отгоняя какие-то мысли, и сказал: — По местам, что ли?

Михаил Антонович и Юрковский уже сидели в креслах и возились с ремнями. Дауге помог Быкову пристегнуться, снял шнуры и остановился в нерешительности.

— Ну? Чего ждешь? — раздраженно прикрикнул Юрковский.

— Десять минут осталось, — раздался голос Ермакова.

Дауге торопливо занял свое место.

И снова наступила тишина. Быков закрыл глаза и стал вспоминать. Черная среднеазиатская ночь, смутно белеющее платье, свежий запах духов... и милое, милое, нежное лицо. Как давно это было! Что-то сжало горло, пришлось два — три раза энергично глотнуть.

— Начали спуск! — хрипло каркнул репродуктор.

Пол под ногами дрогнул, спинка кресла тяжелым грузом навалилась на плечи. Нарастающий рев реактора ударил в уши, заполнил собою все.

Махов и Штирнер, припавшие к круглому иллюминатору «межпланетного такси», увидели, как из-под планетолета, похожего на черную медузу, нелепо раскорячившуюся на фоне огромного оранжевого диска Венеры, блеснуло неяркое пламя. Затем вспыхнуло ослепительное лиловое солнце. Когда они снова открыли глаза, «Хиуса» уже не было видно. Только легкое туманное облачко расплывалось на том месте, где он только что находился.

«ЖИЗНЬ НАША ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ...»

Никто на «Хиусе» не обольщал себя надеждами на быструю и легкую посадку. В свое время в докладе об экспедиции Тахмасиба Ермаков рассказал, как трудно было вести ракету в атмосфере Венеры, как вертело ее, словно щепку в водовороте, какого нечеловеческого напряжения стоило удерживать ракету дюзами вниз. Он описал свирепые ветры, ледяные вихри над раскаленной до ста градусов почвой. В таких условиях были бесполезны и даже опасны самые совершенные жироскопические устройства, которые в более спокойных атмосферах автоматически держали межпланетный корабль точно в за-

данном положении, не позволяя ему раскачиваться, вращаться и переворачиваться...

«Хиусу» оставалось полагаться на очень неточную и ежеминутно готовую прерваться наводку с искусственных спутников. Радиолокаторы противометеоритных устройств не действовали в атмосферных электрических полях Венеры, и планетолет каждое мгновение мог своей громадой обрушиться на какую-нибудь скалистую вершину. Бури и смерчи должны были сносить «Хиус» еще сильнее, чем обычную ракету, ибо форма его хотя и несколько облегчала посадку «дном вниз», но была далеко не обтекаемой.

И тем не менее только «Хиус» мог с большой степенью вероятности рассчитывать на успешную посадку. Он способен был снижаться необычайно медленно, сантиметр за сантиметром, мог вновь подняться и сделать попытку снизиться в другом месте, чего никогда не смогла бы проделать самая лучшая атомно-импульсная ракета с ее ограниченным запасом свободного хода. Ермаков объявил «Хиус» «господином планет с атмосферами», и сейчас предстояло доказать это.

— Пустяки, все пустяки, — бормотал Михаил Антонович Крутиков, в десятый раз проверяя прочность ремней, удерживавших его в кресле. — Все пустяки, и все пойдет отлично, уверяю вас. Слегка потрясет, быть может... Зато подумайте, какой переворот в истории овладения пространством начинается этим рейсом «Хиуса»!

— Мысль сия премного меня утешает в предвидении грядущих испытаний, — нараспев сказал Юрковский. — Еще бы... Крутиков, тот самый — знаете? — который строил первый ракетодром на Венере!

— Только бы сесть... — процедил Дауге сквозь зубы. Михаил Антонович достал пустую трубочку и с задумчивым видом пососал ее.

— Скорей бы уж! — сказал он. — Как все это не похоже на прежние рейсы, правда, товарищи?

— Правда, — ответил Дауге. — Святая правда, Михаил Антонович. При посадке на безатмосферные и спокойные планеты совсем иное самочувствие.

— Поч-чему? — с трудом спросил Быков, думая о том, испытывают ли и другие тошноту и головокружение.

— Потому что с пилотами, подобными Ермакову и

Спицыну, можно на старте и на посадке спать, читать, играть в шахматы... Но, видимо, только не здесь, не на Венере.

— Да, — вздохнул Крутиков, — не на Венере...

— Вы мне надоели своей кислой болтовней! — рассердился Юрковский. — Что вы ноете? Держите ваши переживания при себе. Берите пример с Быкова — позеленел... но держится, помалкивает. Давайте, братцы, споем!

В этот момент из репродуктора послышался напряженный голос Ермакова:

— Внимание!

И сейчас же пол качнулся и стал медленно переворачиваться.

О том, что происходило в последующие три—четыре часа, у Быкова сохранилось лишь несколько смутных, отрывочных воспоминаний. Позже он никак не мог восстановить последовательность событий. Кажется, Юрковский подполз с кислородным баллоном к Дауге еще до того, как тот уронил голову на грудь. Страшный, измененный до неузнаваемости голос Спицына, известивший о том, что у Анатолия Борисовича разбита голова, раздался уже после рывка, от которого лопнул ремень, державший Быкова в кресле. Что было дальше, он не помнил. Какие-то чудовищные силы играли «Хиусом», и тем не менее старое выражение «как лягушка в футбольном мяче» пришло ему в голову только тогда, когда, сжимая в кулаке обрывок ремня, он перелетел через всю каюту и с размаху ударился спиной о стенку. Упругая обивка отбросила его назад, и, кажется, он потерял сознание на некоторое время, потому что внезапно обнаружил себя снова крепко привязанным к креслу. Быков не помнил также, каким образом меж колен его оказался зажатым легкий баллон с активированным озоном... как и когда случилось, что Юрковский повис в своем кресле с лицом, залитым кровью... Затем Михаил Антонович тряс его, Быкова, за плечо и кричал что-то в ухо... Все это мелькало в его мозгу сквозь желто-зеленый туман, между обмороками и приступами тошноты. Потолок оказывался где-то сбоку, затем молниеносно перемещался на место, проваливался и вновь с неудержимой силой давил на ноги пол. На минуты наступало затишье; тогда Быков запрокидывал голову, разевал рот и часто и глубоко дышал. Но плането-

лет вдруг швыряло, и все начиналось сначала. И при этом — тишина, сменившая оглушающий рев. Доносился лишь негромкий гул реакторов, не заглушавший ни стонов, ни... шуток! Да, матерые межпланетные волки находили в себе силы шутить. Но Быков не запомнил ни одной шутки. Он был целиком поглощен своими ощущениями, вытекавшими из уверенности, что уже следующий толчок окончательно вышибет из него дух. Временами он вспоминал о пилотах в рубке управления и представлял их себе искалеченными, приборы — вдребезги разбитыми, а планетолет — падающим с огромной высоты на острые крутые скалы. Вероятно, «Хиус», резко погасивший скорость, попал в мощный атмосферный поток, увлекавший его в сторону от цели, и Ермакову со Спицыным приходилось прилагать все силы, чтобы держать его на заданных радиопеленгах. Как потом говорил Спицын, ни разу в жизни не приходилось ему сажать корабли в таких ужасных условиях.

И вдруг наступил покой. Полный и несомненный покой, не нарушаемый ни малейшей вибрацией, ни единым звуком. Он обрушился на отупевших людей, как удар грома. Быкову показалось, что остановилось самое время. Перед глазами его все ещеплыли разноцветные пятна, по телу ползли струйки пота, руки и ноги дрожали. Затем странная апатия овладела им, смертельно захотелось вытянуть ноги и спать, спать, спать... Сквозь опущенные ресницы он увидел, как зашевелился и встал Юрковский, сделал несколько неуверенных шагов, провел ладонью по лицу и с недоумением посмотрел на испачканные кровью пальцы.

— Что с тобой? — негромко спросил Дауге.

— Н... ничего... — Юрковский сморщился и потряс головой. — Кажется, из носа... Болят глаза...

— Фффух! — выдохнул Михаил Антонович. — Вот это была встряска, доложу я вам!

Юрковский поднял руки, сделал несколько гимнастических движений и вдруг замер.

— Товарищи! — крикнул он. — Мы на Венере... и живы! «Хиус» цел, черт побери! Дауге! Вставай! Ты понимаешь? Мы на Венере...

— Погоди радоваться, — остановил его Дауге. — Кажется, что-то случилось с Анатолием Борисовичем...

— Да, я тоже слышал голос Спицына, — подтвердил Крутиков.

— Пойдем?

Они пошли к рубке, но дверь распахнулась, и на пороге появился сам Ермаков, бледный, взмокший от пота, с головой, туго перехваченной молочно-белым перевязочным эластиком.

— Все живы? — Он быстро оглядел товарищей.

— Все, — сказал Дауге.

— Поздравляю с благополучной посадкой!

Он подошел к каждому и крепко пожал руки.

— А что Богдан? — спросил Михаил Антонович.

— Спит.

— Гм...

— Свалился как убитый.

— Не мудрено, — усмехнулся Крутиков. — Три с половиной часа такой... такого... Я и сам еле держусь на ногах.

— Интересно, что с «Мальчиком»? Не сорвался? — спросил Быков.

— Сделаем вылазку? — как-то вяло предложил Юрковский.

— Нет. — Ермаков еще раз оглядел всех и повторил: — Нет. Ни в коем случае. Приведите себя в порядок и отдохните. О вылазке будем говорить часа через четыре, когда получим все данные внешней лаборатории. Включите ионизаторы, мойтесь — и спать!

— Хорошо бы поесть... — озабоченно сказал Михаил Антонович.

«И рюмку коньяку выпить», — подумал Быков.

— Это как вам угодно. Лично я — в ванну и в постель... Алексей Петрович, помогите проводить Богдана в его каюту, хорошо?

— Слушаюсь, Анатолий Борисович.

Нет, все было не так, как предполагал Быков. Гораздо проще и лучше. Когда через полчаса он, распаренный и еще более красный, чем обычно, заполз под простыни, ему снова вспомнился домик в Ашхабаде... Он счастливо улыбнулся и заснул.

Как всегда, его разбудил Дауге. Тощее лицо Иоганнча выглядело осунувшимся, черные глаза запали и лихорадочно блестели.

— Одевайся, Алексей. Натягивай спецкостюм и выходи в кают-компанию, — хрипло проговорил он. — Сейчас будет вылазка.

Вылазка! Острая мысль, что он находится на планете, погубившей столько замечательных смельчаков, мгновенно пронеслась в мозгу. Сейчас должно начаться главное, для чего они прибыли сюда...

Быков торопливо оделся, достал из ниши спецкостюм и облачился в него. Все уже собрались в кают-компании и стояли вокруг стола с откинутыми на спину спектролитовыми колпаками, молча поглядывая друг на друга. Глаза Ермакова были широко раскрыты и, кажется, светились, как у кошки. Михаил Антонович сосал пустую трубочку.

— Кофе? — ни к кому не обращаясь, спросил Быков.

— Думаю, потом, — нахмурясь, сказал Юрковский. — Нечего оттягивать, надо идти. Неслыханное дело: пять часов после посадки, а мы еще не открывали люков!

— Пойдемте, — просто пригласил Ермаков.

— Оружие? — Быков взглянул на командира.

Тот кивнул и, пригнувшись, вышел в коридорный отсек. За ним двинулись остальные. Быков, хватаясь за поручни, побежал вверх. Через минуту он присоединился к товарищам с автоматом на груди и двумя гранатами за поясом.

— Алексей-завоеватель! — пошутил Спицын.

Юрковский только поморщился.

Они столпились в кессонной камере перед наружным люком. Богдан наглухо завинтил за собой дверь.

— Надеть колпаки! — скомандовал Ермаков.

Теперь Быков не видел лиц товарищей, и это было неприятно. Застучал насос, запрыгала стрелка манометра. Ермаков взялся за рукоятку люка. Поползла в сторону тяжелая стальная полоса. Люк дрогнул, и... омерзительная жирная жижа желто-серого цвета с сочным хлюпаньем хлынула под ноги. Она была густая и вязкая, но текла свободно, и свет прожектора золотыми огоньками играл на ее поверхности. Это было так неожиданно, что в первые секунды никто даже не пошевелился. Затем Юрковский со сдавленным криком бросился вперед. Но Быков опередил его. Он ухватился за край люковой крышки и изо всех сил нажал на нее. Ноги скользили в грязи, он

упал на колени. Но уже подоспели Юрковский и Дауге, в их спины уперлись Богдан и Михаил Антонович. С мягким чавканьем крышка подалась, встала на место, и Ермаков торопливо нажал кнопку засова.

Все выпрямились. Под ногами растекалась мутная слякоть, от нее поднимался пар. Быков поднял автомат, провел по прикладу рукавом, заглянул в дуло. Затем тщательно очистил выпачканные колени.

— Насколько я понимаю, — раздался в наушниках голос Дауге, — это совсем не песок.

— Да, на пустыню мало похоже, — подтвердил Юрковский. — Это я заявляю, хоть и не специалист.

Ермаков, присев на корточки, рассматривал грязную лужу.

— Если оставить балагурство до более подходящего времени, — сказал он, — то я склонен предположить, что «Хиус» сел в болото.

— По уши, — согласился Юрковский. — Но где же пустыня?

— Жизнь наша полна неожиданностей, — вздохнул Крутиков.

— Вот удружил нам Штирнер со своими пеленгами!

— При чем здесь Штирнер?

— Если «Хиус» ушел в эту трясику целиком... — начал Богдан.

Юрковский нетерпеливо передернул плечами:

— Чего проще! Пройдем через верхний люк и посмотрим.

Они покинули кессон и, оставляя на линолеуме ржавые маслянистые следы, поднялись в узкий отсек грузового люка.

— Болото на Венере, вы подумайте! — бормотал Михаил Антонович. — Такой сюрприз!

Верхний люк открывали осторожно, готовые в любое мгновение захлопнуть его снова. Но ничего страшного не произошло. Раздалось тонкое шипение — это в отсек ворвалась наружная атмосфера, — и все стихло.

— Ура, — спокойно сказал Юрковский. — Все в порядке. Открывайте.

Крышка со звоном откинулась. Стоявший впереди Ермаков перегнулся через край. За его спиной, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, теснились Юрковский и

Михаил Антонович. Дауге, пролезший между ними, отпрянул с невнятным восклицанием.

— Н-да, — проговорил кто-то. — Оч-чень интересно...

Они ничего не увидели. «Хиус» окружала плотная стена зыбкого, совершенно непроницаемого желтоватого тумана. Внизу, в полутора метрах, тускло блестела поверхность трясины. В тишине слышались невнятные звуки, похожие не то на приглушенный кашель, не то на бульканье. Долго стояли межпланетники, всматриваясь в мутные, белесые волны испарений. Иногда им казалось, что впереди маячат какие-то тени, выступают какие-то уродливые серые формы, но наползали новые и новые слои тумана, и все исчезало.

— Достаточно, — сказал наконец Ермаков. — У меня уже в глазах темнеет. Придется пустить в дело инфракрасную технику. — Он выпрямился и заглянул вверх. — Ага, «Мальчик», кажется, на месте!

— Здорово мы увязли... — Спицын, лежа грудью на краю люка, обеспокоенно поворачивался то в одну, то в другую сторону. — Реакторные кольца погрузили в трясине до основания.

— Ничего, осмотримся немного и попробуем подняться.

— А если корпус провалится еще глубже?

Инфракрасная техника ничего не прояснила.

На экране клубились тени, почва одного и того же места то казалась зыбкой, то плотно утрамбованной, то рыхлой...

— Давайте выйдем, — предложил Юрковский. — Там будет видно, что делать.

Он приготовился прыгнуть. Быков схватил его за плечо.

— В чем дело? — несколько раздраженно осведомился геолог.

— Жизнь наша полна неожиданностей, — сказал Быков. — Я пойду первым.

— Почему это?

Быков молча показал автомат.

— Бросьте вы разыгрывать лорда Рокстона! — Юрковский оттолкнул руку Алексея Петровича.

— Быков прав, — сказал Ермаков. — Прошу вас, пропустите меня, Владимир Сергеевич.

— Я не понимаю...

— Пропустите меня и Быкова. Я через три минуты вернусь...

Все знали, что по положению командир не должен первым оставлять корабль при посадке в неизвестном месте. Но... понимали Ермакова. И Юровский молча шагнул в сторону. Быков быстрым движением поставил автомат на предохранитель и прыгнул вслед за Ермаковым. Ноги его по колено ушли в жидкое месиво.

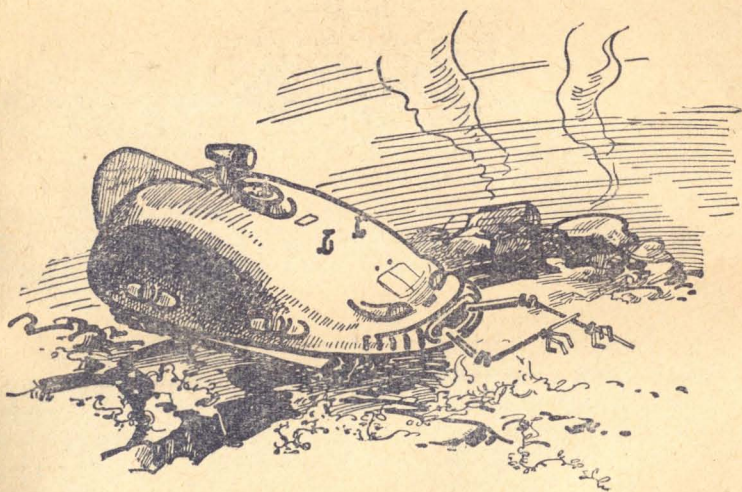
Конец второй части

Часть третья

НА БЕРЕГАХ УРАНОВОЙ ГОЛКОНДЫ

НА БОЛОТЕ

Болото на Венере... Это представлялось межпланетникам абсурдным. Более абсурдным, чем пальмовые рощи на Луне или стада коров на голых пиках астероидов. Белесый туман вместо огненного неба и жидкий ил вместо сухого, как пламя, песка. Это ломало давно и прочно установившееся мнение и являлось само по себе открытием перво-степенной важности. Но вместе с тем это невероятно усложняло положение, ибо было неожиданностью. А ведь ничто так не портит серьезное дело, как неожиданность. Даже отважный водитель гобийских вездеходов, мало осведомленный о теориях, господствовавших в науке о Венере; и потому не имевший об этой планете решительно никакого мнения, чувствовал себя изрядно обескураженным: то небольшое, что он увидел через раскрытый люк, совершенно не соответствовало роли проводника-специалиста по пустыням, к которой он готовился.

Что же касается остальных членов экипажа, то, поскольку их взгляд на вещи был, естественно, шире, неожиданность вызвала у них гораздо более серьезные опасения. Не то чтобы пилоты и геологи не были подготовлены к разного рода осложнениям и неудачам. Вовсе нет. Каждый знал, например, что при скоростях «Хиуса» место посадки могло оказаться на расстоянии многих тысяч километров от Голконды; «Хиус» мог сесть в горах, перевернуться, наконец разбиться о скалы. Но все это были предусмотренные осложнения и неудачи и потому

не страшные, даже если они грозили гибелью. «В большом деле всегда риск, — любил говорить Краюхин, — и тем, кто очень боится гибели, с нами не по дороге». Но болото на Венере!

При всей своей выдержке и огромном опыте межпланетники лишь с большим трудом скрывали друг от друга охватившее их беспокойство. Профессия приучила их быть сдержанными в подобных случаях. А между тем каждый из них понимал, что судьба экспедиции и их жизнь зависят теперь от целого ряда неизвестных пока обстоятельств. В сознании каждого стремительно, один за другим, возникали новые и новые вопросы. Далеко ли тянется болото? Что оно собой представляет? Пройдет ли по нему «Мальчик»? Не грозит ли «Хиусу» опасность погрузиться еще глубже или перевернуться и затонуть? Можно ли рискнуть вновь поднять планетолет и попытаться посадить его где-нибудь в другом месте?

Незадолго перед стартом Дауге сказал Краюхину: «Только бы благополучно сесть, а там мы пройдем хоть через ад». Все они знали, что, возможно, придется «пройти через ад», но кто мог предположить, что этот ад будет вот таким — мутным, булькающим, непонятным?..

Как уже было сказано, Быкова, по его неосведомленности, волновали соображения совсем другого порядка. За судьбу экспедиции он не беспокоился, ибо верил в чудесные возможности «Хиуса» и, главное, в своих товарищей, особенно в Ермакова, в голосе которого не чувствовалось и тени растерянности. Для Быкова неожиданность была только приключением. И он был весьма польщен, когда Ермаков встал на его сторону в маленьком споре с Юрковским у открытого люка.

С трудом вытаскивая ноги из вязкой жижи, Быков сделал несколько шагов за Ермаковым. Тот остановился, прислушиваясь. Плотная желтоватая полутьма окружала их. Они видели только небольшой участок жирно мерцающей трясины, но слышно было многое. Невидимое болото издавало странные звуки. Оно хрипло вздыхало, кашляло, отхаркивалось. Глухие стоны доносились издалека, басистый рев и протяжное высокое гудение. Вероятно, звуки эти производила сама трясина, но Быков подумал вдруг о фантастических тварях, которые могли скрывать-

ся в тумане, и торопливо ощупал за поясом гранаты. «Рассказать об этом друзьям по гобийской экспедиции, — подумал он, — так не поверят!» Неприятное чувство одиночества охватило его. Он оглянулся назад, на темную громаду «Хиуса», взял автомат наперевес и двинулся вперед, обгоняя Ермакова.

Тик... тик-тик... тик... — робко, едва слышно застучал счетчик дозиметра. «Немного, не больше тысячной рентгена», — успокоил он себя и тут же забыл об этом, ощутив под ногами что-то твердое. Он нагнулся, шаря впереди себя свободной рукой. Сквозь дымку испарений над ржавой маслянистой поверхностью выступили какие-то угловатые, облепленные илом глыбы.

— Как у вас дела, Алексей Петрович? — раздался голос Ермакова.

— Пока ничего... особенного, — отозвался Быков, — все в порядке. Очень топко. Под ногами не то камни, не то обломки...

Скользя и спотыкаясь, он полез через непонятные глыбы. Под ногами хлюпало, чмокало, чавкало...

— Сильно засасывает? — спросил Ермаков.

— Нет, — ответил Алексей Петрович и провалился по пояс.

«Не утонуть бы ненароком...» — мелькнула тревожная мысль. Но в эту минуту ствол автомата царапнул по твердому. Быков взгляделся с удивлением. Путь преграждала шершавая серая площадка с отсвечивающей на изломе глянцевитой кромкой.

— Анатолий Борисович! — позвал он.

— Да?

— Дальше болото асфальтировано.

— Не понял. Иду к вам.

— Я говорю, дальше болото покрыто асфальтом.

— Ты бредишь, Алексей? — донесся встревоженный голос Дауге. Он вместе с другими членами экипажа стоял у открытого люка и ловил каждое слово разведчиков.

— Правда, настоящий асфальт! Или вроде такыра в наших пустынях.

Быков закинул автомат за спину и уперся руками. Трясина с протяжным сосущим звуком выпустила его. Он стал на колени, отполз на четвереньках от края и встал.

...Тик... тик-тик... тик...

— Настоящий прочный асфальт, Анатолий Борисович. Стою!

— Может быть, это берег? — с тайной надеждой в голосе спросил, подходя, Ермаков.

— Не знаю... нет, не берег. Это как корка над болотом.

Ермаков нагнулся.

— Толщина, примерно, сантиметров тридцать — тридцать пять, — сказал он.

— Я знаю, что это такое, — вмешался вдруг Крутиков. — Ведь «Хиус» спускался на фотореакторе...

— О черт! — Было слышно, как Юрковский звонко шлепнул себя по шлему. — Ведь это же...

— Спекшийся ил, несомненно, — подтвердил Ермаков. — Фотореактор выжег из него воду, образовалась корка. А «Хиус» при посадке проломил ее.

— Похоже на это, — согласился Быков. Он шел вдоль кромки, с любопытством приглядываясь. — Широкая, как Красная площадь, ровная, танцевать можно. Но вся в трещинах.

— «Мальчик» пройдет? — осведомился Ермаков.

Быков ответил небрежно:

— «Мальчик» везде пройдет.

...Тик-тик... тик... тик-тик...

— Ну что же, товарищи... Я возвращаюсь. Думаю, экипажу можно высаживаться. Юрковский и Спицын, отправляйтесь к Быкову.

— Есть!

— «Вперед, покорители неба!» — насмешливо пропел Юрковский, вылезая из люка. — Эй, Богдан, поберегись!

— А я? — обиженно осведомился Дауге.

— Мы с вами займемся анализом образцов грунта и атмосферы и кое-что посмотрим.

— Хорошо, Анатолий Борисович.

— Михаил Антонович, — распорядился Ермаков, появившись в кессонном отсеке, — ступайте в рубку и попытайтесь прошупать окрестности локатором... Товарищ Быков, сейчас к вам подойдут Юрковский со Спицыным. Вы старший. Попробуйте дойти до внешнего края площадки. Дальше не ходить.

— Слушаюсь.

«Правильно, — подумал Быков. — Глупо ползать

вслепую по шею в этой трясине, когда у нас есть транспортер с инфракрасными проекторами. Правда, транспортер еще надо снять...»

Где-то неподалеку чертыхался вполголоса Юрковский. Приглушенный голос Богдана произнес:

— Правее, правее, Володя...

Через несколько минут слышались медленные чавкающие звуки, и из тумана выплыли две серые фигуры.

— Где ты тут, Алешка? Черт, ни зги не видно... Как, еще не сожрали тебя местные чудища?

— Бог миловал, — буркнул Быков, помогая обоим выбраться на «такыр».

Юрковский притопнул, пробуя прочность корки. Богдан, обтирая ладонью забрызганную илом лицевую часть шлема, сказал:

— Зря это, скажу я вам...

— Что?

— Зря ее называли Венерой.

— Кого? А-а... — Быков пожал плечами. — Дело, знаешь, не в названии.

Юрковский расхохотался.

Они неторопливо пошли, перепрыгивая через широкие трещины, в которых дымилась жидкая масса ила.

— Богдан! — понизив голос, проговорил Быков. — Ведь болото излучает... Слышишь?

...Тик... тик-тик-тик-тик...

— Слышу. Это чепуха. У нас очень чувствительные счетчики, Алеша.

— Все, что попадает под фотореактор, должно излучать, — наставительно изрек Юрковский. — Ясно даже и...

— Погодите-ка... — Богдан поднял руку.

Они остановились. Невнятные голоса Ермакова и Дауге стали едва слышны в шорохах и потрескивании нашинков.

— Насколько мы отошли от «Хиуса», как вы думаете? — спросил Спицын.

— Метров на семьдесят — восемьдесят, — быстро ответил Быков.

— Так. Значит, наших радиотелефонов хватает только на это расстояние.

— Маловато, — заметил Юрковский. — Ионизация, вероятно?

— Да...

...Тик... тик-тик... тик... тик...

Они пошли дальше. Рев, бульканье, завывание становились все слышнее. Где-то впереди справа раздался громкий храп.

— Чу! Слышу пушек гром... — пробормотал Юровский.

— Вот она!

Внешняя кромка огромной лепешки, выжженной на поверхности трясины пламенем фотореактора, была закруглена и полого уходила в жижу. И сразу за ней из тумана выступили бледно-серые причудливые силуэты странных растений. До них было рукой подать — не больше десяти шагов, но белесые волны испарений непрерывно меняли и искажали их облик, открывая одни и окутывая непроницаемой мглой другие детали, и разглядеть их как следует не было никакой возможности.

— Венерианский лес, — прошептал Юровский с таким странным выражением, что Быков недоверчиво покопился на него.

— Да... венерианский. По-моему, пакость, — кашлянув, сказал Богдан.

— Молчи, Богдан! Ты говоришь ерунду... Ведь это жизнь! Новые формы жизни! И мы — мы! — открыли их...

— Вот, кажется, еще одна новая форма жизни, — пробормотал Быков, с беспокойством вглядываясь в большое темное пятно, внезапно появившееся у края корки недалеко от них.

— Где? — живо повернулся Юровский.

Пятно пропало.

— Мне показалось... — начал Быков, но низкий, глухой рев прервал его. — Вот, слышите?

— Это где-то здесь, рядом... — Спицын ткнул рукой вправо.

— Да-да, неподалеку. Значит, я действительно видел...

Быков потихоньку потянул из-за пояса гранату, тревожно поглядывая по сторонам.

— Большое? — спросил Спицын.

— Большое...

Снова раздался рев, теперь уже совсем близко. Ни одно земное животное не могло издавать такие звуки —

Быков помог обоим выбраться на «такыр».

механические, похожие на вой паровой сирены, и вместе с тем полные угрозы.

Быков вздрогнул.

— Ревет... — тихонько сказал он.

— Да... Пойдем посмотрим? — хриплым голосом предложил Юрковский. — Эх, то ли дело на Марсе! До чего щедрая и приличная планета! Санаторий!

...Тик... тик-тик... тик-тик...

— Нет, идти не следует, — сказал Спицын. — Лихачество...

Быков промолчал.

— Бойтесь? Тогда я один... — Юрковский решительно шагнул вперед.

Все произошло очень быстро. Быков повернулся к Спицыну, и в этот момент что-то тяжело рухнуло на площадку, словно сбросили на асфальт тюк мокрого белья. Округлая темная масса величиной с упитанную корову надвинулась на людей из тумана. Юрковский отшатнулся и со сдавленным криком сорвался в болото. Спицын попятился. Секунду Быкову казалось, что вокруг воцарилась мертвая тишина. Затем робкое «тик-тик» дозиметра вошло в сознание, и он опомнился.

— Ложись! — заорал он.

Спицын, упав ничком, увидел, как Быков прыгнул назад и взмахнул правой рукой — раз и еще раз. Два тупых гулких удара оглушили его. Туман коротко озарился двумя оранжевыми вспышками, и дважды возникло и мгновенно исчезло в сумраке блестящее влажное тело — громадный кожаный мешок, изрытый глубокими складками. С визгом пронеслись осколки. Затем все стихло.

— *Finita la comedia*, — машинально пробормотал Спицын, с трудом поднимаясь на ноги.

— Где Юрковский? — задыхаясь, крикнул Быков.

— Здесь... Дайте руку...

Они втащили на «асфальт» Юрковского, вымазанного с головы до ног. «Пижон», не говоря ни слова, кинулся к тому месту, где три минуты назад находилось чудовище.

— Ничего, — разочарованно сказал он.

Действительно, чудовище исчезло.

— Но ведь оно было? — Юрковский ходил вдоль края площадки, останавливался, нагибался, упираясь руками

в колени, всматривался в неясные очертания спутанных стеблей и стволов за пеленой испарений.

— Было...

— Он... оно ушло.

— Словно растворилось, — задумчиво сказал Спицын.

— Может быть, вы не попали? — наивно спросил Юрковский, останавливаясь перед Быковым, который озабоченно осматривал автомат.

Быков презрительно фыркнул.

— Ну ладно, ушел он, и слава аллаху, — сказал Спицын. — Интересно, что ему от нас было нужно? Хотел победать?

— Ер-рунда! — с чувством произнес Юрковский. — Удивительная ерунда. И откуда только идет это дурацкое представление о чудищах-людоедах с других планет! Ну, я понимаю — романисты и сценаристы, но ты, ты ведь старый межпланетник, Богдан!..

Обратно шли молча. Голосов Ермакова и Дауге не было слышно: вероятно, они уже вернулись во внутренние помещения «Хиуса». Перед тем как вновь ступить в дымящийся ил, Юрковский сказал задумчиво:

— Как бы то ни было, а живность на Венере есть. Оч-чень интересно! Только... вы уверены, Алексей Петрович, что не промахнулись?

Это было уж слишком. Быков яростно засопел и поспешил вперед.

...Тик... тик-тик-тик... тик-тик...

Быков задержался за чисткой оружия и, войдя в кают-компанию, застал спор в самом разгаре. Юрковский и Дауге, разделенные столом, кричали друг на друга, азартно выпятив подбородки, а Крутиков и Богдан Спицын слушали их с ироническим видом, время от времени вставляя язвительные реплики. Ермакова в каюте не было.

— Тогда чем ты это объяснишь? — упорно, по-видимому не в первый раз, спрашивал Дауге.

— Я тебе уже...

— Это мне известно. Я хочу знать: почему, в таком случае, оно кинулось на вас?

— Да кто тебе сказал, что оно кинулось на нас?

— Богдан сказал. Ты сам подтвердил.

— Ничего подобного. Оно просто наткнулось на нас. Мало того: я уверен, что, пока бравый Алексей Петрович не вlepил в него свои бомбы, оно и не подозревало о нашем существовании!

— Я лично, — сказал Богдан Спицын, — в подобных случаях склонен все-таки предполагать самое худшее и очень благодарен Алексею Петровичу.

— А я, — сказал Быков, глядя на Юрковского исподлобья, — не имел права поступить иначе. И впредь буду так поступать, прошу заметить!

Юрковский пренебрежительно скривил губы.

— Мы отвлеклись от сути дела, — обратился он к Дауге. — Итак...

— Итак, — подхватил Спицын, — ты, Владимир, утверждаешь, что существа разных миров, разных планет, не могут испытывать слюнотечения при виде друг друга. Разная организация, разная эволюция и все такое. Так?

— Примитивно, но так, — согласился Юрковский.

— Не знаю... может быть, ты и прав, только... Помнишь Валью Безухову из группы обслуживания? Ты должен хорошо помнить ее. У нее была собака... так себе, помесь таксы с бульдогом, поразительно глупый пес. Когда Воронов привез с Калисто белую ящерицу, этот гибрид — я имею в виду пса — забрался в питомник и в два счета отъел у ящерицы лапы — никто и ахнуть не успел. Правда, потом, дурак, невыносимо страдал животом целую неделю...

— Вот видишь... — неуверенно сказал Юрковский.

Крутиков и Быков расхохотались.

— Так печально закончилась встреча существ разных миров, — серьезно заключил Спицын: — собаки с планеты Земли и ящерицы со спутника Юпитера.

— Да ведь и ежу ясно... — Юрковский подумал и махнул рукой. — Пещерные люди!

Вошел Ермаков — как всегда, спокойный, только немного более бледный, чем обычно. Он присел к столу, раскрыл блокнот в кожаном переплете и склонил над ним забинтованную голову. Все замолчали, глядя на него. Быков уселся поудобнее и приготовился слушать.

— Прошу внимания, товарищи, — сказал Ермаков. — Надо обсудить план дальнейших действий.

Стало тихо, слышно было, как пощелкивает холодильник.

— Я не имею еще информации от группы Быкова... — Ермаков захлопнул блокнот и откинулся на спинку кресла. — Алексей Петрович, доложите результаты разведки.

Быков поднялся.

— Болото, — начал он, — очень топкое болото. В десяти шагах от «Хиуса»...

Он рассказывал медленно, стараясь не пропустить ни одной подробности, и с огорчением думал, что за такой доклад начальник геологического управления назвал бы его размазней. Но Ермаков слушал внимательно, одобрительно кивал, делал какие-то пометки в блокноте. Быкова несколько удивило то, что командир, слушая о появлении неизвестного животного, не проявил никакого любопытства и только улыбнулся, когда Юрковский нетерпеливо заерзал, протестуя, видимо, против слишком натуралистического описания его, Юрковского, поведения во время схватки с венерианской гадиной.

— Вот и все, — вздохнул Быков.

— Значит, вверх ногами... — повторил Ермаков. — Спасибо, товарищ Быков. Садитесь.

Дауге подмигнул ему и кивнул в сторону насупившегося «пижона». Быков сделал каменное лицо и отвернулся.

— Ну что ж... — Ермаков поднялся, потрогал повязку, поморщился. — Резюмируем все, что нам известно. «Хиус» совершенно неожиданно для всех нас сел в болото. По моим расчетам, мы находимся не более чем в ста километрах к югу от Голконды. Не более чем в ста... Расстояние, как видите, не велико. При других обстоятельствах нам хватило бы суток, чтобы покрыть это расстояние. Но...

— Вот именно, — прошептал Спицын.

— ...мы сидим на болоте. Мало того, по данным радиолокации — не очень надежным, правда, — болото окружено горным хребтом, заключено в кольцо скал, и в этом кольце не удалось нащупать никаких признаков просвета.

— Вулкан? — спросил Дауге.

— Возможно, мы находимся в кратере исполинского грязевого вулкана. И престранный это вулкан, должно быть, потому что анализ илистой воды показывает... — Ермаков раскрыл блокнот: — Вот, извольте. Смесь примерно в равной пропорции тяжелой и сверхтяжелой воды.

Юрковский подскочил на месте:

— Тритиевая вода?

— T_2O , — кивнул Ермаков.

— Но...

— Да. Период полураспада трития всего около двенадцати лет. Значит...

— Значит, — подхватил Дауге, — либо наш вулкан образовался очень недавно, либо существует какой-то естественный источник, пополняющий убыль трития...

Каким должен быть естественный источник сверхтяжелого водорода — изотопа, который на Земле производится в специально оборудованных реакторах, — Быков не мог себе представить. Но он молчал и продолжал слушать.

— И это еще не все, — сказал Ермаков. — Кратер — если это кратер — представляет собой бездонную пропасть. Во всяком случае, наши эхолоты оказались бесильны.

— Каков диаметр кратера? — быстро спросил Юрковский.

— Кратер, очевидно, почти круглый, диаметр его около пятидесяти километров. «Хиус» находится ближе к его северо-восточному краю: с этой стороны от нас до хребта всего восемь километров. Таково положение, товарищи.

Юрковский встал, пригладил волосы:

— Короче говоря, под нами сотни метров трясины. От цели нас отделяют сто километров, из которых десять километров болота, и скалистая гряда. Правильно?

— Таково положение, — кивнул Ермаков.

— Болото наполовину состоит из тритиевой воды. Позволю себе напомнить, что тритий распадается с испусканием нейтронов, а нейтронное облучение — длительное нейтронное облучение я имею в виду — это вовсе не мед, даже при наличии спецкостюмов.

— Совершенно верно.

— Но... Быков заверяет нас, что «Мальчик» пройдет через болото. А через скалы?

— «Мальчик» пройдет везде, — упрямо повторил Быков. — В крайнем случае скалы буду рвать.

— Гм... И все же я предпочитаю, чтобы мы, отправляясь на «Мальчике», оставили «Хиус» в более безопасном положении. Учтите...

Юрковский сел.

— Не думаю, чтобы пришлось рвать скалы, — начал Дауге, — хребет не может быть сплошным. Просто нам придется поискать проход, и мы его найдем.

— И еще прошу иметь в виду, — сказал Спицын, — что «Хиус» не приспособлен к горизонтальному полету. Очень легко ошибиться и промахнуться на несколько тысяч километров. Мы все знаем, чем могут оказаться атмосферные потоки на этой милой планете. И в конце концов лучше сидеть в болоте, чем лежать на скалах...

Юрковский пожал плечами.

— Насколько я понимаю, — заговорил молчавший до сих пор Крутиков, — речь идет о том, в чем больше риска: в том ли, чтобы оставить все, как есть, или в попытке убраться с болота. Так ведь?

— Ваше мнение? — спросил Ермаков.

— Если Алеша... то есть Алексей Петрович ручается за «Мальчика» и если геологи ручаются за «Хиус», следует оставить все, как есть.

— Что значит «ручаются за «Хиус»? — спросил Юрковский.

— То есть докажут, что «Хиус» не провалится в эту самую пропасть и не перевернется. — И штурман сунул в рот пустую трубочку.

Ермаков встал.

— Значит, «Хиус» останется здесь, — твердо сказал он. — Мы с Дауге провели необходимые измерения, и мне представляется, что планетолет стоит достаточно прочно. Во всяком случае, пользуясь выражением Михаила Антоновича, риск провалиться в трясину не больше риска упасть на скалы при попытке переменить место. Итак, «Хиус» остается здесь.

Быков покосился на Юрковского. Тот и бровью не повел.

— Дальше. «Хиус» нельзя оставлять без присмотра. Поэтому с «Мальчиком» пойдут пять человек. Один из пилотов останется.

Спицын вздрогнул и обеспокоенно взглянул на Ермакова. Крутиков вынул трубочку из рта.

— Постоянным дежурным по «Хиусу» я оставляю Крутикова. Возражений нет? Я имею в виду существенные возражения...

По широкому, добродушному лицу штурмана было видно, что у него *есть* возражения — правда, к сожалению, *не существенные*.

— Отлично. Не будем терять время, товарищи. Нам нужно будет тронуться в течение ближайших двадцати четырех часов. Правда, сейчас по венерианскому времени вечер, и старт придется на ночное время, но я не думаю, чтобы темнота помешала нам больше, чем мешает сейчас туман. Давайте закусим...

— ...чем бог послал, — вздохнул Крутиков.

— ...и возьмемся за «Мальчика». Вопросы есть?

Совещание окончилось. Быков заметил, что все наперебой старались выразить свое сочувствие Михаилу Антоновичу, у которого был действительно очень несчастный вид. Юрковский собственноручно налил ему какао, Дауге то и дело обирал с него невидимые пушинки, Спицын открыл для него банку обезжиренной колбасы.

— Кстати, — сказал Юрковский, воткнув вилку в холодную вареную курицу, — очень удачно, что от купола «Хиуса» до поверхности болота всего несколько метров. Нам не придется возиться с блочной системой, в которой я, откровенно говоря, так ни черта и не понял.

— Пустяки, — заявил Дауге, — это вовсе не так уж сложно, и тебе еще представится случай разобраться в ней, Владимир, когда мы будем затаскивать «Мальчика» обратно. А сейчас, разумеется, наше счастье... Как, Алексей?

— В два счета, — промямлил Быков с набитым ртом.

Действительно, «Мальчик» был спущен «в два счета». Переднюю стенку контейнера сняли, и Быков очень важно попросил товарищей вернуться в кессонную камеру.

— Так будет... кхм... безопаснее, — уклончиво и неопределенно сказал он.

Удивленно пересмеиваясь, межпланетники повинова-

лись. Быков задраил люки вездехода, сел перед пультом и положил пальцы на клавиши. «Мальчик» заворчал, тихонько лязгнул гусеницами. «А теперь... — подумал Быков, — теперь мы удивим их». Оглушительно взвыл двигатель, и «Мальчик» прыгнул. Межпланетники увидели, как широкая темная масса с гулом и металлическим лязгом мелькнула и окунулась в туман. «Хиус» качнулся, словно лодка на волнах. Болото дрогнуло от тяжелого удара. Скрежеща гусеницами по обломкам «асфальтовой» корки, транспортер выкарабкался из трясины, с неожиданной легкостью не то поплыл, не то покатился, разбрасывая вокруг себя фонтаны ила, описал короткий круг и замер под выходным люком звездолета. Яркий белый свет прожектора озарил клубящиеся облака испарений.

— Мастер! — пробормотал Юрковский.

Крутиков восторженно захлопал в ладоши. Длинная нескладная фигура серым привидением выросла перед люком, прижала руки к бокам, и деревянный голос проскрипел в наушниках:

— Товарищ командир, «Мальчик» приведен в походную готовность.

Если можно говорить о спортсменстве в профессии, то Быков всегда был немного спортсменом. Во всяком случае, его прыжки на гусеничных вездеходах без разбега ставили его в первые ряды виртуозов-водителей. Он знал это, гордился этим. Мысль «удивить» товарищей пришла ему в голову внезапно, когда он возился у передней стенки контейнера. Он еще не знал, как отнесется к этому акробатическому номеру командир, и это слегка беспокоило. Но Ермаков только пожал ему руку.

— Все же, Алексей Петрович, вам следовало предупредить нас.

— Это невозможно, — засмеялся Спицын. — Настоящий мастер всегда немного фокусник. Должен же он получить какое-то удовольствие от своего мастерства!

Началась загрузка багажников «Мальчика». Межпланетники работали несколько часов подряд, перетаскивая ящики с продовольствием и снаряжением и нейлоновые бурдюки с подкисленной витаминизированной водой из камер-хранилищ к кессону и из кессона в люки транспортера. Над болотом спустилась ночь, непроницаемая

тьма окутала все вокруг. Из черного тумана доносились глухие жуткие звуки. И едва слышно, но непрерывно и настойчиво отстукивали счетчики дозиметров: тик... тик-тик... тик...

Наконец все было закончено. Быков и Ермаков в последний раз осмотрели транспортер от перископов до гусениц, покопались в машинном отсеке, опробовали прочность креплений грузов, заполнивших почти все свободное пространство в пассажирском отделении, и выбрались наружу. Все уже ждали их, и влажная силикатовая ткань костюмов отсвечивала в луче прожектора.

Быков плотно задраил люки. Ермаков приказал:

— Сейчас всем спать! Через четверть часа проверю.

Межпланетники, усталые, но довольные, перебрасываясь шутками, поднялись на «Хиус».

Но спать не пришлось. Когда они, сняв спецкостюмы, направились в кают-компанию, чтобы наскоро поужинать, спешивший впереди Крутиков вдруг поскользнулся и с размаху сел на пол.

— Вот злонравия достойные плоды! — провозгласил Юрковский.

— Черт! — Толстый штурман вскочил на ноги и понюхал ладонь. — Какой... кто разлил здесь эту гадость?

— Какую гадость?

— Погодите, товарищи... — встревоженно сказал Ермаков. — Что это такое, действительно?

Пол в кают-компании был покрыт тонкой пленкой красноватой прозрачной слизи. И только теперь Быков ощутил резкий, неприятный запах, похожий на смрад от гниющих фруктов. В горле у него запершило. Юрковский шумно потянул носом, фыркнул и чихнул.

— Откуда эта вонища? — проговорил он, оглядываясь.

Ермаков нагнулся и осторожно взял немного слизи на палец в перчатке. Межпланетники недоуменно переглянулись.

— Что, собственно, случилось? — спросил Дауге нетерпеливо.

— Вот, смотрите! — Крутиков указал на буфет. — И там тоже! И там!

Из-под неплотно прикрытой дверцы буфета свешивались фестоны каких-то рыжих нитей. Большое рыжее

пятно виднелось в углу возле холодильника. Забытая на столе тарелка была наполнена ржавой мохнатой паутиной.

— Плесень, что ли?

Ермаков, гадливо вытирая палец носовым платком, покачал головой.

— Об этом мы забыли... — пробормотал он.

— А! — Юрковский взял со стола тарелку, наклонил ее и с отвращением поставил. — Я понимаю.

Он подошел к буфету, затем склонился над пятном у холодильника. Быков с испугом и удивлением следил за ним.

— Что случилось? — снова спросил Дауге.

— Вам же сказано, — ответил Юрковский: — Мы потеряли бдительность. Мы впустили противника в свою крепость.

— Какого противника?

— Плесень... грибки... — будто про себя, проговорил Ермаков. — Мы занесли в «Хиус» споры венерианской фауны, и вот результат... Как я мог забыть об этом? — Он сильно потер ладонями лицо. — Вот что, товарищи. Отставить сон и ужин. Необходимо осмотреть плането-лет и тщательно продезинфицировать все помещения ультразвуком. Пока будем надеяться, что ничего опасного нет... но на всякий случай приказываю всем немедленно принять душ и обтереться спиртом.

— Может быть, после? — спросил Юрковский.

— После тоже. Но и сейчас обязательно. За работу, за работу!

Ошеломленные этой новой неожиданностью, встревоженные незнакомыми нотками в голосе командира, межпланетники принялись за осмотр. Кожаная обивка в некоторых каютах оказалась покрытой белесыми пузырьками величиной с булавочную головку. Полимеровая обивка не пострадала. Предметы, содержащие влагу, поросли нитевидной плесенью. На шерстяных ковриках в душевой, на полотенцах, на простынях образовались пушистые холмики ржавой паутины. Крутиков с ужасом обнаружил, что все неконсервированные продукты в буфете, в том числе облюбованный им кусочек ветчины, превратились в безобразные коричневые комья, издающие резкий, отвратительный запах. Это было настоящим

бедствием, и пришлось пройти ультразвуковыми насадками по всем закоулкам.

— Видимо, легкая вода для местной микрофауны гораздо более благоприятна, чем тяжелая, — заметил Юрковский.

— Да... к сожалению... — ответил сухо Ермаков.

Быков на всякий случай окропил дезинфицирующей жидкостью все автоматы и гранаты и спустился, чтобы помочь Дауге, перебиравшему полиэтиленовые пакетики с «вечным» хлебом. Хлеб не пострадал.

— Ты не знаешь, почему Ермаков так встревожился? — спросил он.

— Не знаю. То есть, конечно, гораздо спокойнее было бы без этой пакости... Одно можно сказать: Ермаков не такой человек, чтобы волноваться по пустякам.

Это Быков понимал и сам. Впрочем, Ермаков удовлетворил его любопытство. Когда через три часа усталые до последней степени члены экипажа «Хиуса» сошлись наконец в кают-компании, чтобы поужинать «чем бог послал», как выразился с горьким сарказмом Крутиков (мясной бульон и шоколад), командир сказал, ни на кого не глядя:

— Пять лет назад экипаж американского звездолета «Астра-12», высадившийся на Калисто, погиб от неизвестной болезни, продолжавшейся пятнадцать часов. Думаю, с нами ничего подобного не случится. Имею все основания так думать. Но... будьте осторожны. При малейшем недомогании немедленно сообщайте мне.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу, и добавил:

— После ужина всем мыться, обтираться и спать. В вашем распоряжении семь часов сна. Вас, товарищ Крутиков, прошу зайти ко мне.

— Я бы сейчас с наслаждением выпил стаканчик коньяку, — шепнул Быков.

Иоганыч коротко вздохнул.

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Справа и слева медленно ползут отвесные черные скалы, гладкие, блестящие, как антрацит. Впереди все тонет в красноватом сумраке — кажется, что стены бесконечно-

го коридора смыкаются там. Дно расселины, изрытое и перекошенное, покрыто толстым слоем темной тяжелой пыли. Пыль поднимается за транспортером и быстро оседает, хороня под собой следы гусениц. А наверху тянется узкая иззубренная полоса оранжево-красного неба, и по ней с бешеной скоростью скользят пятнистые багровые тучи. Странно и жутковато в этом прямом и узком, как разрез ножом, проходе в черных базальтовых скалах. Вероятно, по такой же дороге вел когда-то Вергилий в ад автора «Божественной комедии». Гладкость стен наводит на мысль об удивительной... может быть, даже разумной точности сил, создавших ее. Это еще одна загадка Вены, слишком сложная, чтобы решать ее мимоходом.

Впрочем, Дауге и Юрковский не упустили, конечно, случая построить на этот счет несколько гипотез. Раскачиваясь и подпрыгивая от толчков, стучаясь головами об обивку низкого потолка, они разглагольствовали о синклиналях и эпейрогенезе, обвиняли друг друга в незнании элементарных истин и то и дело обращались за поддержкой к Ермакову и Богдану Спицыну. В конце концов командир надел шлем и отключил наушники, а Богдан в ответ на чисто риторический вопрос о том, каково его мнение относительно возможности метаморфизма верхних пород под воздействием гранитных внедрений на Венере, серьезно сказал:

— По-моему, рецессивная аллель влияет на фенотип, только когда генотип гомозеготен...

Ответ этот вызвал негодование споривших, но прекратил спор. Быков, понимая в тектонике столько же, сколько в формальной генетике, прекращению спора обрадовался: маловразумительная скороговорка геологов почему-то представлялась ему неуместной перед лицом окутанного красно-черными сумерками дикого и сурового мира, царившего по ту сторону смотрового люка.

Вчера, когда покрытый липкой грязью, волоча за собой длинные плети белесых болотных растений, транспортер вырвался наконец из трясины и тумана на каменное подножие черного хребта, пришлось долго колесить взад и вперед в поисках чего-нибудь похожего на проход. Скалы, густо заросшие бурым, твердым, как железо, плющом, казались безнадежно неприступными. Тогда Ермакову пришлось в голову использовать для поисков

радиолокатор, и искомое было найдено в несколько минут — эта самая расселина, скрытая за буйными зарослями голых ветвей с полуметровыми шипами. С ревом и скрежетом транспортер вломился в эти железные джунгли и, помогая себе растопыренными опорными «ногами», ломая и подминая упругие стволы, ввалился в проход. Выйдя наружу, межпланетники молча глядели на стены, на кровавую полосу неба. Потом Дауге сказал:

— А ведь земля под ногами... дрожит.

Быков не ощущал ничего, но Ермаков отозвался тихо:

— Это Голконда... — и, обернувшись к Быкову, спросил: — Пройдем?

— Рискнем, Анатолий Борисович, — бодро ответил Алексей Петрович. — А если встретим завал или тупик, вернемся и еще поищем, только и всего. Или взорвем...

«Мальчик» двинулся дальше. Часы тянулись за часами, километры за километрами, ничего похожего на тупик или завал не появлялось, и Алексей Петрович успокоился.

Ровно гудит двигатель, поскрипывают и трещат ящики и упаковочные ремни. Все уснули, даже неугомонный Юрковский. В зеркале над экраном инфракрасного проектора Быков видит внутренность кабины. Спит Богдан, уронив голову на крышку рации. Спит, лежа ничком на тюках, Юрковский. Спит, прислонившись к нему, Иоганыч и морщит во сне свое хорошее лукавое лицо. Рядом кивает серебристым шлемом Ермаков. А мимо смотрового люка, покачиваясь и кренясь, ползут черные блестящие стены — справа стена и слева стена. Свет фар пляшет по изрытой поверхности неподвижных дюн черного праха. Дальше — сумерки, тьма. Где-то там стены раздвинутся, и «Мальчик» выйдет в пустыню. Если впереди нет тупика.

...Кренятся и опрокидываются черные стены, в смотровой люк заглядывает раскаленное небо. Транспортер выбирается из глубокой рывины, и снова пятна света плывут по волнам черной слежавшейся пыли. Еще ухаб, еще трещина, и еще...

Пройдено двадцать километров по болоту и почти столько же по ущелью. Быков уже пять часов за пультом управления. Одеревенели ноги, ноет затылок, от напряжения или от непривычного сочетания красного с черным

слезятся глаза. Но доверить транспортер на такой дороге кому-нибудь, даже командиру, нельзя. С транспортером, конечно, ничего не случится, но скорость... Сам Быков не может позволить себе роскошь дать больше шести — восьми километров в час. Хоть бы скорее кончились эти проклятые скалы!

Ермаков выпрямился и откинул шлем на затылок.

— Как дорога, Алексей Петрович?

— Без изменений.

— Устали?

Быков пожал плечами.

— Может быть, передадите мне управление и поспите?

— Дорога очень сложная.

— Да, дорога скверная. Ничего, скоро выйдем в пустыню.

— Хорошо бы...

Юрковский поднялся и сел, потирая ладонями лицо:

— Ух, славно поспал! Дауге!

— М-м...

— Вставай.

— Что случилось? Фу... А мне, друзья, такой сон снился!..

Иоганых хриплым голосом принялся рассказывать свой сон, но Быков не слушал его. Что-то случилось снаружи, за прочным панцирем «Мальчика». Стало значительно темнее. Небо приняло грязно-коричневый оттенок, и вдруг в лучах фар закружились, оседая на дно расселины, мириады черных точек. Черный порошок сыпался откуда-то сверху, густо, как снег в хороший снегопад, и скоро не стало видно ни дороги, ни скал. Сигнальные лампочки от наружных дозиметров налились малиновым светом, стрелки на циферблатах альфа-бета-радиометра беспокойно запрыгали. Быков круто затормозил. Транспортер скользнул правой гусеницей в рытвину, развернулся и встал поперек расселины. Тусклый от наполнившей атмосферу пыли свет фар уперся в гладкую базальтовую поверхность.

— В чем дело? — спросил Ермаков.

Быков молча открыл перед ним смотровой люк.

Ермаков помолчал минуту, вглядываясь, затем сказал:

— Черная буря. Я уже видел это.
— Что там такое? — встревоженно спросил Дауге.
Спицын проворчал, глядя через плечо Быкова.
— Карнавал трубочистов.
— Что это, Анатолий Борисович?
— Черная буря. Еще одно свидетельство того, что мы недалеко от Голконды. Выключайте двигатель, Алексей Петрович.

Водитель повиновался, но «Мальчик» продолжал дрожать мелкой неприятной дрожью. Дробно позвякивал какой-то неплотно закрепленный металлический предмет.

— Выйдем? — предложил Юрковский.

— Зачем? Пыль радиоактивна, разве вы не видите? Поглом придется тратить много времени на дезактивацию.

— Хорошо бы взять пробу этой пакости...

— Можно взять манипуляторами, — предложил Быков. — Разрешите, Анатолий Борисович? — Он повернулся к Дауге: — Выбрасывай контейнер.

Юрковский и Дауге скрылись в кессонной камере, ведущей к верхнему люку, и через минуту в черную пыль перед «Мальчиком» скатился свинцовый цилиндр с винтовой крышкой. Быков положил ладони на рычаги манипуляторов. Длинные коленчатые «руки» выдвинулись из под днища транспортера, медленно, словно с опаской пошарили в воздухе и опустились на цилиндр. Быков нелепо задрал правое плечо, резко дернул локтями. Клешни манипуляторов вцепились в контейнер.

— Ну-ка! — сказал весело Спицын.

— Не говори под руку, — процедил сквозь зубы Быков.

Цепкие клешни отвинтили крышку, подержали открытый контейнер под черным снегопадом, снова закрыли крышку и точным движением отправили контейнер в верхний люк.

— Есть! — крикнул из кессона Дауге.

Быков втянул манипуляторы в гнезда и вытер пот со лба.

Ермаков сказал тихо:

— Мне приходилось два раза наблюдать черный буран. Каждый раз перед этим были сильные подземные толчки.

— Но ведь сейчас, по-моему, никаких толчков не было, — заметил Быков.

— На ходу мы могли не заметить.

— А земля дрожит все сильнее... — Спицын прислушался. — В устье ущелья тряска была едва заметна, а теперь...

— Ближе к Голконде...

Юрковский и Дауге вернулись из кессона, оживленно обмениваясь впечатлениями, и Ермаков приказал двигаться дальше. Быков включил инфракрасный проектор. Снова поплыли, покачиваясь, стены расселины. Через полчаса «черный снегопад» прекратился, и полоса неба приобрела прежнюю оранжево-красную окраску. Напряженно манипулируя клавишами управления, Быков краем уха прислушивался к разнообразию голосов у себя за спиной.

Из весьма оживленного разговора Юрковского с Дауге выяснилось, во-первых, что «черный снег» является, несомненно, вулканическим пеплом; во-вторых, что серьезно говорить о радиоактивном вулканическом пепле может только человек, «не способный взять криволинейного интеграла по простому контуру» (подобная характеристика научного бессилия показалась Быкову несколько туманной, но было ясно, что во всяком случае оба геолога не могут серьезно говорить о радиоактивном вулканическом пепле); в-третьих, что появление «черных буранов», вероятно, связано с деятельностью Голконды; и в-четвертых, что ничего определенного на этот счет сказать пока нельзя.

Несмотря на неопределенность положения, межпланетники весело позавтракали. Быков замедлил ход, наскоро проглотил два куска ветчины с хлебом и выпил целый термос шоколада. После трапезы Ермаков, Дауге и Юрковский сняли показания экспресс-лаборатории. С удалением от болота влажность атмосферы резко понизилась, упала почти до нуля. Увеличилось содержание в атмосфере радиоактивных изотопов инертных газов, окиси углерода и кислорода, температура колебалась в пределах семидесяти пяти — ста градусов. Ко всеобщему изумлению и к восторгу Юрковского, экспресс-лаборатория показала в атмосфере заметные следы живой протоплазмы — какие-то микроорганизмы, бактерии или виру-

сы, жили даже в этом сухом, раскаленном воздухе. Непосредственным результатом открытия явился приказ Ермакова удвоить осторожность при выходах из транспортера и обещание при первом удобном случае сделать всему экипажу инъекции комплекса мощных антибиотиков.

Дауге повздыхал немного и объявил, что надеется дожить до того времени, когда Венеру превратят в цветущий сад и в этом саду можно будет гулять без спецкостюмов и без опасения подцепить какую-нибудь пако-стную болезнь.

— Вообще назначение человека, — добавил он подумав, — превращать любое место, куда ступит его нога, в цветущий сад. И если мы не доживем до садов на Венере, то уж наши дети доживут обязательно.

Затем последовал его долгий спор с Юрковским относительно возможностей преобразования природы — и в первую очередь атмосферы и климата — в масштабах целой планеты. И Дауге и Юрковский соглашались, что в принципе ничего невозможного в этом нет, но относительно практических методов разошлись весьма далеко и чуть было не поссорились.

Ущелье окончилось внезапно. Скалы-стены вдруг опали и расступились, свет фар померк в красноватом сиянии открытого неба. Быков увеличил скорость. «Мальчик» накренился, нырнул в последнюю рытвину, прогрохотал гусеницами по камням, и бескрайняя черная равнина, ровная и гладкая, открылась глазам межпланетников.

— Пустыня! — обрадованно сообщил Быков.

— Останови, Алексей! — дрожащим от волнения голосом попросил Дауге.

«Мальчик» остановился. Торопливо пристегивая шлемы, межпланетники бросились к люкам. Быков вышел последним.

Да, горы кончились. Гряда зубчатых черных скал, уходящая за горизонт, осталась позади. Позади остался и узкий, поразительно ровный проход. Но то, что вначале показалось пустыней, снова было неожиданностью. Во всяком случае, для Спицына, никогда не видевшего пустынь. Он не мог себе представить пустыню без рыжих и черных песков, барханов. Перед «Мальчиком» рассти-

лалась ровная, как стол, черная поверхность, по которой стремительно неслись туманные струи мельчайшей черной пыли. Далеко у горизонта, затянутого красноватой дымкой, медленно передвигались тонкие, грациозно изгибающиеся тени, словно исполинские змеи, вставшие на хвосты. И над всем этим — оранжево-красный купол неба, покрытый беспорядочной массой темно-багровых туч, с бешеной скоростью скользящих навстречу «Мальчику».

— Как вам понравится такая дорога? — услышал Быков голос Ермакова.

— Пустыня... — спокойно ответил он.

— Разумеется. Родной вам пейзаж. Правда, здесь нет саксаула, но зато это настоящая Гоби, настоящие Черные Пески.

— Черные-то они, черные... — Быков запнулся. — Ну, а дорога неплохая. Широкая, ровная... Теперь полетим.

— Ура! — дурачась, заорал Дауге. — И попируем на просторе!

Шутя и пересмеиваясь, межпланетники вернулись в транспортер. Настроение заметно поднялось. Только Богдан Спицын задержался у люка, оглянулся вокруг еще раз и сказал со вздохом:

— Здесь совсем как у Стендаля.

— То есть? — не понял Быков.

— Все красное и черное. Понимаешь, мне никогда не нравился Стендаль...

Быков снова занял место у пульта. «Мальчик» дрогнул и, набирая скорость, понесся вперед, плавно покачиваясь. Ветер подхватил и рассеял полосу пыли, сорвавшуюся с гусениц. Навстречу мчалась черная пустыня, ветер гнал по ней туманные полосы, горячую пылевую поземку. На красном фоне горизонта гуляли гибкие столбы, вытянутые к тяжелым тучам. Вот вспух маленький холмик, потянулся вверх крутящейся воронкой, влился в тучи — и еще один черный столб погнал по пустыне ветер.

— Смерчи, — проговорил Быков. — Сколько их здесь...

— Лучше не попадать в такую воронку, — заметил Дауге.

— Да, лучше не попадать, — пробормотал Быков, вспоминая, как однажды смерч — куда меньше тех, что гуляют по Венере, но тоже громадный — на его глазах

превратил лагерь геологов в центре Гоби в песчаный бархан.

Ветер усиливался. Едва заметный у подножия базальтовой стены, теперь он стучал в лобовой щит транспорта, пронзительно свистел в антенном устройстве. Путь шел в гору, это становилось все заметнее. Транспортер поднимался на обширное плато. Местами слой песка был сорван ветром, и тогда гусеницы дробно стучали по белым потрескавшимся плитам обнаженного камня.

Спицын, воткнув в шлем пучки разноцветных проводов, склонился над рацией, пытаясь — в который раз уже, — связаться с «Хиусом». Дауге и Юрковский принялись обсуждать план изысканий, переходя время от времени на язык жестов, чтобы не орать и не мешать остальным.

Быков передал Ермакову управление, дал несколько полезных советов, забрался на тюки и приготовился соснуть на ближайшие полтора — два часа, оставшиеся, по словам Ермакова, до Голконды. Но заснуть не удалось.

Богдан Спицын вдруг поднял руку, призывая к молчанию.

Юрковский обрадованно спросил:

— Что? Есть связь?

— Нет... Но... Погодите минутку.

Он принялся торопливо вертеть рубчатые барабанчики верньеров, затем замер, прислушиваясь.

— Пеленги.

— Чьи? «Хиуса»?

— Нет. Слушайте.

Дауге и Юрковский перегнулись через его плечи. Ермаков оставил управление и тоже наклонился к рации. Дауге протяжно свистнул:

— Оказывается, кто-то уже здесь есть?

— Выходит, так.

— Справа по курсу... Интересно! — Ермаков обернулся к Быкову: — Алексей Петрович, примите управление на минуту.

— Слушаюсь...

Ермаков пристроился рядом со Спицыным и принял от него наушники. Лицо его было встревожено.

— Три точки тире точка. Кто бы это?

Он снял наушники и поднялся.

— За последние десять лет в район Голконды были направлены шесть экспедиций и по крайней мере дюжина всевозможных беспилотных устройств.

— Так, может быть... — глаза Дауге расширились, — может быть, там люди? Потерпели аварию и просят о помощи?

— Сомнительно, — покачал головой Юрковский. — Вы как думаете, Анатолий Борисович?

— Кривицкий на Марсе продержался в своей ракете три месяца. Но он нашел воду...

— Да, воду...

— Так что, скорее всего, это автоматический пеленгатор.

Быков, нетерпеливо ерзавший на своем сиденье, вмешался:

— Ну, будем поворачивать?

— Давайте...

Ермаков думал. Впервые Быков видел, что командир колеблется. Но причины для таких колебаний были достаточно веские, и это знали все.

— Вода, — произнес Ермаков.

— Вода, — как эхо, повторил Юрковский.

— Возможно, это все же недалеко? — просительно сказал Дауге.

Ермаков решил:

— Хорошо! В пределах двух часов езды — согласен. Алексей Петрович, поворачивайте. Берите по жирокомпасу, — он снова наклонился над рацией, — шестьдесят градусов примерно. Вот так. И выжмите из двигателя все.

«Мальчик» резво бежал наперерез струям пыли, летящим с севера. Ветер бил в левый борт, и порой порывы его достигали такой силы, что Быков «шестым чувством» водителя ощущал неустойчивость машины. Тогда он слегка менял курс, стараясь подставить ударам плотной волны газа с песком лобовую броню, или вытягивал правый опорный шест. Богдан с наушниками сидел за рацией и вполголоса корректировал направление. В зеркале качалось бледное лицо Дауге с закушенной губой. Летели минуты, летели багровые тучи... Раз Юрковский нагнулся и что-то неразборчиво крикнул, указывая вперед. Быков успел заметить сквозь пыль странную

стекловидную проплешину в несколько десятков метров в диаметре, посредине которой зияла огромная дыра с рваными краями, затем гусеницы коротко прогрохотали по твердому. Он вопросительно оглянулся на Дауге, но тот, видимо, ничего не заметил и ответил ему недоумевающим взглядом. «Мало ли загадок на Венере, — подумал Быков. — Вперед, вперед!» Дрожащая стрелка спидометра качалась между 100 и 120. Таинственный красно-черный мир пролетал справа и слева. Рябило в глазах.

— Скорее, Алексей, скорее! — шептал Дауге.

Быков зажмурился и потряс головой. И в этот момент Юрковский крикнул:

— Берите влево, влево! Вот он!

— Планетолет! — одним дыханием прошептал Дауге.

Да, это был планетолет, и даже неискушенному в межпланетных делах Быкову с одного взгляда стало ясно, какая катастрофа постигла этот огромный металлический конус. Видимо, его с невероятной силой швырнуло боком о вершину плоского базальтового холма, и он так и остался там, среди циклопических глыб вывороченного камня. Широкие лопасти стабилизаторов были смяты и изорваны, как куски жести, а вдоль всей кормовой части проходила извилистая трещина, забитая черным песком. Внизу, у самой земли, виднелось круглое отверстие — настежь распахнутый люк.

— Да, пеленги автоматические... — глухо сказал Юрковский.

Быков оглянулся на товарищей. Дауге прикусил губу. Красивое лицо Юрковского неподвижно застыло. Спицын покачивал головой, словно человек, увидевший то, что ожидал увидеть. Ермаков хмуро глядел в смотровой люк.

— Подъезжайте ближе, Алексей Петрович, — проговорил он, — нужно осмотреть...

Когда «Мальчик», перебравшись через груды щебня, остановился под открытым люком планетолета, все стали торопливо застегивать шлемы, готовясь к выходу. Но Ермаков остановил их:

— Незачем ходить всем. Со мной пойдут Быков и Спицын.

В кромешной тьме, подсвечивая себе фонариками, они на четвереньках проползли по перевернутому коридору-

ному отсеку к перекошенной стальной дверце. Быков слышал, как скрипит силикет под коленями и часто стучит кровь в висках.

— Ч-черт... — задыхаясь, бросил Ермаков. — Сил не хватает. Попробуйте вы, Алексей Петрович.

Быков уперся в дверь, нажал. С пронзительным скрежетом она подалась, образовался узкий проход.

— Входите, товарищи...

Они оказались в пустом кубическом помещении — очевидно, в кессоне. В лучах фонариков блеснули обломки разбитых приборов. Ермаков нагнулся, поднимая чешуйчатый металлический костюм, внимательно осмотрел.

— Кислородные баллоны пусты, — пробормотал он, — все ясно.

— Глядите! — сдавленным голосом вскрикнул Спицын.

Быков оглянулся и попятился. Что-то загремело под ногами. Позади виднелась узкая полоска света.

— Вход, — сказал Ермаков. — Пошли.

Они миновали освещенную кают-компанию, осторожно перешагивая через обломки мебели и обугленное тряпье, покрытое бурыми пятнами — вероятно, когда-то это были простыни, — и протиснулись в рубку.

— Здесь...

На стене, бывшей в свое время потолком, горело матовое полушарие лампы. Треснувшая поперек панель управления была сдвинута с места, из-под нее торчали обгорелые провода. Но радиопередатчик работал, дрожали зеленые и синие огоньки за круглыми разбитыми стеклами. И перед ним, уронив косматую, обмотанную серыми бинтами голову, сидел мертвый человек.

— Здравствуй, пандит Бидхан Бондепадхай, отважный калькуттец, — тихо сказал Ермаков и выпрямился, положив руку на спинку кресла. — Вот где довелось тебя встретить... Ты умер на посту, как настоящий Человек...

Он помолчал, стараясь справиться с волнением. Затем поднял сжатый кулак и отчетливо проговорил:

— Светлая тебе память!

Они подняли тело межпланетника и осторожно положили его на пол.

— Ну что ж, лучшего памятника, чем этот плането-

лет, для него не придумаешь. — Ермаков склонил голову. — Оставим его здесь.

Быков смотрел на худое, искалеченное тело, наскоро и неумело обвязанное простынями и обрывками белья, и думал о том, что этому человеку, бойцу науки, наверное, не было страшно умирать одному, за миллионы километров от Земли. Такие не падают духом, не отступают. Таковыми сильно человечество.

Спицын отошел от радиопередатчика.

— Сам чинил аппаратуру, — вполголоса сообщил он, — и сам наладил автомат-пеленгатор. Но как он уцелел при таком ударе — не могу себе представить. Здесь все разбито вдребезги.

Быков вздрогнул, пораженный новой мыслью:

— Анатолий Борисович, а где же остальные?

— Кто?

— Ну... его спутники.

Ермаков ответил:

— Бондепадхай-джи летел на Венеру один.

Забрав бортжурнал, пленки из автоматических лабораторий и дневники, они тщательно закрыли за собой двери и направились к выходу. Выбравшись из люка, Ермаков сказал, понизив голос:

— Там, в «Мальчике», поменьше подробностей о том, что видели. Спицын, сделайте несколько снимков корабля — и пошли.

В кабине «Мальчика», усевшись за пульт управления, он кратко и сухо рассказал геологам о гибели Бондепадхая.

Дауге спросил только:

— Это тот самый Бидхан Бондепадхай, что основал на Луне обсерваторию? Калькуттец?

Ему никто не ответил, и лишь несколько минут спустя Ермаков, не отводя глаз от смотрового люка, проговорил:

— Эта планета — чудовище... Но мы ее возьмем! Мы ее укротим!

Ермаков был в шлеме, и Быков не видел его лица, но он видел сжатые в кулаки руки, лежащие на панели управления, и знал, что под силикетовой тканью стиснутые пальцы холодны и белы, как мрамор.

«Мальчик» уверенно шел на север, навстречу ветру,

обходя смерчи. И вот впереди, гася красное сияние неба, вспыхнуло ослепительное синее, неправдоподобно прекрасное зарево. На его фоне отчетливо проступила сиреневая волнистая гряда далеких холмов. Зарево дрожало, переливаясь бело-синими волнами, в течение нескольких минут. Затем померкло и исчезло.

— Голконда фальшиво улыбнулась нам, — сказал Ермаков. — Идет Черная буря. Алексей Петрович, берите управление. Сейчас, вероятно, нам понадобится вся ваша сноровка.

ВЕНЕРА ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

Позже Быков никогда не мог восстановить в памяти с начала и до конца все то, что произошло через несколько минут после слов командира. Еще меньше могли бы рассказать остальные, не успевшие или не пожелавшие наглухо пристегнуть себя к сиденьям. Черная буря Голконды не приносится и не налетает ураганом — она возникает мгновенно, как отражение в зеркале, сразу и справа, и слева, и спереди, и сзади, и сверху, и снизу. Взглянув на инфразэкран, Быков успел только заметить исполинскую чернильно-черную стену в сотне метров от «Мальчика» — и наступила тьма. Здесь кончались впечатления и начинались ощущения.

Транспортер был отброшен назад со скоростью курьерского поезда, и Быков с размаху ударился головой в шлеме о переднюю стенку. Из глаз посыпались искры. Быков зашипел от боли и вдруг почувствовал, как «Мальчик» задирает нос, становясь на дыбы. Ремни впились в тело, затрещали, но выдержали. Вокруг, в крошечной тьме, визжало и грохотало; вцепившись в пульт управления, оглохший, ослепший, задохнувшийся от страшного напряжения, Быков дал полный, самый полный вперед и выбросил одновременно все четыре опорных рычага. Задний правый сломался через секунду. Тьма закрутилась бешеной каруселью. «Мальчик» повалился набок, прополз несколько десятков метров по песку и перевернулся вверх дном. Уцелевшие рычаги приподняли его, и буря сделала все остальное — транспортер снова встал на гусеницы.

Как всегда в минуты смертельной опасности, мозг

работал быстро, холодно и четко. Быков сопротивлялся, слившись с великолепной машиной, напрягая все мышцы, следя расширенными остекленевшими глазами, как на экране в бездонной мгле возникают дрожащие голубые клубки. «Удержаться, удержаться!..» На экране плясали ослепительные шары, беззвучно взрывались, разбрызгивая огонь, в грохоте и вое бури, гусеницы многотонной машины вращались с бешеной скоростью, сверхпрочные титановые шесты впились в почву, но «Мальчик» отступал. Буря снова повалила его, поволокла. «Удержаться, удержаться!..» Уау-у, уау-у... — ревет, и вое, и грохочет, надрывая барабанные перепонки. На губах какая-то липкая слякоть... Кровь? А-ах! Быков повисает на ремнях головой вниз, бессознательно надавливает клавиши... А на экране скачут косматые огненные клубки... Шаровые молнии? А-ах!.. «Удержаться, что бы там...» И снова «Мальчика» бросает на корму...

Потом все кончилось так же внезапно, как и началось. Быков выключил двигатель и с трудом снял руки с пульта управления. В смотровой люк снова заструился красноватый свет, показавшийся теперь прекрасным. В наступившей тишине торопливо и четко застрекотали счетчики радиации. Быков оглянулся. Ермаков непослушными пальцами путался в ремнях. Богдан Спицын без шлема сидел на полу около рации, очумело крутя головой. Лицо его было вымазано черным до такой степени, что Быков даже испугался — пилота-радиста было трудно узнать. Ермаков отстегнулся наконец и встал. Ноги у него подгибались.

— Ну, знаете, чем так жить... — проговорил Богдан. Белые зубы его блеснули в спокойной улыбке. — Неужели молодость и нашей Земли была такой беспокойной?

Из-под столика у стены выполз Дауге, встал на четвереньки, попробовал подняться, но потом, видимо раздумав, выругался по-латышски, снова сел, прислонившись к тюкам, и стянул шлем. Его мутило. Юрковского долго не могли найти под грудой развалившихся ящиков. Он был без сознания, но сразу пришел в себя и, открыв глаза, осведомился:

— Где я?

Быков облегченно улыбнулся, а Богдан серьезно сказал:

— В «Мальчике». «Мальчик» — это такой транспортер...

— К черту подробности! На какой планете?

— Поразительная способность, — злобно съязвил Дауге, — в любых условиях цитировать бородатые анекдоты! — Он сидел в прежней позе, теребя шлем, лежащий у него на коленях.

Юрковский сразу поднялся и внимательно посмотрел на него:

— Шер Дауге! Знаешь, какого ты сейчас цвета?

— Полагаю, желтого.

— Багрового, дружок, темно-багрового! Приноравливаешься к планете, мимикрия...

Его неожиданно перебил резкий голос Ермакова:

— Товарищи межпланетники! Немедленно надеть шлемы! Тревога!

Быков, только что собиравшийся снять шлем, удивленно обернулся.

— Пыль! Радиоактивная сажа! — Ермаков склонился у стены в напряженной позе. — Надеть шлемы! Спицын — мыться немедленно! Приготовиться к дезактивации!

Быков понял. Стены, пол, ящики и тюки, приборы, костюмы, лицо Спицына — все было покрыто налетом тончайшей черной пудры, вбитой чудовищным напором бури в микроскопические, почти капиллярные зазоры закрытых люков. Запыленный колпачок индикатора мерцал зеленым, и сразу все услышали стрекотание радиометров. Юрковский стал торопливо шарить пальцами у застежек спецкостюма. Богдан кинулся в умывальную. Дауге поколебался мгновение, но под тяжелым взглядом командира решительно сунул голову в шлем.

— Алексей Петрович, осмотрите «Мальчика» снаружи, — коротко приказал Ермаков и тоже надел серебристый колпак.

Снаружи было удивительно тихо. Ветер, непрерывно дувший с Голконды, прекратился. Исчезли гигантские смерчи, еще полчаса назад мотавшиеся у горизонта. Быков spryгнул с борта «Мальчика» и по колени ушел в мягкую черную пыль. Почва дрожала так сильно, что у Быкова застучали зубы. В наушники поминутно врывался глухой грохот.

— Голконда! — Быков впился глазами в холмистый горизонт.

В багровом мареве то обрисовывался, то снова пропадал далекий, очень далекий горный хребет, колеблясь в восходящих потоках раскаленного газа. Бу-бу-бу-бу, — рокотало оттуда.

«Мальчик» стоял дыбом, слегка накренившись на правый борт, похожий на огромного черного искалеченного паука. Под днищем намело мягкий холм, коленчатые стержни глубоко ушли в пыль.

Обойдя транспортер спереди, Быков увидел широкие полужасыпанные борозды, тянущиеся на несколько десятков метров, — это были следы отступления. Они казались неглубокими, но, вступив в одну из борозд, он провалился по пояс.

Правый задний опорный шест висел «на ниточке». Натиск бури вывернул титановую «кость» из сустава, и она бессильно вытянулась, полужасыпанная черным прахом. Это можно было починить, но прежней прочности уже не вернешь. Быков вздохнул и принялся за работу.

Ремонт подходил к концу, когда Быков, увлеченный работой, услышал над ухом голос Ермакова:

— Как дела? Мы уже справились...

Командир прыгнул с транспортера, присел рядом на корточки.

— Легко отделались. Я вижу, вы тоже кончаете.

— Д-да... — пропыхтел Быков. — Жалко «Мальчика». Покалечил ножку, бедняга.

Став на колени, он критически рассматривал результаты своей работы.

— Годится для увеселительных прогулок... Плохо, Анатолий Борисович, сами видите... — Он вздохнул и принялся собирать инструменты. — Надо было мне уступать. Все уцелело бы...

Командир усмехнулся.

— Вы знаете, сколько времени длился ураган? — спросил он неожиданно.

— Ну... минут двадцать... Трудно сказать, я не засекал по часам.

— А я следил: три с половиной минуты.

— К-как?

— Три с половиной минуты, Алексей Петрович. И за

Натиск бури вывернул титановую «кость» из сустава.

это время нас отбросило на тысячу метров. Если бы вы уступили, «Мальчик» был бы сейчас за сто километров отсюда... И валялся бы разбитый вдребезги вдобавок. Вы и не подозреваете, какой вы молодец, Алексей Петрович! — Он нежно погладил стальной рычаг. — А теперь — вперед! Дорога открыта, Голконда рядом. Слышите? (Бу-бу-бу-бу...) Километров пятьдесят. Ее уже видно — вон те черные пятна... Нет, это не горы — это клубится Голконда.

Перед тем как последовать за командиром в люк, Быков оглянулся. И вот, как в странном тумане, у горизонта возникли, расплываясь, широкие лиловые полосы. Рябило в глазах. Быков зажмурился, потряс головой. Полосы исчезли.

— Только этого и не хватало! — пробормотал он, карабкаясь по броне. — Галлюцинации... Милое дело!

Внутренние кабины «Мальчика» были чисто вымыты, блестели металлом и пластмассой. Груз аккуратно уложен и закреплен. Взъерошенный, с мокрыми после мытья волосами, Богдан возился у рации. Геологи сидели в своем уголке за откидным столиком. Юрковский быстро листал какой-то справочник, посвистывая сквозь зубы. Тихо, мирно, уютно... Быков сразу захотел спать — сказывалось нечеловеческое напряжение последних часов. Глаза слипались.

— Анатолий Борисович...

— Спать, спать! — быстро прервал его Ермаков. — Немедленно спать.

— Слушаюсь! — обрадованно сказал Быков и присел на тюки, снимая шлем.

Дауге следил за ним с дружеской улыбкой. Но, когда Быков снял колпак, Дауге вскочил на ноги и издал странный звук, изумивший Алексея Петровича и заставивший всех разом оглянуться.

— Ч-что такое? — растерянno спросил Быков, оглядывая себя.

— Подожди, подожди, Алексей, что это? — заикаясь, проговорил Дауге.

— Да в чем дело?!

— У вас все лицо в крови, Алексей Петрович, — сказал Ермаков. — Вы, вероятно, ударились лбом при толчке.

— Ударился один раз, — пробормотал водитель, ошупывая нос.

— Не трогайте руками... Сейчас я вам прямою ссадину... Да не трогайте вы руками, говорю!.. Владимир Сергеевич, дайте ему зеркало.

На лбу чернела огромная ссадина, нос распух, нижняя губа приняла необычайную форму и все еще сочилась кровью. Щеки были разрисованы замысловатым узором. Быков сердито отстранил зеркало.

— Ничего опасного. — Ермаков быстро и ловко промывал ранки. — Эффектно, но не страшно... Но вот как вы ухитрились этого не заметить и не почувствовать?..

— Так, саднило немножко... Кто мог думать?..

— Я лично этому отнюдь не удивляюсь, — сказал Дауге.

— Чему?

— Тому, что ты ничего не почувствовал. Я, например, чувствовал только, что все время стою вверх ногами и придерживаю языком желудок...

— Не мог ты все время стоять вверх ногами... Спасибо большое, Анатолий Борисович. Все в порядке.

Быков повесил шлем на крюк и, покряхтивая от наслаждения, полез на тюки.

Юрковский что-то сказал ему вдогонку, но Быков уже спал. Большой белый корабль нес его, плавно покачиваясь, по широкой синей реке. Ярко светило солнце, далеко-далеко темнели берега за голубоватой дымкой, а над водой носилась ослепительно белая стремительная птица. Качка становилась все сильнее, палуба уходила из-под ног. Кто-то закричал: «Бу-бу-бу! Ну и дорожка!» Быков полетел за борт, дрыгнул ногами и проснулся. Транспорт швыряло и подбрасывало. Ермаков вел машину, а остальные, цепляясь друг за друга, сгрудились у него за спиной, глядя на экран.

— словно клыкастые зубы, — заметил Богдан Спицын. — Престарелая богиня красоты, и мы у нее в зубах.

Быков слез со своего жесткого ложа и, подобравшись к товарищам, просунулся между Богданом и Дауге. Пустыня кончилась. Обходя нагромождения серого камня, «Мальчик» шел через лес гладких прямых столбов. Над грудями камня торчали, возвышаясь на много метров, черные остроконечные скалы — сотни их виднелись вдали.

Почва была изрыта трещинами и воронками, поросшими жестким плющом. Колючие ветки обвивались вокруг уткнувшихся в низкое небо скалистых башен. Каменная чаща обступала транспортер. Богдан был прав — скалы удивительно напоминали старые редкие зубы.

Тряска становилась невыносимой. Юрковский вдруг замычал, затряс головой — прикусил язык. Быков тронул плечо Ермакова:

— Надо остановиться, Анатолий Борисович, здесь легко пропороть брюхо «Мальчику».

Ермаков кивнул. Он подвел машину к ближайшему столбу и выключил двигатель.

— Надо разведать дорогу, — сказал Быков, нагибаясь к смотровому люку. — Может быть, следует вернуться и обойти это место.

— Нет! — отрезал Ермаков. — Полоса скал тянется, вероятно, далеко. У нас нет времени.

— Нужно рвать скалы. Несколько мин — только и всего, — предложил Богдан Спицын.

Ермаков подумал, затем решительно поднялся:

— Проведем разведку. Вчетвером. Водитель остается у машины.

— Слушаюсь.

— На разведку, на разведку! — обрадованно запел Дауге, размахивая геологическим молотком.

— Молоток отставить, — приказал Ермаков. — Взять только оружие.

— Анатолий Борисович, ведь мы ни разу...

— Нет времени. Юрковский, Спицын, быстрее! Быков, от машины не отходить. Даже если услышите выстрелы... Все готовы? Пошли.

Быков выбрался вместе со всеми, присел на броню. Он сидел на чуть выступающей командирской башенке «Мальчика» и смотрел, как удаляются по расходящимся путям человеческие фигурки — маленькие, словно мошки, среди тяжелых потрескавшихся валунов. Юрковский с Богданом уходили вправо, Ермаков с Дауге — прямо. Некоторое время он еще слышал голос Юрковского, уверявшего, что здесь лучший в мире геологический заповедник, веселый смех Богдана, бодрый басок Иоганыча, напевавшего песенку про аргонатов, потом все затихло. Быков остался один.

По небу по-прежнему неслись тучи, ветер ревел в вышине среди черных столбов, несколько раз раздавался отрывистый треск — Быкову казалось, что это сигнальные выстрелы, и он подскакивал на месте и оглядывался. Потом он понял, что это ветер сталкивает валуны друг с другом, однако спустился в машину, достал автомат, перекинул через плечо. Почву сотрясали тяжелые удары.

Удивительно все-таки мрачное место! Впереди, сзади угрюмые голые столбы, словно колонны огромного разрушенного здания. Быков представил себе: когда-то здесь стоял великолепный древний дворец. В нем не было комнат — только роскошные колонны черного камня. Меж колонн с достоинством выступали люди в белых как снег одеждах — благообразные бородатые мудрецы, изящные женщины, воины в медных шлемах, со щитами... Как на рисунке, который ему как-то пришлось видеть в историческом романе об Атлантиде... Потом налетела Черная буря, разрушила свод; свод рухнул, провалился между колоннами. Все погибло, и среди пустыни остался только лес безмолвных черных гладких столбов...

Быков вдруг вскочил, схватился за автомат. Ему показалось, что из-за ближайшей колонны бесшумно выдвинулся огромный темный человек ростом с дом и замер, приглядываясь. Нет, это просто каменная глыба. Валуны поражали причудливостью форм. Успокоившись, он принялся разглядывать самые близкие, отыскивая знакомые очертания. Вот спящий лев; смеющаяся физиономия в шапке; гигантская жаба; что-то вообще непонятное с рогами и вытаращенными глазами... Каменные дебри жили своей неподвижной дремотной жизнью. Тихонько, так, чтобы незаметно было, дышали, подрагивая боками, замершие странные звери, поглядывали украдкой из-под тяжелых зажмуренных век на пришельцев из другого мира. Тигры, ящеры, драконы — каменное население каменного венерианского леса.

Быков подумал, что здешний край все-таки очень беден жизнью. На Земле в пустыне увидишь змею, скорпиона, паука-фалангу; на краю пустыни — сайгу... А здесь? Правда, на болоте жизни много, даже чересчур, пожалуй, но в горах и в пустыне — только жесткие колючки, растущие прямо из камня... Когда «Мальчик» еще выбирался

из горного кольца около болота, Быкову почудилось, что какая-то стремительная тень скользнула вдоль стены и скрылась в колючих зарослях. Но это, наверное, обман зрения... Гиблые места...

Быков вспомнил зеленый ковер весенней травки, поникшие ветви карагачей, белые глинобитные домики окраин, журчание воды в арыке — вздохнул грустно: Земля, Земля...

Вдали из-за валуна выпрыгнула черная фигурка — возвращаются! Быков поднялся во весь рост, присматриваясь. Кто-то неторопливо шел, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Вот споткнулся, чуть не упал, в наушниках Быкова слабо скрипнул голос. Юрковский! Чертовски приятно видеть человека на этом каменном кладбище. Идет, не торопится, и голос сердитый — видно, дороги нет... Плохо дело, придется рвать скалы... волокита... Быков опять вздохнул, потом невольно рассмеялся: эх его, однако, качает! Геолог нелепо взмахнул одной ногой, изогнулся и съехал с большого валуна, через который перебирался, желая, видимо, сократить путь. Наушники донесли взрыв негодования. Алексей Петрович улыбался — приятно, удивительно приятно видеть здесь человека! Юрковский, в конце концов, вовсе не плохой парень и действительно совсем не пижон. Но любит задирать нос и вообще... поэт. Быков не очень понимал стихи и к романтике относился скептически.

Юрковский подошел, тяжело дыша. Стащил через голову автомат, с отвращением бросил его на броню, присел на булыжник. Быков спросил, выждав:

— Есть дорога?

Юрковский махнул рукой:

— Валуны, ямы какие-то, черт бы их драл... Торчат обломки из песка — метра по полтора, острые как бритва, а там, — он махнул рукой в сторону, откуда пришел, — метров через двести эти Венерины зубки сплошной стеной, человек не пролезет. Короче говоря, тупик. Придется вам, водитель, поворачивать свои бронированные оглобли. Кто-то из умников предлагал взять на «Хиус» вертолет. Чудак! Здесь бы эту машинку через три секунды в щепки разнесло...

— Может быть, Ермаков с Дауге дорогу найдут...

— Возможно, хотя и сомнительно; наверное, придется

искать обход: не взрывать же все подряд! Я бы на вашем месте начал разводить пары.

Юрковский вскарабкался на броню, сел рядом с Быковым, вытянул ноги и постучал ступней о ступню.

— А Голконду-то слышно! Чуете, Алексей Петрович? Чудесный край загадок и тайны... Дикая, первозданная природа! Людским дыханием не оскверненный воздух и бездорожия нетоптанный простор, а?..

Быков неопределенно помычал. Манера Юрковского разговаривать раздражала. И великолепный «романтизм» его казался нелепым, позерским. Он, Быков, считал, что «Хиус» прокладывает дорогу для тех, кто пойдет вслед за ним, покончит с «нетоптанным бездорожьем», изменит здесь климат, построит прекрасные города... и тогда на этом самом месте можно будет выпить кружечку холодного пива, как в павильоне на углу Пролетарского проспекта и улицы Дзержинского в Ашхабаде...

— А вот еще загадка... — «пижон» протянул руку.

Над вершинами скал беззвучно возникли и протянулись по небу давешние лиловые переливающиеся полосы. Быков вскочил.

— Ага! Вы их тоже видите!

— Что значит «тоже»? — удивился Юрковский. — Трудно не увидеть...

Полосы медленно погасли, словно растаяли в багровом свете.

Вдали показались еще две фигурки — они поднялись на валун, одна помахала рукой. Быков махнул в ответ.

— Вот и Ермаков с Дауге. Что же Богдан? Вы разошлись с ним, что ли, Владимир Сергеевич?

— Да, видно, разошелся, — рассеянно ответил Юрковский, следя за приближавшимися товарищами. — Здесь легко разойтись — за десять шагов из-за камней ничего не видно, а я возвращался другой дорогой. Он давно ушел?

— Как это — ушел? Вместе с вами...

— Что? — спросил Юрковский, очевидно не расслышав его слов.

Быков промолчал, соображая. Что он, смеется, что ли, чудак?

— Там же ерунда какая-то была, течь в кислородном баллоне. Неполная герметичность...

— Что такое? — Быков ощутил странное беспокойство. Он не понимал Юрковского.

Тот, по-видимому, тоже удивился:

— У Богдана что-то случилось с кислородным баллоном. Он сказал мне, чтобы я не задерживался, а сам вернулся к «Мальчику» взять новый... На всякий случай. Вы что — отлучались, что ли, Алексей Петрович?

— Богдан вернулся к «Мальчику»?

— Вернулся. Взять новый баллон...

— Богдан не возвращался к «Мальчику», — с трудом выговорил Быков, ощущая во всем теле томительный холодок нехорошего предчувствия.

— Не возвращался?

Оба они вскочили одновременно и уставились друг на друга, едва осознавая тяжесть надвигающейся беды. Быков не видел лица Юрковского и только вдруг совершенно перестал слышать его дыхание.

— Осторожнее, осторожнее, Анатолий Борисович... Вот так!.. — раздался голос Дауге.

Быков оглянулся. Дауге и Ермаков подходили к транспортеру. У геолога на шее висело два автомата, он поддерживал командира под руку. Ермаков шел медленно, сильно припадая на правую ногу. Не доходя нескольких шагов, он проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Готовьтесь, водитель. Там можно пройти. Все в машину!

Неожиданно Юрковский спрыгнул на землю, подхватил автомат и, не говоря ни слова, кинулся прочь, скользя и спотыкаясь на каменных обломках. Быков отстал от него на секунду.

— Дауге! — рявкнул он таким голосом, что тот вздрогнул и вытянулся. — Один автомат командиру — и за Юрковским, живо!.. Анатолий Борисович, вероятно, с Богданом беда. Разрешите идти?

— Идите! — крикнул Ермаков.

Дауге уже бежал впереди, путаясь в колючих стеблях плюща. Быков бросился за ним. Ноги разъезжались, срывались с гладкого камня. Почва — крупный щебень пополам с булыжниками, припорошенными песком и пылью, — уходила из-под ног, щетинилась острыми обломками. Быков сразу покрылся потом. «Скорее, скорее», — стучало в висках. Мысль работала быстро, чет-

ко. Либо Богдан подвергся нападению («Вряд ли — скалы мертвы...»), либо поскользнулся, расшибся, лежит без сознания («Тогда найдем, непременно найдем...»), либо заблудился («Но почему тогда не стреляет, не зовет?»). Хлестко ударила автоматная очередь. Богдан!.. Нет, это Юрковский. Правильно, молодец, включил сигнальный магазин, забрался на валун, на тот, что похож на жабу, оглушительно бьет из автомата в низкое небо. Перестал, прислушивается... Нет ответа, нет... Камень отвечает замысловатым раскатистым эхом да воем ветер в вершинах остроконечных скал...

Быков сидел, прислонившись спиной к груде тюков, медленно жевал прессованную ветчину, жадно запивая фруктовым соком из нейлонового стаканчика. Тяжело, с хрипом дышал во сне Дауге. Он свалился где сидел, прямо на полу. Темное лицо его еще больше почернело, щетинистые щеки ввалились. Время от времени он торопливо бессвязно бормотал что-то по-латышски, судорожно шевеля губами. Над рацией склонился неподвижный Ермаков. Глаза его были закрыты, только тихонько двигались белые сухие пальцы на блестящей кремальере. Он прошупывал эфир, пытаясь связаться с «Хиусом». Раньше это всегда делал Богдан. Богдан... Над головой по пласт-броню постукивают медленные, усталые шаги. Это Юрковский.

Юрковский считает себя воновым в несчастье с Богданом. Дауге и Быков пытались переубедить его, но безуспешно.

— Я не должен был отпускать его одного, — твердил он, глядя на товарищей пустыми глазами.

Бедный Богдан... Бедный Юрковский...

Двенадцать часов бродили они по каменным дебрям. Глухое эхо отвечало на выстрелы, мерно рокотала далекая Голконда, гулко лопались горбатые валуны, заставляя их вздрагивать и озираться. Богдан не отвечал. Они находили расстрелянные гильзы — там, где побывали уже сами. Полустертые следы ног — своих собственных ног. Богдан не откликался... Они почти не разговаривали друг с другом, только иногда, когда Дауге или Юрковский пытались отделиться от маленького отряда, Быков

приказывал им вернуться голосом, которого не узнавали ни они, ни он сам. Несколько раз им казалось, что откуда-то издалека доносятся выстрелы, — они опрометью бросались туда, стреляя на ходу, и всегда оказывалось, что они ошибались. Пот заливал глаза, ноги подгибались и дрожали. Все чаще они спотыкались и падали, и все труднее им было подниматься. Наконец Юрковский упал, а Дауге, пытаясь ему помочь, свалился сам. Быков подошел к ним и опустился на щебень, с трудом подогнув одеревеневшие ноги. Некоторое время он смотрел, как Юрковский, задыхаясь, пытается подняться, еле шевеля руками, не поднимая отяжелевшей головы, потом сказал:

— Пошли к «Мальчику»... Надо передохнуть.

— Не-е-ет! — яростно просипел Юрковский.

Но они все-таки пошли назад, и Быков нес все три автомата и вел Юрковского, придерживая его за плечи. Дауге, шатаясь, шел впереди, не выбирая дороги, и, когда он останавливался, прикинув к скале, Быков подходил к нему и толкал в спину. Геолог с трудом отрывался от камня и, спотыкаясь, брел дальше. Он казался ослепшим от усталости, но именно он первый заметил широкую черную расселину и на краю ее тускло поблескивающий автомат Богдана. Дауге закричал и упал на колени, невнятно бормоча, тыча слабой рукой в пропасть...

Когда «Мальчик», грузно переваливаясь на камнях, подполз к трещине, Быков обвязался стальным тросом и спустился вниз. Он слышал, как наверху хрипло зовет Юрковский: «Богдан! Богдан!..» На дне расселины Быков при свете фонарика увидел груды камня, песок, обломки колючих ветвей плюща, щебень... Он бродил во тьме полчаса, ощупал каждый камень, осмотрел каждую трещинку... Богдана не было. У него еще хватило сил выбраться из расселины и залезть в машину. Там он упал и заснул...

Быков допил сок, собрал крошки, бросил их в мусоропровод. Ермаков не шевелился. Дауге вдруг поднялся, тараща мутные глаза, и бросился к нему:

— Богдан! Богданыч! Нашелся, родной! — Голос его упал, он как-то сразу обмяк, сел, растирая лицо обеими ладонями. Помолчав, проговорил: — Простите, Алатолий Борисович... Померещилось, — и принялся надевать шлем дрожащими руками.

Ермаков только глянул на него бегло и отвернулся.

— Мы, пожалуй, попробуем еще раз, Анатолий Борисович, — сказал нерешительно Быков.

— Да, — беззвучно шевельнул губами Ермаков.

Прошло еще сорок восемь часов, полных предельного напряжения, надежд и горьких ошибок. Поиски были напрасны.

Ничего! Никаких следов. В километровом радиусе вокруг «Мальчика» межпланетники обыскали каждую трещинку. В расселину, рядом с которой был найден автомат, спускались четыре раза. Они не могли сделать большего, и Юрковский глухо рычал, в бессильной ярости сжимая большие руки. Если бы Богдан погиб у них на глазах, в бою или под обвалом, если бы они нашли хотя бы его тело — им было бы легче.

Ермаков молчал. Каждый раз, когда товарищи уходили на поиски, он с трудом, волоча вывихнутую ногу, выползал наружу и часами сидел около транспортера, положив на колени автомат, — ждал сигнала. Пока остальные отдыхали, измотанные многочасовой ходьбой, он дежурил наверху или пытался связаться с «Хиусом». Ермаков ждал и боялся разговора с далеким штурманом, но, когда наконец радостный голос Михаила Антоновича донесся из репродуктора, прерываемый раздражающим треском помех, командир заговорил в спокойном, даже слегка шутливом тоне. Сказал, что цель близка, все в порядке, настроение бодрое. Немного задержались в скалах из-за плохой дороги, но это не страшно. Все члены экспедиции шлют привет. Прислушиваясь к этому разговору, геологи молчали одобрительно — Михаилу не к чему знать все. Ему и так не сладко в одиночестве.

В этот день Юрковский сделал последнюю безумную попытку раскрыть тайну исчезновения Богдана. Опытный скалолаз, он ухитрился взобраться на вершину одного из самых высоких столбов метрах в ста от «Мальчика». Тридцатиметровая черная громадина была расколота вдоль, и, упираясь в края трещины, геолог с нечеловеческой ловкостью вскарабкался на нее, чтобы осмотреть окрестности.

Быков и понурый Дауге терпеливо стояли у подножия. Потом, когда Юрковский спустился вниз и отдыхал, упираясь спиной в гладкий камень, они так же терпеливо ожидали, что он скажет.

Но Юрковский сказал только:

— Голконда близко... Как на ладони...

Ермаков ждал их около «Мальчика», пропустил в люк, пролез сам и, когда все сняли шлемы, сказал очень тихо:

— Выступаем через час.

Быков не удивился — он ждал этих слов. Даже если бы кислородный баллон Спицына был исправен, запасы кислорода в нем должны были кончиться уже давно, а то, что мог вытянуть из венерианской атмосферы кислородный фильтр, могло затянуть агонию удушья только на тридцать—сорок часов. Богдан Спицын был мертв.

Но, когда Ермаков объявил, что «Мальчик» выступает, Юрковский стиснул руки, а Дауге поднял темное лицо с усталыми, запавшими глазами.

— У нас нет времени. Остаться здесь дольше я не считаю возможным и... целесообразным.

Юрковский, шатаясь, поднялся:

— Анатолий Борисович!..

Ермаков молчал. Юрковский, беззвучно шевеля губами, прижимал к груди трясущиеся руки. Дауге снова понурил голову. Молчание длилось бесконечно, и Быков не выдержал. Он поднялся и направился к пульту управления. И тогда, высокий, надорванный, прозвенел голос Юрковского:

— Я не уйду отсюда!

Глаза его блуждали, на белых щеках вспыхнули красные пятна.

— Он здесь, где-то рядом... может быть, он еще... Я не уйду... — голос сорвался, — Анатолий Борисович!

Ермаков проговорил мягко, убеждаяще:

— Владимир Сергеевич, мы должны идти. Богдан умер. У него нет кислорода. Мы должны выполнить свой долг. Мы не имеем права... Вы думаете, первым экспедициям в Антарктике было легче? А Баренц, Седов, Скотт, Амундсен?.. А наши прадеды под Сталинградом?... Смерть любого из нас не может, не должна остановить наступления...

Никогда Ермаков не произносил столь длинных речей. Юрковский, цепляясь за стены, придвинулся к Ермакову:

— Мне плевать на все!.. Мне плевать на Голконду!

Это подло, товарищ Ермаков! Я не уйду! К черту! Я остаюсь один...

Быков увидел, как лицо Ермакова стало серым. Командир планетолета не шевельнулся, но в голосе пропали дружеские нотки:

— Товарищ Юрковский, прекратите истерику, приведите себя в порядок! Приказываю надеть шлем и приготовиться к походу!

Он резко повернулся и сел за пульт управления. Юрковский, весь сникнув, рухнул на сиденье. Плечи его тряслись. Он был жалок и страшен.

— Надо, Володя, надо! — Дауге стоял над ним, держась за качающиеся стены. Перекошенное землистое лицо. Потухшие глаза. Мертвый, чужой голос:—Надо, Володя, надо... Это неизбежно! Битва!

НА БЕРЕГАХ ДЫМНОГО МОРЯ

— Выйдем здесь.

— Слушаюсь, Анатолий Борисович. Дайте-ка я вам помогу... Вот так... Иоганыч, поддержи...

Быков выглянул из люка, невольно зажмурился, вылез на броню и протянул руку Ермакову. За командиром выбрался угрюмый Дауге, и только Юрковский остался лежать в транспорте, повернувшись лицом к стене.

Вот она, Голконда!.. В километре от «Мальчика» клубилась над землей серая пелена дыма и пыли, протянувшаяся вправо и влево до самого горизонта. Пелена шевелилась, вспучивалась, колыхалась огромными волнами. А вдаль, заслоняя полнеба, вздымалась исполинская скала-гора, угольно-черная, озаряемая ослепительными вспышками разноцветного пламени. Вершина ее тонула в бегущих багровых тучах. Оглушительный грохот неся из недр этого чудовищного, вечно бурлящего котла, и почва вздрагивала, уходя из-под ног, словно живое существо. Быков, закусив губу, торопливо отключился от внешнего мира.

— Выключи внешний телефон!.. Ты слышишь, Алексей? — закричал Дауге над самым ухом, так что Быков даже вздрогнул. — Алешка-а-а!..

— Да что ты орешь! Выключил я давно.

— А, выключил, — понизил голос Дауге. — А то я тебе криком кричу — как в лесу...

Бу-бу-бу-бу... Из клубящейся пелены вырвался огненный шар, взлетел и раскололся с оглушительным треском.

— Красиво! — с восхищением проговорил Дауге. — Я пойду позову Владимира...

— Не надо его тревожить, — процедил Ермаков неохотно.

Быков не мог оторвать глаз от невообразимо огромной черной горы на горизонте. Наконец он понял — перед ним столб дыма. Не верилось, что это мрачное сооружение состоит из пара, раскаленных газов и пылевых частиц. Только приглядевшись, можно было различить еле заметное на таком расстоянии медленно-неуклонное движение гладких стен вверх, к низкому небу. На мгновение ему стало не по себе. Необъятная труба, будто вонзившаяся в тело планеты, всасывала в себя тысячи тонн песка, пыли и щебня, выбрасывая все это в атмосферу. Там, по склонам черной «горы», с безумной скоростью мчатся сейчас в небо облака каменного крошева, раскаленного до невероятных температур.

Быков очнулся.

— Как же дальше, Анатолий Борисович? Какой будет маршрут?

Ермаков, присев на башенку, рассматривал Голконду в бинокль.

— Это скажут геологи. Вероятно, пойдем вдоль берега Голконды набирать материал... Попутно составим карту... Надо искать место для ракетодома.

Из люка выбрались геологи. Дауге возбужденно размахивал руками:

— Ты только погляди, Владимир! Это же геологическая катастрофа! Катаклизм! Ущипни меня! Это черт знает, как превосходно!..

Юрковский вяло присел рядом с командиром. Чувствовалось, что ему все равно. Дауге спрыгнул вниз, его колпак низко склонился над почвой. Минуту он всматривался, затем глубоко запустил руки в перчатках в толстый слой черной пыли и, набрав в пригоршню, поднес ее к самому шлему Юрковского:

— Смоляные пески! Смотри!.. Анатолий Борисович, мы начнем здесь же... Нет!

Он снова вскарабкался на броню:

— Нет, пойдем туда, дальше! — и махнул измазанной перчаткой в сторону дымной пелены. — Это сокровищница! Вы понимаете? Что там золото! Это же небывалые залежи! Скорее туда, вперед!

— Опасно, Иоганыч, — заметил Быков. — Черт знает, что там творится...

— Опасно? — кричал Дауге. — Зачем же мы сюда тащились? Чудак! А как будут работать те, после нас?.. Опасно! Разведка всегда опасна...

— Рисковать... — начал Быков и поперхнулся.

Километрах в полутора от «Мальчика» вырос столб серого дыма, пронизанный ярким белым пламенем. Вытянулся на фоне черной горы, наливаясь слепящим светом, раздуваясь у вершины в косматый голубой клубок. И снова грохот прорвался сквозь рокошующий мерный гул. «Мальчика» качнуло. Быков потерял равновесие, схватился за плечо Дауге и, падая, успел заметить, как тяжелый голубой клубок оторвался от дымного столба, взлетел к небу и снова погрузился в клубящуюся пучину.

— Ты видел? — крикнул Быков, силясь подняться. — Это не просто опасно...

— Обязательно! — Дауге потряс сжатыми кулаками. — Обязательно мы должны добраться туда! Во что бы то ни стало!

Так началась «будничная» экспедиционная работа.

Ермаков наотрез отказался выполнить просьбу Дауге: «Мальчик» пошел поодаль от края дымной стены, держась от нее метрах в трехстах.

— До тех пор, — сказал в ответ на приставания геолога командир, — пока не будет оборудован ракетодром с маяками, я не позволю, Григорий Иоганнович, рисковать машиной и людьми. Мы не выполнили еще ни одной из наших задач. Ограничьтесь геологической разведкой на дальних подступах к Голконде и ищите место для посадочной площадки. Когда ракетодром будет готов и «Хиус» перебазирован сюда, тогда будет видно. Все.

Через каждые два—три километра «Мальчик» оста-

навливался и высаживал разведчиков. Ермаков оставался в машине, а остальные отправлялись на работу. Дауге и Юрковский шли впереди, собирали образцы грунта, осматривали местность, устанавливали геофизические приборы, которые нес Быков и которые подбирали на обратном пути. Быков тащился, как правило, сзади, ужасно скучая и проклиная геологов, нагрузивших его своим «барахлом». «Барахло» было тяжелым до невозможности. Спецпакеты и контейнеры с образцами нагружали на того же несчастного водителя. Вдобавок геологи разговаривали во время поиска только между собой, обращаясь к Быкову исключительно в повелительном наклонении.

У каждого был автомат. Геологам он мешал, и Дауге однажды попытался отдать свой Быкову. Но тот запротестовал. Каждый должен быть вооружен. Если придется тащить два автомата, то он не сможет защищаться в случае необходимости, и сразу двое окажутся небоеспособными. Весьма возможно, что автомат мешает геологам, но ничего не поделаешь. Трудно? А зачем же мы сюда тащились?

— Алексей, голубчик ты мой! — убеждал Иоганых. — Ну кто здесь на нас нападет? Что ты несешь несусветное! Перестраховщик!.. Раскрой глаза — ведь все вокруг мертво! При таком уровне радиации никакая тварь существовать не может, разве что кроме тебя, толстобогого!..

Быков был неумолим. В конце концов Дауге вышел из себя и с наивозможной язвительностью осведомился, что Быков предпримет, если он, Дауге, все-таки откажется таскать «эту железную кочергу».

Быков посмотрел на него, насмешливо прищурившись, и презрительно выпятил нижнюю губу. Дауге только сплюнул с досады.

Поле боя осталось за Быковым.

Лес остроконечных скал — «Зубов Венеры» — почти вплотную примыкал к «Дымному морю», как назвал Дауге серую пелену, обволакивающую жерло котла Урановой Голконды. Здесь часто попадались скалы, группами и в одиночку, почва была изрыта воронками, расколота трещинами, завалена грудками валунов. Расчистить

место для настоящего ракетодрома здесь было невозможно. В распоряжении экспедиции имелись десять атомных мин, штук двадцать гранат, но этого не хватало. Понадобилась бы армия строителей, вооруженная в изобилии новейшими подрывными средствами и дорожными механизмами, чтобы с успехом атаковать ближние подступы к Голконде. Когда-нибудь здесь построят гигантские ракетодромы, оборудованные мощными радиомаяками точного наведения, соорудят подземные комбинаты по выработке ядерного горючего, протянут широчайшие автострасы, пересекающие гряду скал и черную пустыню, а пока... А пока вблизи от кратера Голконды, километрах в двадцати от него, надо найти достаточно широкую и достаточно ровную площадку, которую можно было бы приспособить для приема первых земных кораблей. Это можно было сделать и с помощью десятка атомных мин среднего калибра. Но найти ее пока не удавалось. После одного из коротких совещаний Ермаков сказал:

— Геологам не терпится окунуться в Дымное море. Они правы—может быть, загадка Голконды таится именно там. Это так. Но мы здесь — первые. Наша задача — разведка. Привезти небольшую коллекцию минералогических и ботанических образцов. Оценить Голконду и доказать рентабельность ее разработки. Выборочно и ориентировочно установить характер коры Венеры. Очень прошу вас понять это как следует. Впрочем, на Земле вы это понимали... Ясно: «золотая лихорадка»... Но есть еще одна задача — ракетодром, пусть примитивный. Это очень важно. Без этого мы не уйдем отсюда, что бы ни случилось. Площадка должна быть создана. Отсутствие воды сокращает нам сроки. Если через десять земных суток мы не найдем места для посадочной площадки по пути следования, я выведу «Мальчика» на ту сторону скалистого хребта, и заложим ее там.

Да, вода сокращала сроки. Расход ее на дезактивацию оказался непредвиденно огромным. Каждый раз, возвращаясь в транспортер, разведчики должны были тщательно отмываться в кессоне. Тончайшая радиоактивная пыль, липкая и вездесущая, забивалась во время вылазок в складки силиконовых костюмов, и, чтобы избавиться от нее, приходилось по четверть часа вертеться под плотными струями дезактивационного душа. Ерма-

ков с радиометром в руке сам проверял чистоту костюмов и, случалось, отсылал небрежных обратно в кессон. Между тем запасы дезактивационной жидкости быстро уменьшались. Превосходные фильтры и ионообменные поглотители помогали мало. Быков перебрал десятки комбинаций поглотителей, но ни одна комбинация не давала нужного эффекта. Дезактивационная вода после очистки оставалась активной, и ее приходилось выбрасывать. Видимо, в смолистой пыли Голконды содержались какие-то радиоколлоиды, не поддающиеся воздействию известных ионообменных процессов. Бак с дезактивационной жидкостью, рассчитанный на сорок рабочих суток, быстро пустел. На очереди стояла питьевая вода из нейлоновых бурдюков...

«Мальчик» продолжал двигаться на запад, оставляя справа клубящиеся волны Дымного моря. Часто вздрагивала, колебалась почва от тяжелых далеких ударов. Порывы ветра приносили облака серого тумана — радиоактивной пыли и паров. За горизонтом, уйдя в багровое небо, грозно ревел чудовищный столб дыма, висящий над жерлом бушующего уранового котла. Там каждую секунду образовывались трансураниды: возникали крохотными гнездами, в которых начинался стремительный цепной процесс — взрывалась маленькая атомная бомба с тритиевым эквивалентом в несколько десятков тонн. В бинокли колоссальная туча казалась пронизанной сотнями вспышек. Природный урановый котел в сотни километров в поперечнике бурлил и клокотал тысячами взрывов.

— Интересное место, — говорил Дауге. — Трудно представить себе, что случилось бы, не будь там огромного количества различных примесей, поглощающих нейтроны. Непрерывно действующая атомная бомба весом в сто миллионов тонн!

Это было действительно жуткое место. В дымной стене иногда вспыхивали таинственные лиловые полосы ослепительного пульсирующего света — вспучивался, взлетал к низкому небу фонтан светящейся пыли. От мощного грохота не спасала акустическая защита в спецкостюмах.

Однажды из дымной стены выползла тяжелая иссиня-черная туча и покатила по равнине прямо на транспортер. Прыгая в люк, Быков успел заметить, как над Гол-

кондой вспыхнуло ослепительное синее зарево. Ермаков повел транспортер прочь, но туча догнала его, навалилась. Забарабанили по броне тяжелые удары — туча несла с собой обломки камня, груды песка. Стрелка в термометре взлетела до четырехсот. По экрану запрыгали, как тогда, в пустыне, косматые клубки шаровых молний, изображения исказились. Потом экран ослеп. Ермаков остановил машину, и все долго неподвижно сидели, прислушиваясь к шорохам, к стрекотанию счетчиков радиации, к ударам собственного сердца. Туча ушла. Выбравшись из «Мальчика», они увидели ее уползающей за горизонт в сторону горного хребта.

— Вот так рождается Черная буря, — проговорил Юрковский, провожая ее глазами.

Голконда дышала. Иногда вдруг на «Мальчика» налетали невидимые вихри радиоизлучения. Разгорались лампочки индикаторов, тикание счетчиков, не прекращавшееся здесь ни на минуту, сливалось в стрекотание. К счастью, такие бури проносились быстро и возникали сравнительно не часто. Принимались все меры предосторожности. Была усилена защита на спецкостюмах. Ермаков ежедневно делал всему экипажу впрыскивание арадиатина — препарата, приостанавливающего развитие лучевой болезни. Геологи работали, заслоняясь тяжелыми щитками, непроницаемыми для излучения. И все-таки угроза лучевой болезни нависла над экипажем «Мальчика». Появилось малокровие, пропал аппетит. Люди становились вялыми и раздражительными. Ермаков молчал и продолжал вести «Мальчик» вдоль берега Дымного моря.

Вскоре после выхода к Дымному морю Быков заметил одно обстоятельство, показавшееся ему странным. Через каждые двадцать четыре часа, ровно в двадцать ноль-ноль по времени планетолета (в вечных багровых сумерках Венеры межпланетники пользовались земным счетом времени), Ермаков, волоча искалеченную ногу, взбирался на сиденье командирской башенки и, развернув широкоугольный дальномер на юг, подолгу глядел, не отрываясь, в сторону пустыни, словно ожидая какого-то сигнала. Быков не мог понять, чего ждал Ермаков, но спросить не решался.

Между тем геологическая разведка давала блестящие

результаты. Голконда воистину оказалась Голкондой — краем несметных, неисчерпаемых богатств. Уран, торий, радий... Трансурановые элементы — плутоний, калифорний, америций, кюрий: вещества, на производство которых в земных условиях тратились огромные силы и средства, вещества, добываемые с помощью сложнейших установок и в ничтожных количествах, здесь лежали прямо под ногами. Без особых затрат их можно было добывать в промышленных масштабах, тоннами. Дауге вопил от восторга, и даже Юрковский, в последнее время угрюмый, пел за работой, несущей открытие за открытием. Этих открытий нельзя было переоценить. Они означали небывалый прогресс в энергетике, технике, промышленности, медицине. Земля, покрытая вечнозелеными лесами от полюса до полюса, горящая мириадами огней, населенная здоровыми, сильными, не знающими болезней людьми; изобилие, великолепные города, могучие электростанции, ясная счастливая жизнь — все это мысленно представлялось экипажу «Хиуса». И эта жизнь должна была получить могучее подкрепление отсюда, из черных смоляных песков Голконды. Под мрачным багровым небом, среди безбрежных угрюмых пустынь маленькая горсточка людей шла через муки, боль исканий, гибель товарищей — к большой победе. Для многого следовало многим рисковать.

У Дауге стали выпадать волосы. После сна, причесываясь, он оставлял на гребенке черные пряди. Геолог исхудал и ослабел, только в глазах постоянно горел упрямый огонек. Температура поднялась до 39.

— Грипп? Это надо уметь — попасть под сквозняк, не вылезая из спецкостюма! — поражался Иоганыч, рассматривая градусник. — То есть абсолютно гриппозная температура! Верно, Анатолий Борисович?

Ермаков только качал головой. Он сам чувствовал себя нехорошо — болела вывихнутая нога. Это было мучительно неудобно. У Юрковского по телу пошли нарывы, он становился все молчаливее.

Быков чувствовал себя лучше других, но как-то заметил, что у него не в порядке глаза. Он стал хуже видеть, быстро прогрессировала близорукость. Ермаков тщательно осмотрел его, влил в каждый глаз по капельке маслянистой жидкости и назначил особую диету. Быков заме-

тил, что с этого же дня командир начал вводить ему удвоенную дозу арадиатина.

Несмотря на сильную радиоактивность почвы и температуру, доходящую до ста градусов, местность, по-видимому, была обитаема. Во время одного из поисков Быков чуть отстал от геологов, рассматривая вкрапления красивого серебристого металла в морщинистых боках потрескавшихся валунов, и вдруг услышал отдаленные крики.

Щелкнув предохранителем автомата, он кинулся на шум, на бегу ощупывая за поясом гранату. Навстречу ему из-за скалы высочили геологи. Юрковский все время оглядывался, размахивая стволом автомата. Дауге тащил его за пояс. Через несколько секунд они уже стояли рядом, и Дауге сбивчиво рассказывал, поминутно озираясь:

— Вот нечисть! Кошмарная гадина!.. Видел, Володя?.. Представляешь, Алексей, прямо из скалы вытянулась пятиметровая шея с клювом-пастью на конце... Я схватил автомат... Видел, Володя?

— Ни черта я не видел, — мрачно проговорил Юрковский, поправляя вещевой мешок на плече. — Ты заорал, пустил лучевую очередь и бросился удирать, да и меня за собой поволок... Ничего я не видел...

Некоторое время они стояли, молча поглядывая на черные скалы вокруг, потом Дауге снова принялся рассказывать, как они шли, собирая материал, как он, Дауге, нагнулся подобрать «один любопытный камешек» и вдруг увидел на песке длинную извилистую тень. Он поднял глаза и только успел заметить, что над головой Юрковского, стоявшего к нему боком, прямо из скалы выдвинулась длинная гибкая шея какого-то животного, похожего на змею, с огромной пастью и без глаз. Он чисто механическим движением поднял автомат и открыл огонь, а когда чудище вскинулось от ожогов чуть ли не выше скал, схватил Юрковского и побежал, таща его за собой.

— Меня больше всего поражает, что эта гадина высунулась прямо из камня, — добавил он, немного успокоившись.

— Померешилось! — Юрковский махнул рукой. — Просто эта штука сидела под скалой, потом смотрит и от-

мечает, что Дауге намеревается в благородной рассеянности наступить ей на голову. Ну и решила... тово...

— Шуточки! — рассердился Иоганыч. — Пойдем-ка лучше посмотрим, что это было... У тебя граната есть, Алексей?

— Граната у меня есть, но идти, пожалуй, не стоит...

— Почему не стоит? Втроем — и не управимся? И потом, ей-богу, я ее подстрелил. А, Володя?

Юрковский стоял в нерешительности, щелкая предохранителем. Быков сказал просительно:

— Не стоит, товарищи! Не нравятся мне эти скалы. Лучше с танком сюда вернемся... с «Мальчиком».

— Пошли, — сказал вдруг Юрковский. — Если ты его убил — это здорово интересно. Биологи наши возликуют. А Быков в крайнем случае может вернуться к своему танку.

Быков хотел заметить, что командует здесь он, но потом решил не спорить: может быть, это действительно важная для науки находка.

Они шли осторожно, озираясь по сторонам, держась поближе друг к другу. Быков держал наготове гранату.

— Здесь, — сказал Дауге.

Он подошел к подножию скалы, похлопал зачем-то по каменному ее телу, наклонился и подобрал с земли камешек, сунул в сумку.

— Судя по всему, ты промахнулся, милый! — с ехидством произнес Юрковский. — Пойдем домой, пора обедать...

Быков оглядел местность: скалы, валуны, песок, щебень. На скале, на высоте трех—четырех метров, — выжженные зигзагами полосы, следы выстрелов. Здоровая, видно, была гадина — понятно, почему Дауге так удирал.

— Да, промахнулся я! — со вздохом проговорил Иоганыч. — А жаль! Был бы чудесный экспонат для нашего музея...

На обратном пути Юрковский подшучивал над Дауге, называя его «покорителем драконов», а за обедом все непривычно много говорили, впервые за несколько последних дней. Слушая, как весело хохочет Иоганыч, Быков невольно подумал, что нет худа без добра: в последнее время обстановка в транспортёре стала неважной. Случай с геологами как будто разрядил болезненное напря-

жение, снова сделал всех друзьями. Но, хотя Юрковский за едой дважды вполне дружески прошелся насчет быковской внешности и даже обратился к нему с просьбой передать консервный нож (чем изумил Быкова несказанно), Ермаков после обеда не преминул отметить, что действия маленького отряда во время последних событий были неосмотрительны. Глядя на Юрковского в упор, командир подчеркнул (в самом легком тоне), что вся ответственность за безопасность людей, занятых работами вне «Мальчика», лежит на Быкове. В ответ Иоганыч, широко улыбаясь, сказал: «Есть!», а Юрковский нахмурился.

Час спустя, когда Быков вел транспортер, осторожно огибая громадные туши валунов, а Ермаков сидел над своими записями, Дауге вдруг сказал громким шепотом:

— А посмотри-ка сюда, Володя! Вот находочка!

— Н-да, Иоганыч! — не без восхищения проговорил Юрковский после короткого молчания. — Это сенсация! Где ты ее нашел?

— Под той же скалой, где квартирует дракон. Смотри, камешек на вид весьма простенький, но меня сразу поразила его форма.

— Трилобит... Вылитый трилобит! Наши ребята с ума сойдут на Земле!

— Трилобит на Венере? — раздался удивленный голос Ермакова. — Вы уверены, Владимир Сергеевич?

— Ну, будем точны: это не совсем трилобит, — принялся объяснять Дауге. — Даже на глаз различия видны, а я ведь не специалист. Но сходство поразительное, да и вообще сам факт — наличие окаменелостей на Венере! Насколько я знаю, еще нигде и никогда на других планетах окаменелостей не обнаруживали...

Странная находка пошла по рукам. Дали полюбоваться и Быкову. Это был небольшой серенький камешек, на котором отпечатался четкий узор — головастое продолговатое животное с многочисленными изогнутыми лапками. Дауге объяснил, что эта многоножка пролежала в почве много миллионов лет и окаменела и что на Земле нередко находят окаменевшие существа, очень похожие на нее. Они называются трилобитами. Сотни миллионов лет назад эти малютки населяли земные океаны, а потом вымерли, бедняжки, по неизвестной причине.

— Загадки, загадки! — продолжал он, поблескивая глазами. — Голконда — великая загадка; «Венерины зубы» — загадка; красные облака — тайна; болото, где сидит «Хиус»; черные бури; вспышки зарева над Голкондой... Теперь этот трилобит... Неужели здесь когда-то было море?..

— Твой дракон, «Офидий Дауге», — подхватил Юрковский.

— Загадка Тахмасиба, — напомнил Ермаков.

— Загадки, загадки...

Быков не сказал ничего, но подумал о Богдане. И, должно быть, все подумали о нем, потому что веселое настроение вдруг пропало и разговор резко оборвался.

Прошли еще сутки. «Мальчик» торопливо двигался на запад в поисках места для посадочной площадки. И снова дали о себе знать таинственные существа, населяющие эти места. Дауге, первым выбравшийся из люка во время очередной остановки, с воплем кинулся обратно, увидев гигантскую змею, выползающую из-под гусениц «Мальчика». Быков развернул транспортер и, по выражению Юрковского, сплясал трепака, выкопав гусеницами огромную яму в песке на подозрительном месте, но чудище, по-видимому, успело скрыться.

Ермаков приказал Быкову удвоить осторожность, и тот теперь ни на шаг не отставал от геологов. Он брал с собой по четыре гранаты и держал автомат под мышкой, готовый пустить его в ход в любое мгновение. Но шли дни, «драконы» не появлялись, и напряжение постепенно ослабло.

Быков заметил, что геологи стали спокойнее, повеселели. Иногда во время работы они даже начинали возиться, как мальчишки, — бороться, хохотать во все горло, беззлобно подшучивать над Быковым, делая вид, что собираются тайком от Ермакова пешком идти в Дымное море. Быков сердился и даже свирепо орал на них, но в глубине души чувствовал громадное радостное облегчение. Впервые после гибели Богдана все встало на свое место.

«Вечерами» за ужином после десятичасового рабочего дня Юрковский и Дауге наперебой вдохновенно мечтали об экспедициях к жерлу Голконды, спорили о происхождении этого исполинского кратера на теле планеты, затем

неожиданно перескакивали на проблемы новых межпланетных исследований. Юрковский, прижимая кулаки к груди, клялся и божился, что после того, как все будет закончено с Голкондой, он добьется снаряжения экспедиции на страшный Юпитер, где погиб Поль Данже. Дауге сердито отвечал, что Юпитер — всего-навсего гигантский водородный пузырь и геологу на Юпитере делать нечего, что вообще Юпитер человеку еще не по зубам, даже с фотонной ракетой, и что именно о таких случаях китайцы в древности говорили: «Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки». Юрковский презрительно фыркал и начинал доказывать, загибая пальцы: «Во-первых... Во-вторых...»

Быков слушал их сквозь полудремоту с теплым чувством, наслаждаясь ощущением дружбы и благополучия. Все опять были добрыми товарищами, каждый был полон энергии и мечтаний, успех экспедиции представлялся близким и верным.

Неожиданный случай снова все изменил.

Однажды Быков и Дауге отправились на разведку. Юрковский остался разбирать материал и писать черновик отчета по предварительному обследованию геологических богатств района Голконды.

Быков с неохотой согласился на поход вдвоем. Встреча с драконами ему совершенно не улыбалась.

Друзья бродили около двух часов, в пути не произошло ничего необычного. Когда двинулись в обратный путь, Быков, безропотно сносивший все это время и начальнический тон Иоганыча, и несусветную тяжесть контейнеров, и чувствительное похлопывание по бедрам увесистых гранат, почувствовал себя нехорошо.

Морщась от головной боли, он брел за широко шагающим Дауге, вяло пытаясь устроить поудобнее тяжелый груз за плечами. («Долго они еще собираются таскать свои булыжники в машину? И так уже спать негде...») Резало глаза. Вокруг качались надоевшие до зубной боли скалы, груды валунов, дымная пелена на севере... «Заболеваю, пожалуй», — равнодушно подумал он. Захотелось лечь и закрыть глаза. Бу-бу-бу, — привычно, дремотно гудела Голконда.

— Вот опять! — Голос Дауге заставил его очнуться. — До чего мне не нравятся такие образования!

Они стояли на краю обширной воронки. В глубине ее чернела бездонная дыра, от нее далеко в стороны расползались трещины.

— Смотри, как оплавились края воронки, — говорил Дауге. — Страшная температура — тысячи градусов!

— Подземный взрыв? — вяло спросил Быков, чувствуя, как у него заплетается язык. («Плохо... Надо скорее в машину, спать...»)

— Подземный атомный взрыв... — Дауге что-то добавил шепотом по-латышски. — Мне абсолютно не нравятся такие образования. Мне не нравится цвет почвы.

Все вокруг было покрыто словно красным налетом.

— Здесь все красное. Красное и черное... — Быков вспомнил Богдана. — Пойдем, Дауге. Я очень устал.

Они сделали несколько шагов, и вдруг Дауге закричал, дико и неожиданно. Быков пришел в себя и закрутился на месте, бормоча:

— Что? Где?..

— Гранату! Гранату, Алексей! — кричал Дауге, тряся его за плечи. — Скорее, скорее!

Быков вытащил гранату, все еще не понимая, куда ее бросать. А Дауге, приставив автомат к животу, принялся палить перед собой.

Вокруг были все те же скалы, и Быков видел, как шипящий луч оставляет длинные черные полосы на потрескавшемся камне.

— Дракон! — кричал Дауге. — Гранату!

Он все продолжал нажимать и нажимать на спусковой крючок, направив ствол автомата на какую-то невидимую цель в десятке метров от себя.

Быков ничего не видел.

— Дауге, — бормотал он. — Иоганыч, милый... Что с тобой?

Дауге опустил наконец автомат.

— Ушел, — сказал он странным голосом. — Ушел... Почему ты не ударил его гранатой?..

Быков в последний раз огляделся. Ему очень хотелось увидеть хоть что-нибудь подозрительное, но вокруг ничего не было, и он засунул гранату за пояс.

— Иоганыч, пойдем... Пойдем, милый...

Они медленно побрели дальше. Дауге шел, заметно

пошатываясь, и говорил, путая русские и латышские слова.

Около «Мальчика» их ждали товарищи.

— Что случилось? — спросил Ермаков.

— Абсолютно странные животные, — путано заговорил Дауге. — Огромные звери... черные, метров по десять длиной... Кожа блестит, словно мокрая... Почему ты не ударил его гранатой, Алексей?..

Ему помогли взобраться на борт, помогли снять шлем. Лицо геолога было мокрым от пота, глаза блуждали.

— Только почему они просвечивают? — уныло проговорил он и упал лицом вниз на подушки.

Его устроили поудобнее, и он заснул мгновенно глухим каменным сном. Ермаков выслушал доклад Быкова и долго молчал, а потом спросил только:

— Вы, Алексей Петрович, совершенно убеждены, что никакого дракона не было?

— Никакого дракона не было, — уверенно ответил Быков.

— Плохо... — пробормотал Юрковский, кусая губы.

Ермаков проковылял по кабине, взял ящик с медицинскими приборами и присел около спящего. Юрковский устроился рядом. Послышались какие-то странные звуки, похожие на тихий треск, запахло озоном, потом протяжно и жалобно застонал Иоганыч.

— Все-все, — ласково сказал Юрковский.

Ермаков встал.

— Очень плохо, — проговорил он. — Дауге болен, и... Юрковский выжидательно поднял голову.

— ...я вспоминаю Тахмасиба, — глухо сказал Ермаков. — Симптомы такие же. Похоже на галлюцинации...

Когда «Мальчик» снова двинулся в путь, Дауге очнулся, сел, пригладил вихор и спокойно сказал:

— Едем, кажется?

Быков, дремавший рядом, приподнялся. Иоганыч оглянулся на него, улыбаясь:

— А ты лежи, Лешка! Прости, разбудил я тебя...

Юрковский замер над своим столиком, повернув к ним изумленно-радостное лицо. Ермаков остановил транспортер, сильно потер ладонями щеки и проговорил облегченно:

— Кажется, пронесло...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Быков попытался вытереть потный лоб и с досадой отдернул руку. Вечно забываешь про этот шлем! Иногда пальцы сами собой подбираются к затылку — почесать в трудную минуту, или в рассеянности пытаешься сунуть в рот кусочек шоколада и натыкаешься на гладкую прозрачную преграду. Раньше, размышляя, он имел обыкновение тереть себя за нижнюю губу — пришлось отвыкнуть. Дауге это отметил и не замедлил прочесть краткую лекцию на тему «Роль астронавтических спецкостюмов в избавлении человечества от дурных привычек».

Вторые сутки низкое небо роняло хлопья черной пыли. Черный снег кружился в порывах слабого ветра, покрывая обширную холмистую равнину, в центре которой стоял «Мальчик». Быков огляделся. Повезло, повезло! Перед ним расстилался великолепный естественный ракетодром площадью около двух тысяч квадратных километров, вполне ровный, если не считать десятка скал, торчащих из смолянистого песка. С юга, со стороны пустыни, равнину окаймляло полукольцо Венериных зубов; вдали, на севере, за пеленой Дымного моря, грохотала Голконда. До нее было около сорока километров — не слишком далеко и не слишком близко. Почва оказалась радиоактивна как раз в той мере, чтобы питать селено-цериевые батареи — источники энергии радиомаяков. Радиомаяки надо было установить на вершинах огромного, по возможности равностороннего треугольника по краям посадочной площадки. Но сначала следовало взорвать мешающие скалы. Вероятность того, что планетолет может сесть на них, была довольно велика: они торчали двумя группами почти в самом центре будущего ракетодрома. Это была задача по силам. Быков с помощью геологов установил две мины в центре северной группы скал — взрыв должен был выворотить из почвы каменные столбы, раскрошить их в пыль. Другую — южную — группу из шести скал решили взрывать «сверху». Мина устанавливается на вершине одного из столбов, и взрыв уничтожает их все — вгоняет в землю, как сказал Дауге.

— На какую волну настраивать? — крикнул Юрковский. Он сидел на вершине обреченной скалы, куда только что не без труда была поднята мина.

Силуэт Юрковского зашевелился на фоне красных туч в струях черной метели.

— Индекс восемь! — откликнулся Быков, задирая голову.

— Ага... ясно... — Силуэт Юрковского зашевелился на фоне красных туч в струях черной метели. — Готово! Ну, все, кажется?..

— Слезайте! — крикнул Алексей Петрович.

— Интересно, какая у тебя будет физиономия, если скалы устоят, — заметил Иоганыч, присевший рядом с Быковым на башенку транспортера.

— Ничего... не устоят, — рассеянно ответил тот, с опаской следя за ловкими движениями Юрковского, сползавшего по отвесной гладкой стене. — Какого черта он лезет без веревки?.. Ведь есть же трос... Но куда там! Без фокусов не может... Ну, что он — ни туда, ни сюда?..

Юрковский словно прилип к черному камню на высоте шести—семи метров от земли. Он казался неподвижным, и только неестественная поза да короткое хриплое дыхание выдавали его страшное напряжение.

Дауге обеспокоенно вскочил:

— Владимир, что с тобой?..

Юрковский не ответил и вдруг, словно сорвавшийся камень скользнул вниз. Быков сделал падающее движение и невольно зажмурился, а когда снова открыл глаза, увидел, что геолог висит на руках тремя метрами ниже, уцепившись за невидимый снизу выступ.

— Володька!.. — Иоганыч прыгнул на землю и побежал к скале.

— Спокойно, Дауге! — голос Юрковского только слегка прерывался от напряжения. — Сколько до земли?

— Метра четыре!.. — простонал Дауге. — Расшибешься, паршивец!..

— Отойди прочь! — сказал Юрковский и полетел вниз.

Он упал классически, по всем правилам, упруго подскочил и повалился на бок. Быков соскочил с машины, но бесстрашный геолог уже сидел на земле. Тогда Быков обрел голос.

— Что за хулиганство, товарищ Юрковский? — рявкнул он. — Как вы смели так рисковать? Немедленно ступайте к командиру и доложите...

— Ну, что вы в самом деле, Алексей Петрович!.. —

Юрковский ловко поднялся, встряхнулся всем телом, проверяя, все ли в порядке; голос у него был смиренный. — Четыре метра — это же ерунда! Посудите сами...

Но Быков бушевал:

— Вы прекрасно могли спуститься по тросу! Вы вели себя как мальчишка! Нашли время для спорта!.. Черт знает что!..

— Да брось ты, Алексей! — Дауге любовно обнял Юрковского за плечи. — Конечно же, мальчишка! Но что ты будешь с ним делать — смельчак!..

— «Смельчак»!.. Вот сломал бы шею, и возись тут с ним..

— Виноват, Алексей Петрович, — вдруг сказал Юрковский, и Быков сразу остыл.

— Долóжите командиру о своем проступке, — буркнул он и отошел к скале, чтобы смотать трос.

Геологи принялись помогать ему.

— Жалко ее взрывать, — сказал Дауге, указывая на скалу, окутанную крутящейся поземкой, когда, кончив работу, они собрались у открытого люка. — Варварство — уничтожить памятник в честь великого подвига В. Юрковского...

И он так хлопнул ладонью по спине друга, вползавшего в люк, что тот мгновенно исчез в темноте кессона.

Ермаков повел транспортер на юг и остановил его только у самой гряды Венериных зубов. Обреченные скалы исчезли из виду, скрывшись за горизонтом, за черной метелью.

— Начинать, Анатолий Борисович? — спросил Быков.

— Давайте...

Быков положил руку на рубильник радиодистанционного взрывателя, нажал. Экран озарился ярким белым светом, потом сразу потемнел — вдали встали, тяжело покачиваясь под ветром, три кроваво-красных столба огнистого дыма, расплылись грибовидными облаками. Из-за горизонта, покрывая гул далекой Голконды, долетел громовой удар, пронесся над «Мальчиком» и, рокоча, покатился дальше.

В тот же день черный снегопад прекратился, и вдруг наступила непонятная тьма. Неожиданно погасли багровые тучи. Над пустыней повисла глухая ночь. Поля смо-

лянистого песка вокруг слабо фосфоресцировали, из трещин поднимался и плыл по ветру голубой светящийся дымок.

Начались работы по установке радиомаяков. Работали в темноте, подсвечивая фонариками, закрепленными на шлемах, или в лучах прожекторов «Мальчика». Собрать и установить радиомаяк было нетрудно — сказывалась тщательная тренировка на Седьмом полигоне, — но укладка огромных полотнищ селено-цериевых элементов занимала много времени. В общей сложности надо было распаковать, вытащить из транспортера, уложить и присыпать сверху песком сотни квадратных метров упругой тонкой пленки. Работа была скучная и утомительная. К концу дня люди изматывались и валились спать, через силу проглотив по чашке бульона с хлебом.

Работали геологи и Быков. Ермаков почти не мог передвигаться и по многу часов подряд сидел в транспортере, поддерживая связь с «Хиусом», пытаясь наладить телеустановку; вел дневник, снимал показания экспресс-лаборатории, работал над картой окрестностей Голконды, аккуратно нанося на нейлон штрихи и условные знаки черной и цветной тушью; поджав серые губы, ощупывал одряблевшие бурдюки с водой и что-то считал про себя, прикрыв глаза красноватыми веками. По-прежнему через каждые двадцать четыре часа, за пять минут до двадцати ноль-ноль по времени «Хиуса», он гасил в транспортере свет, забирался в командирскую башенку, принимал к окулярам дальномера и подолгу не отрываясь смотрел на юг. Когда заканчивалась укладка «одеяла» вокруг очередного маяка, он с помощью Быкова выползал наружу, проверял установку и сам приводил ее в действие.

Связь с «Хиусом» временами держалась удивительно хорошо — очередной каприз венерианского эфира. В такие периоды Ермаков разговаривал с Михаилом Антоновичем через каждые три — четыре часа. Крутиков спрашивал, слал приветы. Он говорил, что чувствует себя отлично, что все в полном порядке, но в голосе его зачастую звучала такая тоска по Земле, по товарищам, что у Быкова становилось нехорошо на душе. А ведь штурман еще ничего не знал о Богдане...

И все-таки это были замечательные, самые лучшие минуты. Сидеть, развалившись на тюках, расслабив ноющее, измученное тело, и слушать — как слушают музыку — далекий сипловатый голос штурмана. И думать, что осталось совсем немного, что добрый Михаил Антонович жив, здоров, что «Хиус» скоро придет сюда, на новый ракетодром, чтобы взять их и унести отсюда.

Здоровье экипажа снова стало сдавать. Каждый тщательно старался скрыть свое недомогание, но это удавалось плохо. Быков, просыпаясь по ночам от боли в глазах, часто видел, как Ермаков, разувшись, рассматривает распухшую щиколотку и тихонько стонет сквозь стиснутые зубы. Юрковский втайне от других бинтовал нарывы на руках и ногах. Дауге был особенно плох. Он казался почти здоровым, но непонятная скрытая болезнь пожирала его. Геолог похудел, упорно держалась высокая температура. Ермаков делал что мог — давал успокоительное, применял электротерапию, но все это помогало мало. Болезнь не прекращалась, вызывая иногда припадки странного бреда, когда геолог с воплями бежал от воображаемых змей. Это было страшно, и никто не знал, что делать. В такие минуты он не замечал никого, а очнувшись, не помнил, что с ним было...

Установка второго радиомаяка близилась к концу. Остались считанные часы работы, когда, натрудив руки, Быков забежал в транспортер вытереть пот со лба и немного передохнуть. Геологи остались снаружи укладывать последнюю сотню килограммов селено-цериевого «одеяла». У рации возился Ермаков с нахмуренным, недовольным лицом. Быков, выждав с минуту, спросил осторожно:

— Серьезные неполадки?

Ермаков вздрогнул и обернулся.

— А, вы здесь, Алексей Петрович... Да, перерыв связи. Неожиданный и... довольно странный...

Он выпрямился, обтирая испачканные руки губкой. Быков выжидательно смотрел на него.

— Я беседовал с Михаилом... и... — командир колебался, — и вдруг прервалась связь.

— Что-нибудь с аппаратурой?

— Нет, рация в порядке. Очевидно, просто не повезло. До этого связь была на редкость хорошей.

Что-то в тоне командира показалось Быкову необычным. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Ермаков спросил:

— Много еще осталось?

— Нет. Часа два работы. Не больше...

— Хорошо. — Командир взглянул на ручные часы, спросил небрежно: — Вы не замечали, Алексей Петрович, когда-либо вспышек на юге?

— На юге? В стороне «Хиуса»? Нет, Анатолий Борисович. Ведь на юге, в районе болота, никогда не бывает зарниц. По крайней мере, до сих пор не бывало.

— Да-да, вы правы... — Ермаков говорил уже спокойно. — Давайте заканчивать — и на отдых. Осталось немного.

Быков снова нацепил шлем и поднялся. Он вдруг почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. У выхода задержался:

— Я скоро вернусь, Анатолий Борисович, помогу вам выбраться наружу.

Ермаков поднял голову, снова взглянул на часы и сказал непонятно:

— Надо следить за горизонтом, Алексей Петрович.

— За горизонтом?

— Да, на юге, в стороне болота...

— Х-хорошо...

Проснувшись ночью, Быков увидел, что Ермаков сидит за приемником. Связи не было. «Хиус» молчал всю ночь. Всю ночь и весь следующий день...

Третий, последний маяк установили очень быстро, меньше чем за десять часов. Ермаков выбрался из «Мальчика»; сильно хромая, прошел по упругой, присыпанной песком и гравием поверхности селено-цериевой ткани, проверил схему подключения и привел установку в действие.

Межпланетники стояли около тускло поблескивающей башенки и молчали. Ничего не изменилось. Там, где с клокотанием кипел взрывами урановый котел Голконды, снова подымалась, как и прежде, багровая стена света.

Вздрагивала почва под ногами. На юге в непроглядной тьме неслись смерчи над черной пустыней. Едва слышно посвистывал маяк, и невидимый тонкий радиолуч начал свой стремительный бег кругами по небу — от горизонта к зениту, от зенита к горизонту, — словно разматывая бесконечную огромную спираль.

Дело завершено. Уйдет «Мальчик», снимется с гигантского болота и вернется на Землю «Хиус». Много-много раз черное небо озарится багровым светом, прилетят и улетят десятки планетолетов, а три невысокие крепкие башенки будут упорно слать в эфир свои призывные сигналы: «Здесь посадочная площадка, здесь Голконда, здесь цель ваша, скитальцы безводных океанов Космоса!»

— Так... Ракетодром «Урановая Голконда номер один» готов к приему первых планетолетов, — сказал высоким, звенящим голосом Ермаков. — Семнадцать сорок пять, шестнадцатого сентября, 19.. года...

Все молчали. Ермаков поднял руку и торжественно, громко и ясно провозгласил:

— Мы, экипаж советского планетолета «Хиус», именем Союза Советских Коммунистических Республик объявляем Урановую Голконду со всеми ее сокровищами собственностью человечества!

Быков подошел к маяку и прикрепил к шестигранному шесту маяка широкое полотнище. Ветер подхватил и развернул алое, казавшееся в багровых сумерках почти черным, знамя с золотой звездой и великой старинной эмблемой — серпом и молотом, — знамя Родины.

— Ура! — крикнул Юрковский, а Дауге захлопал в ладоши.

На этом торжественная церемония окончилась.

Вернувшись в транспортер, Ермаков сразу же присел к приемнику, а Юрковский снял шлем, потянулся и, отчаянно зевнув, повалился на свою постель.

— Итак, Иоганыч, чем станешь угощать? — осведомился он.

И тут Быков вспомнил: сегодня день рождения Иоганыча. Еще когда устанавливали первый маяк, Дауге говорил об этом и торжественно приглашал «отпраздновать сию знаменательную дату посредством посильного

поглощения питания и закусок с произнесением соответствующих речей». Приглашал в стихах:

На вечер, данный в честь мою,
Я вас прошу явиться.
Прошу вас также не забыть
Одеться и умыться.

Быков весело улыбнулся и спросил:

— А где же обещанные яства?

Дауге засуетился, принялся копать в своем мешке — извлек старательно обернутую в бумагу бутылку, две коробки роль-мопса и толстый ломоть копченого латышского сала. Все эти прелести не входили в обычный рацион межпланетников. Дауге ухитрился протащить их сюда контрабандой. Быков расстелил салфетку, вынул из буфетного шкафчика стаканчики, вилки, хлеб в полиэтиленовой упаковке. Юрковский крикнул, произнес значительно: «Однако!» — и придвинулся поближе к импровизированному пиршественному столу. Внутренность бронированной машины сразу приобрела праздничный вид. Стало хорошо и необычно. Дауге развернул бутылку, поставил ее в центре салфетки и с вождением потер руки. Юрковский причесался. Быков подумал и повязал галстук поверх спеckоcтjома, чем поверг именинника в радостное изумление.

Пока длились эти многообещающие приготовления, Ермаков, не снимая шлема, сидел у рации. Кончив какие-то расчеты, он принялся вызывать «Хиус». Но эфир молчал. В репродукторе хрипело, выло, каркало. Михаил Антонович не откликнулся. Ермаков выключил аппаратуру, устало стащил колпак и аккуратно повесил его на стену. Быков с удивлением заметил, как потемнело и посуровело лицо командира. Ермаков был чем-то очень сильно обеспокоен. Обеспокоен сейчас, когда пройден такой тяжелый и многотрудный путь, когда осталось только отдать Крутикову приказ и ждать прибытия «Хиуса» на новый ракетодром? Странно... Алексей Петрович ухватился за нижнюю губу.

— Товарищи, предлагаю всем отдохнуть и... — Ермаков замолчал, с удивлением рассматривая веселых друзей; брови его поднялись. — Что это вы затеяли?

— На вечер, данный в честь мою... — упавшим голо-

сом начал Дауге. Выражение лица командира поразило его. — Анатолий Борисович! Ведь сегодня праздник... в известном смысле — завершение...

— Он — новорожденный, Анатолий Борисович! — весело сказал Юрковский, трудясь над бутылкой. — Выпьем по глотку коньяку, поболтаем.

Ермаков посмотрел на него, на смущенного Иоганьча, на braveго Быкова (тот торопливо прикрыл ладонью глупый галстук). Глаза его потеплели.

— Давайте, — сказал он и сложил карту, расстеленную на столике около рации.

Все чинно расселись вокруг салфетки.

— Будет тост? — осведомился Ермаков, принимая из рук Юрковского желтый стаканчик.

— Обязательно, — ответил тот и торжественно произнес: — Сегодня мы празднуем двойное событие! Сегодня родился большой Г. И. Дауге и маленький ракетодром «Урановая Голконда». У обоих большое будущее, оба дороги нашему сердцу. Живите, растите и размножайтесь! Ура-ура-ура!

За стеной посвистывал раскаленный ветер, темный песок намело вокруг «Мальчика». Чужая черная ночь обступила со всех сторон маленький уютный уголок жизни и света.

— Хороший роль-мопс, — сказал Юрковский, сосредоточенно наматывая на вилку аппетитную рыбу тушку. — Очень люблю роль-мопс...

Иоганьч покачал головой и, обратившись к Ермакову, сказал:

— Между прочим, с роль-мопсом у меня произошла любопытнейшая история. Вернее, не с роль-мопсом, а... Представьте Гоби, пустыня, несколько палаток — геологическая экспедиция. На триста километров ни одного жилья, дичь, прелесть. И была у нас, молодых практикантов, бутылочка коньяку и заветная баночка роль-мопса. Ждали мы какого-либо высокоторжественного события, чтобы, значит... — Дауге выразительно щелкнул пальцами. — Ну-с, дождались. Вот как теперь, день рождения одной... одного товарища. Собрались мы у нашей палатки, все практиканты, шесть человек. Откупорили коньяк, нарезали хлеб, помыли руки. Положили все это на футляр для теодолита, и, как сейчас помню, я принялся под

жадными взорами ребят вскрывать вожаденный роль-мопс. Понимаете, все баранина, ветчина... Остренького хотелось — сил нет! И вот, едва я вскрыл...

Дауге сделал паузу. Быков нетерпеливо покашлял и сказал:

— Вскрыл — и что?

— Понимаете, я даже не помню, как это случилось. Я случайно взглянул поверх голов товарищей — они все, конечно, наклонились к банке — и вижу: по склону соседнего бархана ползет, извиваясь, преогромный сизый червяк... Настоящий удав... Весь в этаких кольцах...

— Врешь! — убежденно сказал Юрковский.

— Погодите, Владимир Сергеевич! — сердито остановил его Быков. — Дайте рассказать.

— Не вру, Володя. Это был олгой-хорхой.

— Олгой... кто? — спросил Быков.

— Олгой-хорхой, — повторил Дауге. — Кажется, единственное сухопутное животное на Земле, вооруженное электричеством.

Юрковский сдвинул брови, вспоминая.

— Олгой-хорхой... Кажется, впервые описан в одном из гобийских рассказов Ивана Ефремова полвека назад. Так?

— Так, — согласился Дауге. — Потом выяснилось, что за эти полвека мы были не то трегей, не то четвертой экспедицией, которая видела его.

— И что же случилось? — не утерпел Быков.

Дауге вздохнул:

— Ничего особенного, конечно. Я заорал и вскочил на ноги. Роль-мопс вывалился в песок. Мы побежали в палатку за ружьями, а когда вернулись... — Он развел руками. — Никаких шансов. Электрический червяк скрылся.

— Досталось тебе, наверное, от ребят, — сказал Юрковский и снова потянулся к роль-мопсу.

— Ну нет! До самого конца экспедиции только и было разговоров, что об олгой-хорхое.

— Я вот ничего подобного не видел в пустыне, — заметил Быков.

Дауге объяснил, что олгой-хорхой водится, вероятно, только в самых жарких и пустынных областях монгольской Гоби.

— У меня есть предложение... — сказал Юровский.

— Извините, — прервал его Ермаков. Он поднялся и включил приемник.

Помещение сразу наполнилось свистом и скрежетом. Геологи переглянулись.

— Связи нет? — тревожно спросил Дауге.

— Вторые сутки нет, — тихо ответил Быков, косясь на командира.

Ермаков повернул ручку приемника — скрежет сразу утих.

— Мы отправимся к «Хиусу»... — он поглядел на часы, — через час с лишним. Если, конечно, ничего не изменится...

Межпланетники оторопело поглядели друг на друга.

— Позвольте, — нахмурился Юровский, — а Дымное море?

— Разве мы не пойдем в Дымное море? — с изумлением спросил Дауге.

Командир молчал.

— Потом... ведь Михаил Антонович, как мы договорились, должен привести «Хиус» сюда. Ракетодром готов к приему... Михаил ждет только вашего приказа...

— Нет связи... — глухо сказал Ермаков.

— Подумаешь! — Юровский пожал плечами. — Это бывало и раньше. Подождем...

— ...и тем временем исследуем Дымное море, — подхватил Дауге. — Это называется сочетать полезное с...

Ермаков покачал головой:

— Нет, мы пойдем к «Хиусу».

Он сказал это совсем мягко, и в голосе зазвучали совершенно незнакомые нотки: казалось, командир просит.

— Связь может наладиться, а может и не возобновиться. Мы не должны ждать. Мы обязаны немедленно вернуться к «Хиусу». Воды осталось меньше чем на четверо суток. С завтрашнего дня я сокращаю выдачу.

Юровский вскочил:

— Уходить? Когда дело сделано только наполовину? Ограничиваться жалкими крохами, стоя в двух шагах от сокровищницы тайн и загадок? Нам доверили ответственнейшее дело...

Быков понял, что это — решительный разговор. Он начинался уже не раз — геологи давно и отчаянно настаивали на глубокой разведке Дымного моря. Но Ермаков либо отмалчивался, либо давал ответы настолько неопределенные, что геологи, не в силах преступить законов походной дисциплины, начинали задыхаться от злости, распыряемые громовыми словами.

Правда, Быков не ожидал, что решительный разговор произойдет именно сейчас, когда они так уютно собрались провести два—три часа. Вечер испорчен окончательно... Остается одно — смириться и слушать... И подать голос, если потребуется. А в том, что это потребуется, он был уверен: стоило только поглядеть на эти бледные, осунувшиеся лица. Каждый полон решимости и каждый уверен в своей правоте...

Ермаков прервал Юрковского:

— Считаете ли вы достаточно полными данные о геологии окрестностей Голконды?

— На дальних подступах?.. — Юрковский прищурился.

— Да, на дальних.

— Данные относительно полны, — осторожно проговорил Дауге, — но...

— Вами закончено в первом приближении изучение качественного и количественного состава полезных ископаемых окрестностей Урановой Голконды. — Теперь Ермаков говорил громко и резко. — Вы доказали пригодность окрестностей Голконды для разработок. Собрали основательный материал о природных условиях района. Определили режим радиоактивности. Составили карту местности — геологическую и топографическую. Провели геофизическую разведку недр Венеры в этом районе...

— Но данные расплывчаты и недостаточно полны, — ворвался в речь командира Юрковский. — Имея возможность получить гораздо более точные данные...

— Мы не имеем такой возможности! — отчеканил Ермаков.

— Как так — не имеем?!

— Я уже сказал. Готов повторить. Воды осталось на четверо суток. Связи нет. Положение «Хиуса» на болоте небезопасно. Поход в Дымное море в наших условиях

является авантюрой. Любая серьезная неисправность транспортера может привести к провалу всего дела. Кроме того...

— При чем здесь авантюра, когда речь идет о задании правительства? — Юрковский вскочил. — Нам поручили ответственнойшее дело, а мы выполняем его только наполовину. Это же позор! Когда еще сюда придут люди!..

— Если мы вернемся, они придут скоро, а если останемся здесь — никогда... Или через двадцать лет! Рисковать результатами экспедиции я не намерен.

— Риск! Опять риск! — бушевал Юрковский. — Я не боюсь риска! Говорите что угодно, Анатолий Борисович, но вы не в силах сделать нас трусами! (Ермаков невольно вздрогнул: это были его собственные слова.) Основная задача экспедиции не будет выполнена!

— Не так, — вмешался в спор Быков.

Он неожиданно вспомнил свой разговор с Ермаковым в самом начале перелета и сразу понял причины, заставлявшие командира быть осторожным. Геологи, привыкшие к тому, что Быков обычно не вмешивается в разговоры на эту тему, удивленно воззрились на него. Только Ермаков не шевельнулся.

Быков продолжал:

— Основная задача экспедиции не в этом. Вы плохо помните приказ комитета. Испытание «Хиуса» — вот основная задача.

— Алексей Петрович прав. Наша основная задача — доказать, что только снаряды типа «Хиус» могут решить проблему овладения Венерой. Доказать это! Кроме того, доставить на Землю результаты предварительной разведки. Мы их добыли. Ракетодром создан. Остается главное — вернуться.

Неудачливый именинник принялся с отвращением жевать роль-мопс — видно было, что он сдается.

Юрковский воскликнул с горечью:

— Бросать на полдороге такое дело!

— Лучшее — враг хорошего, Владимир Сергеевич. И потом, мы сделали свое дело...

— Вы не специалист, — дерзко сказал Юрковский.

— Я командир! — Ермаков заиграл желваками и проговорил, сдерживаясь: — Я отвечаю за исход всего дела.

Я мог бы просто приказать, но я выслушал ваши доводы и... считаю их неубедительными. Не будем больше об этом... И, кроме того, если Михаил в течение ближайшего часа свяжется с нами и приведет «Хиус» сюда, я дам вам еще два — три дня...

Вечер был испорчен несомненно. Геологи сели бок о бок и понурили головы. Ермаков снова занялся приемником. Репродуктор выл и надсадно каркал. Бежали минуты. Связи не было. Забытая бутылка одиноко стояла посреди белой салфетки.

«Кр-ра, кр-ра, ти-иу-у, фюи-и...» — затянул приемник. Индикаторы на стене медленно налились красным. Заверещали счетчики радиации.

— Венера приветствует тебя, Иоганыч, — деревянным голосом сообщил Юрковский.

— Ах, боже мой, боже мой!.. — проговорил именинник с невыразимой тоской и принялся ругаться вполголоса по-латышски.

«Фюи-и-и-у-у», — несло из репродуктора.

Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж — не беда...
Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда? —

вдруг негромко пропел Юрковский на мотив знакомой лирической песенки.

— А, это что-то новое! — оживился Дауге. — А дальше?

— Подпевать будешь? — спросил Юрковский немного смущенно.

— Конечно! Давай!

Юрковский повторил, и Дауге ужасным голосом подхватил:

Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда?
Ты слышишь, как чайка рыдает и плачет,
Свинцовую зыбь бороздя, —
Скрываются строгие черные мачты
За серой завесой дождя...
В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит,
Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли,

Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал,
И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал,
И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый теплый, целующий ветер
Далеких прибрежных лесов,
Их ждут берега четырех океанов,
Там плещет чужая вода...
Уходят из гавани Дети Тумана...
Вернутся не скоро... Когда?

— «Вернутся не скоро... Когда?» — задумчиво повторил Дауге. — Молодец, Володя, хорошо...

Разлили и выпили по одной. Юрковский, приуныв, склонил на руки красивую, чуть седую голову. Ермаков о чем-то напряженно думал, ежеминутно механически взглядывая на часы. Быкову стало совсем грустно, он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. В памяти вставали милые сердцу, страшно далекие образы — синее глубокое небо, легкий ласковый теплый ветерок, белые клочки облаков в темной дрожащей лужице... Земля...

Ермаков вдруг поднялся. Совершенно спокойно, не отрывая глаз от циферблата часов, он сказал:

— Извините, я выключу свет. Надо осмотреть окрестности. Помогите мне, Алексей Петрович.

Они поднялись в командирскую башенку. Ермаков погасил свет, развернул дальномер в сторону юга и прильнул к окулярам. Быков нагнулся ко второму дальномеру. Перед его глазами в свинцово-черном круге, расчерченном фосфоресцирующими штрихами, вдруг вспыхнули одна за другой две яркие кроваво-красные звездочки — невысоко над черной бездонной полосой горизонта.

— Отсчет, — неожиданно хриплым голосом проговорил над ухом Ермаков. — Отсчет, Быков! Не зевайте, черт...

Не думая, машинально и торопливо, Быков засек направление на странные вспышки. Красные звездочки потускнели и погасли. Ермаков включил свет в башенке и с лихорадочной поспешностью принялся снимать отсчеты с барабанов своего дальномера.

— Сколько у вас? — быстро спросил он.

— Высота — десять градусов ноль восемь минут, азимут тринадцать градусов двадцать шесть минут... Но что...

— Молчите, Алексей Петрович... — Ермаков записал числа в блокнот. — Молчите. Об этом после...

Быков взялся пальцами за нижнюю губу.

— Свет! — закричал вдруг Юрковский. — Зажгите свет! Дауге опять плохо!..

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ГОЛКОНДЫ

«Мальчик» шел не быстро. По экрану скользили очертания частых скал, каменного хаоса. Отсветы далекого зарева Голконды плясали на белых потрескавшихся плечах огромных валунов.

Даже на такой дороге водитель «Мальчика» мог бы развить вдвое большую скорость, но каждый раз, когда транспортер встряхивало на очередной рытвине, Юрковский в темноте кабины громко стонал, не просыпаясь, и водитель стискивал зубы, словно у него самого мучительно горело тело, усыпанное нарывами.

Сквозь ровный шум двигателя прорывалось приглушенное хрипение приемника; командир не выключал его теперь ни на минуту. За откидным столиком он шуршал бумагами. Толчки должны были сильно мешать ему, но он молчал.

Как все это странно, не похоже на ту картину, которую так часто представлял себе Быков! Закончена разведка, построен ракетодром, торжественно опускается на расчищенную равнину «Хиус», великолепная, замечательная встреча, уютные каюты, добрый, славный Михаил Антонович и — наконец! — домой... И вместо этого: странные вспышки на юге, бешеная гонка по изрытой земле и странно холодное, напряженное лицо командира. Никогда еще Быков не видел его таким... Ну, понятно, рискованно было ждать возобновления связи с «Хиусом», имея на борту тяжело больного Дауге и запас воды всего на трое — четверо суток. Понятно, почему Ермаков решил вернуться к «Хиусу». Но почему такая спешка? Почему такое значение придал командир вспышкам на юге?

Ведь ясно — он ждал их. Неужели это Михаил? Неужели...

— Алексей Петрович, я должен с вами поговорить, — негромко сказал Ермаков.

Быков ответил, не оборачиваясь, — все внимание его поглощала дорога:

— Слушаю вас, Анатолий Борисович.

Рытвина. Толчок. Громко стонет спящий Юрковский.

— Остановите машину.

— Слушаюсь...

Ермаков сидел без шлема за откидным столиком. Голубой мягкий свет падал на карту, на тонкие белые пальцы командира, играющие карандашом.

— Слушайте меня внимательно, Быков. Это очень важно. Две вспышки на юге — вы помните?

— Да.

— Я определил их координаты в предположении, что это сигнальные ракеты...

— «Хиус»?!

— Этого я не знаю. Смотрите...

Это была карта исследованной области. Быков разглядел почти правильное кольцо огромного болота, грязевого кратера, и крестик внутри его — место посадки «Хиуса». Путь «Мальчика» через пустыню и гряду скал к ракетодрому «Голконда-1» был нанесен четким пунктиром. Резко бросалось в глаза чернильно-черное пятно Голконды, окаймленное бледно-серым поясом Дымного моря.

Ермаков указал кончиком карандаша на маленький красный кружок юго-восточнее болота:

— Вот эта точка. Вы видите, это в стороне от болота... Именно отсюда были выпущены ракеты, если, конечно, это были ракеты. Точность определения — пять — семь километров.

— Но как и почему мог перескочить туда «Хиус»?

— Я не говорил, что это «Хиус». Но...

— Что?

Ермаков ссутулился и погладил больную ногу.

— Вот что, Быков. Сейчас мы идем к месту посадки «Хиуса». К болоту. Ракеты могли быть выпущены какой-нибудь экспедицией, знающей, что мы где-то в этом районе. Возможно, это просто автоуправляемая ракета-грузо-

вик с продовольствием. Или там вообще ничего нет. Мы могли видеть атмосферные вспышки... Однако они странно совпадают с нашим условным сигналом.

— Ровно в двадцать ноль-ноль? — спросил Быков.

— В двадцать двенадцать, — холодно уточнил Ермаков.

— А Михаил должен был в случае... должен был сигнализировать ровно в двадцать?

— Да.

Быков отчетливо ощутил в груди холодок нехорошего предчувствия.

— Очень странно оборвалась связь, — продолжал Ермаков, словно размышляя вслух. — Репродуктор загудел, и я почти перестал слышать Крутикова. Но мне показалось, что он окликнул меня как-то... взволнованно. Слишком взволнованно... Потом наступила тишина. И теперь третьи сутки молчит.

Он наклонился к уху Быкова. На мгновение его глаза засветились в сумраке кабины, как у кошки.

— Так или иначе, одну карту я отдаю вам. Спрячьте и держите при себе. Все время держите при себе. Вторая останется у меня, я кладу ее вот сюда, в столик. Что бы ни случилось, держите курс на болото. Не ищите новой дороги. Нам незачем терять время. Держите курс на «Хиус». И только если «Хиуса» на болоте не окажется...

Быков затаил дыхание.

— Впрочем, я надеюсь на лучшее, — закончил Ермаков таким тоном, что Быков понял: командир почти не надеется на лучшее.

Несколько секунд они молчали.

— Вот и все, что я хотел вам сказать. Держите курс на болото! — Ермаков негромко кашлянул и повернулся к приемнику.

«Мальчик», подминая под себя каменное крошево, снова двинулся с места. Быков уже не обращал внимания на стоны Юрковского. Стрелка спидометра поползла за тридцать. Транспортёр набирал скорость.

«Хиус», — думал Быков. — Михаил Антонович... Неужели беда? Неужели планетолет погиб?»

Хрипит несчастный Дауге, запрокинув осунувшееся лицо в пятнах нездорового румянца. Жуткая, непостижимая болезнь. Что это? Не помогают никакие средства.

«Горячка, которая загубила экипаж чешского корабля», — сказал Юрковский. Песчаная горячка. Но почему ею заболел только Иоганыч? Здесь, в «Мальчике», все они были в равных условиях. Правда, там, в скалах, когда они искали пропавшего Богдана, Дауге однажды вылез наружу без скафандра и наглотался пыли... Но... если это песчаная горячка, та самая, то Иоганычу, славному, честному Дауге, будет очень плохо. Ермаков сказал: «Голубое небо лечит все болезни лучше любого врача». Ну, а если они еще не скоро, очень не скоро увидят голубое небо?.. Бедный Иоганыч!

Разболелись глаза. Быков оторвал левую руку от клавиш, осторожно потер набухшие веки.

— Болят? — спросил неожиданно Ермаков.

— Да. Беспокоят...

Ермаков осторожно перебрался на сиденье рядом, глянул на спидометр. Сорок пять километров в час. Мало. Транспортёр подпрыгнул, дробя камень, лязгнул гусеницами. «О черт!» — простонал сзади Юрковский. Стрелка спидометра дрожала уже около семидесяти...

«Мальчик» был недалеко от скалистой гряды, когда Быков заметил впереди на пути движения красные пятна и полосы с мерцающим над ними тяжелым лиловатым паром. Необычайный огненный поток преграждал «Мальчику» дорогу. Быков остановил транспортёр и вполголоса позвал Ермакова. Некоторое время они оба, склонившись над смотровым люком, молча вглядывались в странное явление.

— Попробуем пройти? — спросил наконец Быков.

Ермаков неопределенно помотал головой:

— Нет... Не стоит. Лучше попытаться миновать стороной.

— Что это может быть?

— Не знаю... Подведите машину поближе.

«Мальчик» тихонько прополз метров двести и остановился. На черной почве ярко-красным светом мерцали извилистые полосы. Вдали, за пеленой лиловой дымки, они сливались в сплошное малиновое пятно. Казалось, откуда-то выливается, покрывая пустыню, раскаленная лава. Быков заметил, как медленно, почти неуловимо для

глаза, красное поле приближалось к большому черному валуну. У его подножия оно поднималось, вспучивалось, наползая на камень...

— Оно движется, — пробормотал Ермаков.

Валун исчез под красным шевелящимся тестом.

— Что за черт!

— Выйдем, посмотрим, — решительно предложил Ермаков. Он быстро поднялся и, невольно застонав, снова рухнул в кресло. — Нет, я не ходок... Будите геологов, Алексей Петрович.

Они не сразу покинули транспортер. Чем-то зловещим веяло от этой малиново-красной светящейся массы. Даже Юрковский промолчал, когда Быков проговорил осторожно:

— Можно подойти и исследовать эту штуку манипуляторами...

— Можно, — неуверенно подтвердил Дауге. — Помогите, это не лава...

Ермаков нагнулся и, морщась, пощупал ногу.

— Будьте осторожны. При малейшей опасности возвращайтесь в транспортер. Вы всегда успеете уйти. Оно движется медленно.

Перед дверцей в кессон Быков оглянулся. Ермаков, сутулясь, сидел за пультом, не отрывая глаз от багровой полосы за смотровым люком. Он не надел спецкостюма, и Быков видел в розоватом свете экрана его пальцы, крепко стиснутые в кулаки...

Трепещущая масса двигалась сторонами, охватывая транспортер огромным полукольцом. Длинные рукава, выброшенные вперед, словно ощупывали почву. Мерцающий лиловый туман поднимался над всем этим шевелящимся красным ковром. В наушниках гудела далекая Голконда, раздавался ровный скрипящий шорох: багровый поток волочил за собой камни, осколки валунов.

— Удивительно похоже на живое существо, — пробормотал Дауге.

— Не говори ерунды, Григорий... — сказал Юрковский.

— Это живое существо — посмотри на щупальца: они ищут дорогу среди скал...

— Ничего они не ищут...

Дауге наклонился, поднял булыжник и, сказав: «А ну,

была не была!» — швырнул его в красную массу. Быков, не успевший его остановить, весь собрался, готовый к любым неприятностям. Но ничего не произошло. Камень упал на красную поверхность, подпрыгнул, прокатился немного и остановился, чернея. Вокруг него поднялись струйки розоватого дыма. Потом камень исчез, словно растаял, — красная масса всосала его.

— Температура нормальная, — сообщил Юрковский, рассматривая ручной термометр: — пятьдесят четыре и три. Для этих мест — вполне нормальная. Это не лава.

Они подошли совсем близко. Стена лилового тумана поднималась прямо перед их глазами; еще несколько шагов — и они ступили бы на поразительный малиновый ковер.

— Не стоит дальше, — сказал Быков, — у меня в шлеме счетчик радиации с ума сходит.

— Н-да-а, — протянул Иоганыч останавливаясь. — Радиация усиливается. Эта штука излучает, Володя...

— Вижу, — буркнул Юрковский, опускаясь на корточки и внимательно рассматривая край багрового потока.

Почву покрывала толстая светящаяся пленка — очень тугая на вид, ноздреватая, как губка. Она медленно ползла по земле, местами вспучиваясь, выворачивая камни из песка.

— Толщина — сантиметров пятнадцать, — определил Юрковский, наблюдая, как пленка наползает на острый осколок камня. — Это не живое существо, Гриша! Оно совершенно равнодушно к внешним раздражениям.

— Чудак! — Дауге пожал плечами. — Губка тоже совершенно равнодушна к внешним раздражениям... Это наверняка колония каких-то микросуществ.

— Микросущества... При таком уровне радиации в этом районе? — Юрковский будто думал вслух. — Хотя, конечно, живое может приспособиться к любым условиям. Тем более, эта штука сама излучает... В этом ты прав, Иоганыч. Но как ты докажешь... Давай возьмем пробу — дома рассмотрим.

— Значит, вы думаете, что через это красное поле на «Мальчике» идти можно? — спросил Быков.

Геологи помолчали; потом Дауге сказал:

— Скорее да, чем нет. Во всяком случае, это не лава.

— Так пошли в машину. Ермаков ждет.

— Сейчас, Алексей. Надо только взять образец этой штуки.

Транспортер стоял метрах в ста от них, поблескивая в красном свете. Чернело отверстие распахнутого люка. Малиновая пленка словно обтекала машину — вдали во тьме уже виднелись ее полосы, окутанные лиловатым паром. Пленка охватила «Мальчика» с трех сторон. Быкову стало не по себе.

— Давайте-ка побыстрее, товарищи, — сказал он. — Что-то мне не нравится поведение этого любопытного явления природы.

— Я сейчас сбегаяю за контейнером, подождите минутку... — пробормотал Дауге и шаткой рысцой направился к «Мальчику».

Быков проводил его глазами и, повернувшись к Юрковскому, увидел, что тот старается финским ножом отхватить кусок пленки.

— Не надо, Владимир Сергеевич, зачем? Возьмем эту штуку манипулятором.

Юрковский сердито пыхтел, орудуя клинком. Нож легко входил в упругую массу, но она сразу смыкалась за ним. Геолог, рассвирепев, рвал и кромсал плотный трепещущий студень. Наконец ему удалось отделить толстый красный кусок. Густо повалил светящийся газ. Юрковский выпрямился, откатил кусок ногой подальше — на черном песке ярко засветилось красное пятно. Сзади загремело. Они оглянулись и увидели Дауге, свалившегося с «Мальчика». Он сидел на земле в нелепой позе.

— Эк его... — с досадой произнес Юрковский.

Дауге быстро поднялся и, согнувшись, принялся шарить под ногами — искал что-то. Быков успел заметить, что огненные щупальца уже окружили транспортер, сомкнувшись метрах в трехстах от него. Они образовали почти правильное кольцо.

«Кольцо... — вдруг подумал Быков. — Огненное кольцо... Где я слышал о кольце?»

Дауге уже шел, волоча по земле за ремень металлический бачок-контейнер для радиоактивных образцов. Под мышкой он держал тяжелый щиток.

— Вот дьявол! — изумленно сказал Юрковский.

Быков поглядел под ноги и увидел, что отрубленный кусок пленки расплылся звездой, выбросив длинные тон-

кие отростки в сторону красного ковра. И вдруг он вспомнил: «Красное кольцо! Берегись Красного кольца! Загада-ка Тахмасиба...»

В это мгновение почва содрогнулась. Быков потерял равновесие и чуть не упал. Он увидел, как, роняя все из рук, повалился на землю Дауге, как Юрковский, пытаясь подняться, встал на четвереньки.

В черном небе вспыхнула ослепительная бело-синяя зарница. Второй толчок швырнул Быкова на землю. Под ногами оглушительно треснуло. Кругом загрохотало.

— А-а-а! — еле слышно среди ужасного шума закричал Юрковский.

Быков, судорожно цепляясь за неровности почвы, увидел, как раскрылась земля рядом с «Мальчиком», и взметнулся столб огня. В пылающем мареве видно было, как бешено закрутились гусеницы вздыбленного транспортера, как поднялся и снова упал ничком Иоганых. Нестерпимый жар охватил Быкова, проник сквозь силикетовую ткань костюма. Почти теряя сознание, Быков поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие, сделал несколько неверных шагов к перекошенному транспортеру и снова упал — почва ушла из-под ног. Грохот мгновенно стих. Сквозь пот, заливающий глаза, Быков увидел, как медленно наливается тускло-красным, пепельно-красным светом дрожащая потрескавшаяся земля, как оседает в плавающий песок раскаленный докрасна транспортер.

— А-а-а! — кричал сзади Юрковский.

Стиснув зубы, преодолевая нахлынувшую слабость, Быков заставил себя поползти на этот жалобный крик. Он увидел черные, словно обугленные руки Юрковского, тянущиеся к нему. И он нашел еще в себе силы, чтобы вцепиться в них, упереться в землю и оттащить геолога подальше от малиновой трясины.

Потом он все-таки потерял сознание, но, видимо, ненадолго, потому что, придя в себя, обнаружил, что Юрковский лежит рядом с ним, неловко подогнув под себя руки, что раскаленная почва вокруг «Мальчика» еще не успела потемнеть и транспортер стоит, сильно накренившись, глубоко уйдя в оплавленную землю, и пластмассовая броня на нем дымится, становясь серой и быстро темнея.

Ослепительные сине-белые полосы в небе погасли.

В ушах стоял непрерывный пронзительный звон, и Быков не сразу понял, что это — счетчик излучения. «Десятки, сотни рентген», — мелькнула в мозгу и исчезла мимолетная мысль. Он поднялся на ноги, подхватил под мышки неподвижного Юрковского (тот бессильно обвис в его руках) и потащил его к «Мальчику», подальше от пузырящейся, окутанной розовым паром красной пленки. Шагов через сорок он наткнулся на Дауге. Иоганыч лежал на спине, вцепившись скрюченными пальцами в ткань спеckкостюма на груди. Положив Юрковского рядом, Быков нагнулся к другу. Дауге был без сознания, дышал часто, с хрипом. Нижняя часть его спеckкостюма висела лохмотьями. Алексей торопливо, трясущимися пальцами открыл кислородный кран, снял ремень с автомата, туго перетянул неподвижное тело вокруг пояса, чтобы прекратить доступ раскаленного, бедного кислородом и насыщенного активной пылью воздуха извне. Дауге застонал, со всхлипом втянул в себя живительный газ. Юровский очнулся сам. Он затрепетал, приходя в себя, быстрым движением поднялся, сел. Дауге продолжал тяжело хрипеть.

— «Мальчик»... Анатолий Борисович... — пробормотал Юровский. — Скорее...

Быков помог ему подняться, и они оба, шатаясь, направились к остывающей в сотне метров от них громаде транспортера. Перебрались через широкую чернеющую трещину, побежали. Юровский первым полез в люк, но сорвался.

Быков оттолкнул его и полез сам.

Люк сильно оплавился, стал овальным. Броня была еще раскалена, жар проникал под спеckкостюм, нестерпимо обжигая. В темном кессоне Быков напрасно шарил выключатель и, не найдя, зажег фонарик на шлеме. Кессонную дверь открыть не удавалось.

— Анатолий Борисович! Товарищ Ермаков! — в отчаянии позвал он и вдруг понял: бесполезно. Командир погиб.

Температура взрыва была слишком высока, все оплавилось. «Мальчик» некоторое время был раскален добела, а Ермаков, когда они уходили, был без шлема. Там, внутри транспортера, все сгорело. Все — и командир тоже... Конец...

Толчок швырнул Быкова на землю.

— Люк, люк, скорее, какого черта! — Юрковский вполз в кесон, кинулся к внутреннему люку, толкнул.

Он навалился всем телом, и Быков присоединился к нему. Напрасно! Юрковский яростно забарабанил кулаками.

— Резать надо... — прохрипел Быков.

— Чем, Петрович? Давай в запасной люк, давай!..

Быков выпрыгнул наружу. Второй запасной люк, которым никогда не пользовались, находился в корме транспортера. Но, обогнув машину, он понял, что все погибло. «Мальчик» сильно осел в размякшую от температуры почву и вплавился в нее. Люк оказался ниже уровня твердой, спекшейся корки, и добраться к нему было невозможно. «Мальчик» превратился в мертвую крепость, неприступную для оставшихся в живых. Ермаков отрезан от мира и мертв. Мертв! Командир мертв!

Быков устало опустился на пышущую жаром, исковерканную землю, поднес руки к лицу. Пальцы его уткнулись в гладкий колпак шлема...

Иоганыча подтащили к «Мальчику», уложили поудобнее. Быкову пришлось прежде потратить несколько минут на то, чтобы привести Юрковского в себя. Геолог ходил вокруг мертвого транспортера, ничего не слыша, не отвечая, не замечая. Быков схватил его за плечи, сильно встряхнул, и тогда тот опомнился и послушно пошел за ним.

Дауге все еще не приходил в сознание. Не было лекарств, бинтов. Нечем было закрыть обожженные ноги друга. Нельзя было даже снять с него шлем и напоить водой — температура воздуха после взрыва была еще слишком высока, более 80 градусов. Юрковский и Алексей Петрович молча перекладывали Иоганыча, рылись в вещевых мешках, обматывая израненные ноги тряпками. Они пытались делать ему искусственное дыхание, сами не зная зачем, лохмотьями костюма укрывали от обжигающего ветра обнаженное тело. Быков поминутно смотрел на ручной термометр, но температура понижалась медленно.

— Умрет, — проговорил Юрковский. — Ожог второй степени. Плохо...

— Молчи! — взревел Быков, приходя в ярость.

— Алексей! Она ползет, — пробормотал Юрковский, как в бреду. — Смотри, ползет...

— Что? — Алексей Петрович оглянулся и сразу понял.

Вокруг «Мальчика» медленно, но заметно смыкалось кольцо красной пленки. Багровая масса наползала со всех сторон, подбираясь к центру страшного подземного взрыва, который сжег «Мальчика», и где сейчас громоздились глыбы вывороченного оплавившегося камня. Над глубокой черной воронкой поднимались клубы дыма.

— Захлестнет, — продолжал Юрковский. — Сомнет, раздавит... Уходить надо.

— Куда? — Быков обвел глазами горизонт: со всех сторон наползала малиновая пелена.

Юрковский тяжело поднялся, склонился к Дауге, взял его осторожно под плечи:

— Берись, Алексей... Запремся в «Мальчике». Может быть, отсидимся...

Иоганыч жалобно застонал, когда они протискивали его через узкий люк. В кессоне было еще очень жарко, гораздо жарче, чем снаружи.

— Господи! — сказал с отчаянием Алексей Петрович, глянув на термометр. — Девяносто!

Он лег на раскаленный пол, втащил Дауге на себя. Юрковский торопливо задраивал люк. Ничего не получилось: и отверстие люка и крышка потеряли свою первоначальную форму. Он кое-как закрепил тяжелый горячий кусок пластмассовой брони, выглянул в щель:

— Сейчас ползет на танк... Оно не обходит препятствий — перебирается поверху... Посмотрим.

Он отошел от щели, присел где-то в темноте. Алексей Петрович молчал, прислушиваясь к шорохам снаружи, к хрипению Дауге, чувствуя, как нестерпимый жар гложет спину. Они обречены. «Мальчик» погиб, нет еды, кислорода, воды... Иоганыч плох, очень плох. Что сделать для него? Хоть что-нибудь, хоть бесполезное, если ничего другого не остается...

«Мальчик» дрогнул, красный свет, пробивающийся сквозь щели люка, стал ярче. Раздался скрип, скрежет — красная пленка наползала на изувеченный транспортер...

Через полчаса температура упала до шестидесяти градусов, и Алексей Петрович, осторожно стащив с Дауге

гладкий колпак, влил ему в полуоткрытый рот глоток апельсинового сока. Иоганыч поперхнулся, открыл глаза, полные страдания. Быков погладил его по небритой щеке и снова надел шлем.

— Где мы?

— В «Мальчике», Иоганыч, дружок... Ты ранен.

— Больно как... Ноги... Что случилось, почему темно? Почему не двигаемся?..

— Был взрыв, Иоганыч, — ответил Юрковский и замолчал: не хватило сил сказать все до конца.

— Да... взрыв... Помню. Меня бросило на землю и обожгло... Владимир, ты понимаешь, что это?.. Под землей взорвался атомный котел... Помнишь, мы... спорили... об этом... Не повезло... Как раз под нами...

Дауге быстро, прерывисто задышал. Алексей Петрович до отказа повернул кран подачи кислорода.

— Хорошо, хорошо... Еще... — Дауге дышал глубоко, жадно. — Где Ермаков? Что вы молчите? Алексей! Что случилось?..

— «Мальчик» погиб, Гриша... — Юрковский помолчал, затем медленно договорил все: — Ермаков погиб...

Дауге всхлипнул и снова потерял сознание. «Мальчик» вздрагивал, скрипело что-то по броне, щели неплотно закрытого люка светились красным. Юрковский вдруг заговорил негромко:

— Гриша, Гришка, очнись... Мы уйдем отсюда... Понесем тебя на руках... Гриша!

Дауге вздрагивал, в бреду звал Машу, плакал.

Быков взял в ладони его бессильную голову в шлеме, прижал к себе. Дауге умолк.

— Умер? — чужим голосом спросил Юрковский.

Быков скрипнул зубами:

— Нет, Дауге не умер. Мы понесем его, понял? Пока живы...

— Понесем...

Юрковский подошел к люку, прижался к нему и еле слышно проговорил:

— Шесть лет вместе... Луна, марсианские пустыни... Шесть лет...

Он распахнул люк резким, неожиданно сильным движением. Вокруг была ночь, тьма... Далеко-далеко, содро-

гаясь от собственной мощи, грохотала Урановая Голконда, поднимая над горизонтом дымное, пронизанное огнем вспышек зарево...

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ШАГОВ

Их осталось трое.

Дауге не приходил в сознание. Быков и Юрковский с трудом извлекли его наружу и некоторое время стояли неподвижно, не в силах покинуть страшное место. Привычно подрагивала земля. Красная пленка исчезла. Они еще успели заметить остатки красного ковра над воронкой на месте подземного взрыва, метрах в двадцати от «Мальчика»: пленка жадно и торопливо втягивалась в бездонную дыру, медленно гасло лиловое сияние. Стало темнее. Быков поднял было автомат для последнего привета, но опустил, раздумав. Оставалась только одна сигнальная обойма — шестьдесят патронов, — а впереди сто километров пути по песчаной пустыне, по ущелью, по болоту... Сто километров, сто тысяч метров, сто пятьдесят тысяч шагов, и каждый из них грозит неведомым.

— Салют! — хрипло потребовал Юрковский, и Быков, вскинув автомат, дал короткую, скупую очередь...

Из обрезков селено-цериевой ткани, найденных в кессоне, они соорудили нечто вроде носилок и уложили на них Дауге. Прочная, хорошая ткань; ее еще хватило и на то, чтобы обмотать Иоганыча с ног до шеи.

Теперь они шли, согнувшись под упругим тяжелым ветром, в крошечной тьме, изредка озаряемой холодными голубыми зарницами. В такие моменты Быков видел перед собой шлем Дауге на носилках и черную шатающуюся спину Юрковского впереди, мертвые пески, низкие тяжелые тучи с яркими прожилками света. Зарница медленно гасла, и снова — тьма, вязкий песок под ногами, вой ветра в наушниках...

Они не говорили друг с другом. Дышать было тяжело, потому что они берегли сжиженный кислород и дышали наружным воздухом, пропущенным через кислородный фильтр. Этот воздух был горяч и беден кислородом, он душил, заставлял судорожно зевать, жадно раскрывать сухой рот...

Жажда! Кажется, будто глотка забита песком и пылью, а язык — тяжелый, сухой ворочающийся камень. А здесь, у самого рта — стоит только протянуть губы, — холодный лимонный сок... кисловатый, душистый... Надо только чуть нагнуть голову... взять в пересохшие губы прохладный эбонитовый наконечник... потянуть в себя... Быков даже чувствует, как его зубы сжимают гладкий эбонит... Чуть-чуть... Глоток, только один глоток... Увлажнить язык...

Нельзя! Надо сделать сто пятьдесят тысяч шагов. Осталось еще не меньше ста тысяч... и Гриша... Быков облизывает губы. Вот в пяти сантиметрах от лица черный прохладный наконечник...

Ну, по сути-то дела, зачем все это? Идти, мучиться... Дело сделано. Далеко позади зарево Голконды пляшет отсветами на гладкой стали башенок маяков. Скоро — может быть, очень скоро — здесь опустятся планетолеты, и бодрые, веселые люди начнут настоящий штурм. Сильные, здоровые, пьющие много свежего, прохладного лимонного сока. И Голконда сдастся. Это уже не зависит от двух измотанных теней в силикетовых костюмах. Что мешает им упасть, напиться вволю холодной влаги и заснуть в песке?

Это так... Хорошо бы лечь, вытянуть обессиленные ноги, напиться и заснуть. Пусть черный ветер намечает над ними песчаный холмик... А для начала снять с шеи автомат. Да ну его к черту! Зачем он здесь нужен, в мертвых песках? Тут уже давно все вымерло: всякому ясно, что лучше всего в этой пустыне лечь, напиться вволю — есть еще больше полулитра сока в термосе! — и подождать, пока тебя занесет песком.

Правда, впереди болото, там нельзя без оружия. И там сидит в «Хиусе» Михаил Антонович. Он будет ждать, будет мучиться бессонницей, часами сидеть у радиоприборов. Он не улетит без них, не улетит, пока не дожидется хоть какой-нибудь вести... может быть, даже сам пойдет искать их, нарушая все инструкции. Он ведь не знает, что здесь нельзя жить, если нет большого, очень большого количества свежей, прохладной влаги...

Лечь нельзя! Гришу надо донести. Михаил Антонович ждет. И Краюхин ждет, и Махов, и тот хлоднокровный инженер с «Циолковского», и девушка в Ашхабаде...

И все люди, вся милая далекая планета. Будет очень нехорошо, если они лягут здесь и заснут... Можно дойти, можно, можно... «Не хочется — надо!» — говаривал Иоганыч.

...Они идут уже более суток по песку, который засасывает ноги, а ветер дует с такой силой, что трудно не упасть. А ели они за последние двое суток один раз. И пили тоже только один раз. Юрковский падает, роняет Дауге. Быков старается ему помочь. «К черту!» — хрипит геолог. Как так «к черту», если они не могут не дойти? Если осталось всего только сто тысяч шагов... или немного больше... Быков садится рядом и ждет. Но ждать нельзя! Время — это вода, а вода — это жизнь. Быков толкает Юрковского. Тот мычит.

— Пошли, пошли, Владимир Сергеевич! Ерунда осталась!

Юрковский в ответ мычит и не двигается. Тогда Быков наклоняется к нему, ощупью находит кислородный кран, отворачивает на несколько секунд. Юрковский жадно дышит, потом медленно, шатаясь, встает. Алексей Петрович помогает ему...

Они идут четвертые сутки. Первые сутки — пустыня, и Юрковский впервые упал и не хотел вставать. Быков давал ему кислород. Вторые сутки... ммм... вторые сутки? А, это когда он чуть не провалился в воронку с зыбучим песком и Юрковский его еле вытащил. Они еще долго, около часу, отдыхали на этом месте и пили сок. И Гриша как будто легче дышал, хотя так и не пришел в сознание... Хороший день... А вот третьи сутки? Да, когда руки онемели, отнялись, стали бесчувственными. Носилок не поднимать, не удерживать. Гриша стал втрое, впятеро тяжелее... И они сделали петли и повесили носилки на шею. А потом, пока они спали, вокруг намело песчаную насыпь. И сегодня, когда начинали поход, тоже намело. Юрковского и Дауге пришлось откапывать... Правильно — трое суток! А в сутки они проходят в среднем тридцать тысяч шагов. У Быкова есть шагомер. Пройдено сто тысяч шагов, а всего — сто пятьдесят. Значит, осталось только пятьдесят тысяч.

Сегодня осмотрели ожоги Дауге — кожа слезла, кро-

воточащие язвы... Быков перевязывает ему ноги как умеет. Затем Быков снимает с Юрковского вещевой мешок, в котором лежат термосы Дауге. Ему кажется, что Юрковский два раза тайком пил...

Быков тащит все на себе. Юрковский снова упал — голубая зарница роняет неверный дрожащий свет на черное распростертое тело.

— Вставай!

— Нет...

— Вставай, говорю!

— Не могу...

— Встать! Убью! — напрягаясь, орет Быков.

— Оставь меня и Гришу! — злобно хрипит Юрковский. — Иди один.

Но он все-таки встает.

Быков сквозь полусомкнутые от усталости веки видит свою длинную неуклюжую тень — она шатается и дергается. Ветер меняет направление — теперь он дует в спину, он помогает идти, и, когда затихает, тело кажется невыносимо отяжелевшим. Хорошо еще, что нет Черной бури... Юрковский падает снова, лежит неподвижно, погрузив пальцы в крупный песок. Медленно тает заря на севере.

— Встать!

Во время привала Быков, измотанный и обессиленный, заснул, оставив Юрковского на часах. За четвертые сутки они прошли не больше двенадцати тысяч шагов, и, пока Быков спал, Юрковский снял с себя термосы с остатками жидкого шоколада и лимонада, снял баллон с кислородом, сложил все это аккуратно на полупустой мешок рядом с носилками и, кое-как нацепив шлем, уполз в ночь умирать в песках. Быков проснулся как раз вовремя. Он отыскал геолога в тот момент, когда тот, чувствуя, что у него не хватает сил отползти далеко, стаскивал и не мог стащить с себя зацепившийся за что-то шлем. Быков взвалил Юрковского на плечо — оба не сказали ни слова, — отнес к месту привала, помог укрепить шлем и поставить все баллоны и потом сказал:

— Я хочу спать, я очень устал. Дай слово, что во время сна ты не удерешь...

Юрковский молчал.

— Я очень хочу спать, очень... Ты не даешь мне заснуть, Володя...

Юрковский молчал упрямо, только с ненавистью сопел в микрофон.

— Дай мне заснуть, Володя!.. Мы поговорим обо всем, когда я проснусь. Прошу, Владимир Сергеевич...

— Ладно, — вдруг сказал Юрковский. — Спи, Алексей, все в порядке...

Быков хотел сказать что-нибудь ободряющее, но не успел — заснул.

Небо опять окутано багровыми тучами. Дует сильный ветер с севера, он помогает идти. Тучи принесло со стороны Голконды, пока Быков спал. На горизонте мотаются змеистые тени смерчей — все так же, как три недели назад, когда «Мальчик» резво мчался наперерез ветру к Урановой Голконде, навстречу гибели. Теперь «Мальчик» мертво застыл, вплавившись в остекленевший песок, могучий, огромный — дымной брони памятник Великого похода. Вечным сном заснул его командир; где-то в скалах нашел свою странную смерть Богдан Спицын... Но поход еще не кончен. Не кончен!

Каждый раз, просыпаясь после мучительного сна, Быков люто ненавидел Юрковского. Геолог больше не мог нести носилки. Он все время падал и ронял Дауге. Он еще раз пытался бежать в пески. Но Юрковского терять нельзя! С ним будут потеряны драгоценные знания — знания человека, изучившего подступы к Голконде. Он должен прийти — этот смельчак, поэт и «пижон», он даст людям Голконду, сказочные песчаные равнины, где песок дороже золота, дороже платины...

Быков с трудом поднимается на ноги. Он открывает кран подачи кислорода; жадно глотая, торопливо считает до десяти. Это необходимая порция, иначе ноги просто не пойдут. Медленно опускается на колени и, кряхтя, взваливает на плечи вялое тело Дауге. Юрковский остается сидеть на песке — ветер за несколько часов намел около него маленькую черную насыпь.

— Знаете, Быков, это не годится... — Голос сиплый, но спокойный. — Так я не согласен...

Быкову хочется разорвать его пополам, но нет сил, а потому — с грозной хрипотцой в ржавом голосе:

— Разговорчики!.. Встать!

— Оставьте нас. К чему вам себя мучить? И сами погибнете, и...

— Не твое дело! Встать! Вперед!

Юрковский колеблется.

— Ты что? Венец героя приобрести хочешь?.. Мученика? Врешь! Я тебя гнать вперед буду, пока сам не свалюсь! А свалюсь — сам поползешь дальше! Понял?! Вставай!

И Юрковский встает. Славный, хороший парень! Наш, советский, хоть и с загибами... После пятого километра Быков перестает его ненавидеть, а после десятого начинает любить, как брата. Молчит, сукин сын, ни слова, ни жалобы — а у самого волосы выпадают, кожа в трещинах, и лицо чернее пустыни. Шатается... Друг ты мой милый, мы дойдем, обязательно дойдем! Смотри, еще десять километров оттопали. Вперед, вперед!.. Шаг, два, три...

Юрковский бормочет:

— Слушай, Алексей... На случай, если я все-таки не дойду... О загадке Тахмасиба, о Красном кольце... Я думаю... я уверен... Это бактерии. Колонии бактерий. Но не наших бактерий. Другая жизнь... неорганическая жизнь. Живут за счет излучений. Поглощают радиоактивные излучения и живут за счет их энергии... Слышишь, Быков?

Да-да, он слышит. «Бактерии и излучения...»

— Они собираются вокруг места, где должен произойти атомный взрыв, — продолжает Юрковский. — Собираются в кольцо... Красное кольцо... и ждут. «Мальчик» попал на такое место. И под ним взрыв. Подземный атомный взрыв. А они чувствуют, где должен быть взрыв, собираются и ждут... Продукты распада очень активны... они лакомятся... Слышишь? Я почти уверен...

Да, Быков слышит. Он идет вдоль каменистой гряды и все слышит. Где же, наконец, ущелье? Должно быть где-то здесь... Вода...

— Передай всем, чтобы опасались Красного кольца. Где Красное кольцо, там подземный взрыв. Передашь? Ты слышишь?

— Да-да, передам... Сам передашь!..

Шаг, два... десять... пятнадцать...

На шестые сутки они подошли к ущелью. Вход нашли не сразу. Быков, оставив Юрковского и Дауге около каменной стены, долго бродил в поисках прохода. Черный провал зарос колючками, выглядел зловеще в красном свете огненного неба. Быков вернулся к Юрковскому, взвалил Дауге на себя, пошел вдоль стены и свалился у самого входа в ущелье. Сознание скользило, налетало и исчезало, как порывы ветра, и сквозь клубящуюся муть он слышал, как Юрковский хрипло выкрикивал, глотая слова:

— Подлая! Мы еще вернемся... Придем сюда! За смерть нашу, за муки... отплатишь! Проклятая планета!.. Будешь работать на нас, на людей Земли, давать свет, жизнь... Закуем в сталь, в бетон! Будешь работать!

— Довольно, — сказал Быков и поднялся, опираясь о морщинистый камень...

Нет, идти больше нельзя. Зато можно ползти. Ползти на четвереньках и тащить за собою Дауге. Это гораздо легче, чем нести его на спине. Юрковский тоже ползет...

Быков останавливается, включает фонарик и оглядывается. Юрковский здесь. Лежит позади неподвижного тела Иоганыча, упираясь растопыренными локтями в песок, глядит слепым полушарием шлема. Они связаны ремнем, снятым с вещевого мешка. За этим ремнем надо следить: один раз он уже развязался, и Быков уполз далеко вперед. Пришлось возвращаться и искать Юрковского, который беспомощно крутился посреди ущелья. Кажется, он ослеп. Но, когда держится за ремень, не отстает...

Вот следы «Мальчика» — почерневшие, сморщенные ветви-плети, вырванные вместе с глыбами камня из скалы. Ущелье снова заросло, но пробраться можно. Осталось всего несколько тысяч шагов...

Быков садится, подтягивает под себя онемевшие ноги. Кожа на коленях стерлась совершенно, но боль почему-то не чувствуется. И очень хорошо.

— Там наше болото, Володя. Чепуха осталась. Давай!

— Давай! — говорит Юрковский.

— Ну, вперед, значит? — спрашивает Быков.

— Вперед! — отвечает Юрковский.

...На болоте шевелились в светящемся тумане джунгли чудовищных белесых растений. Они росли очень густо, и приходилось протискиваться между их толстыми скользкими стволами. Трясина чмокала, чавкала, засасывала грязной мокрой пастью. Перед последним решающим броском устроили длительный привал, и Быков извлек драгоценный заветный термос Дауге — их последнюю надежду и опору. В термосе почти два литра апельсинового сока, и Юрковский даже беззвучно засмеялся, когда шероховатый черный баллончик повис в луче фонарика. Быков разрешил Юрковскому и себе выпить по пяти глотков жизни и влил в запекшийся рот Дауге целый стакан. Потом они спали по очереди три часа и выпили еще по пяти глотков...

Потом Быкова с Дауге на плечах засосала трясина, и Юрковский выволок их на поверхность. И самое удивительное заключалось в том, что они сразу нашли место, где месяц назад совершил посадку «Хиус».

Но... «Хиуса» здесь не было...

На его месте — широкая, метров шестьдесят в диаметре, лужайка, покрытая прочной асфальтовой коркой. От центра ее разбегались длинные трещины, сквозь которые пробивалась буйная поросль больших белесых растений с толстыми скользкими стволами...

«ХИУС» ВЕРЗУС ВЕНУС»¹

Больше всего на свете Михаил Антонович любил сидеть в садике своей дачи на Алтае, где под большой густо-зеленой ольхой специально для него был установлен небольшой столик, и, обложившись книгами, работать — неторопливо, со вкусом, методично. Его интересовали некоторые вопросы теоретического звездоплавания, и с давних пор лелеял он мечту написать небольшую, но содержательную книгу, систематизирующую все основные достижения в этой области за последние двадцать лет.

По специальности он был математик, кончил математико-механический факультет университета в Ленинграде и первое время работал при Институте космогации. Работу свою очень любил, ему доставляло величайшее наслаждение следить за тем, как из-под пера возникают

¹ Versus Venus — против Венеры (лат.).

строчки почти всегда очень сложных, но, как правило, изящных, красивых формул, полных глубокого смысла. Работник он был прекрасный, ошибался редко.

Незаметно для себя он увлекся математическими проблемами автоматического управления новых тогда импульсных ракет на атомном горючем. И это определило его дальнейшую судьбу. Напористый Краюхин вовлек его в сферу своей обширной деятельности, заставил закончить школу штурманов-межпланетчиков и в числе первых направил в пробные полеты за пояс астероидов. Это случилось около пятнадцати лет назад.

Михаил Антонович побывал и на Луне, и на Марсе, и даже в поясе астероидов, стал великолепным штурманом, испытал множество приключений, повидал такое, что и присниться не могло бы научному сотруднику Института космогании, работавшему в области прикладной математики. Но все же больше всего на свете ему нравилось сидеть в тени развесистого дерева, копаться в толстых книгах с шершавыми обложками, покрывать белые листы изящными строчками математической тайнописи и бессознательно прислушиваться к шелесту листвы над головой, когда ослепительное солнце неподвижно висит в чистейшей голубизне. Подувает ласковый теплый ветерок. под столом стынет в ведерке с искусственным льдом бутылочка нарзана, в кустах смородины жена с дочкой собирают ягоды для домашнего варенья, а сынишка — парень удивительно бедовый — уселся, конечно, возле муравьиной кучи и громким лепетом выражает свое глубокое изумление... Небо чистое, безоблачное, синее, и стрекоза с радужными крыльями ползет по краю голубой чашки... Хорошо!

Простившись с товарищами, Михаил Антонович долго еще стоял в кессоне, опершись локтями о край распахнутого люка, и следил, как гаснут в клубящемся тумане огоньки на корме «Мальчика», уходящего в болотные джунгли. Они исчезли, и сразу стало темнее — штурман «Хиуса» остался один.

Прошли сутки, и над болотами слабо засветился тусклый день. Мрак стал розоватым. Но по-прежнему кругом стоял болотный туман. Липкий, осязаемо плотный, он мягкими, бесшумными волнами поднимался над бурлящей поверхностью грязевого кратера, тяжелой пеленой

навис над планетолетом, густыми клубами обволакивал белесые остовы гигантских растений — тускло окрашенных грибов, зыбко трепещущих росянок и еще каких-то — бесцветных, причудливо искривленных, изломанных. В красноватом сумраке их стебли то появлялись, то исчезали, и казалось, что они, как во сне, плывут, плывут и никак не могут уплыть и исчезнуть. Иногда накрапывал теплый дождь, мгла сгущалась, и ворчливое бульканье горячих источников заглушалось однообразным шелестом падающих капель.

Михаил Антонович осмотрел весь планетолет, сменил несколько приборов, пострадавших при посадке, проверил исправность аппаратуры, тщательно прибрал каюты товарищей. Из-под подушки Дауге выпала пачка голубоватых листков с красным обрезом — письма, отпечатанные на машинке. Письма от Марии Сергеевны. Михаил Антонович аккуратно сложил их, спрятал в столик. В каюте Юрковского валялась толстая тетрадь в черном кожаном переплете. Михаил Антонович узнал ее — туда Володя вписывал свои стихи вот уже несколько лет. Исчирканные страницы пестрели изображениями фрегатов и гордыми профилями с однообразно горбатыми носами. Последнее стихотворение начиналось так:

Милая! Спутница осени серой!
Ты не забыла? Ты помнишь? Ты ждешь?

И, хотя все четыре строфы (в том же духе) были жирно зачеркнуты и снабжены решительным комментарием самого автора (самое корректное выражение в этом комментарии было «дрянь, слюняйство»), Михаил Антонович вздохнул, присел на край постели, пробежал несколько строк и засунул тетрадь в карман комбинезона — почитать на сон грядущий. Юрковский никогда не делал тайны из своих стихов, тем более для ближайших друзей.

Первые сутки связь держалась плохо, приемник молчал, и понапрасну Михаил Антонович часами просиживал перед микрофоном, крутя ручку вариометра и бормоча с надеждой:

— «Мальчик», «Мальчик»... Я «Хиус»! Отвечайте. Почему не отвечаете? «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас...

«Мальчик» не откликался, но эфир однажды донес до «Хиуса» таинственные сигналы: три точки тире точка, три точки тире точка... Потрясенный штурман тщетно пытался связаться с неизвестным, терпящим бедствие, и только много дней спустя Ермаков объяснил ему, что это — пеленги погибшего Бондепадхая.

Когда наконец сквозь шорохи, завывания и треск в эфире в репродукторе зазвучал спокойный, размеренный голос Ермакова, Михаил Антонович возликовал, как ребенок. С этого момента связь наладилась. Командир сообщил, что все в порядке. Цель достигнута. Голконда сопротивляется всеми адскими средствами, но все-таки исследования идут успешно. Геологи работают круглые сутки, собрали много материала, Спицын и Быков помогают чем могут.

— Так-так... — говорил Михаил Антонович, радостно кивая головой. — Привет им, Анатолий Борисович, привет им передайте!

Экипаж «Мальчика» теперь так занят исследованиями, что чаще всего с Михаилом Антоновичем будет говорить Ермаков. Он повредил слегка ногу — не может поэтому принимать участия в наружных работах.

— А-яй! — волновался Михаил Антонович. — Как же это вы? Как неосторожно!..

Иногда со штурманом говорил Алексей Петрович. По его словам, Богдану в свое дежурство никак не удавалось соединиться с «Хиусом». Какое невезение! Михаил Антонович сокрушался, просил передать ему особый привет: он очень любил Богдана, больше всех. Старые друзья! Пятнадцать лет — не шутка!

Но часто эфир молчал, только трещали электрические разряды в беспокойной атмосфере. Угнетали тоска и одиночество. Очень трудно, когда не с кем поговорить, посмеяться, поспорить. Даже обедать одному как-то то-скливо — кусок в рот не лезет. Михаил Антонович пытался работать, но не мог написать ни строчки. Пытался читать. Сначала это увлекло его, в библиотеке «Хиуса» было много хороших новых книг, а Михаилу Антоновичу редко приходилось читать беллетристику за последние несколько лет — работа отнимала все время, даже свободное. Но это увлечение продлилось недолго: мешали мысли о друзьях, о семье...

Тоска выгнала его наружу. Однажды, нарушая строжайший приказ командира, запретившего покидать планетолет без совершенно особой необходимости, он взял автомат и вылез из открытого люка в клубящийся туман. Более часа бродил он по хвощевым джунглям, пугливо озираясь при каждом вздохе трясины, собрал в коллекторский контейнер несколько любопытных образцов местной флоры — обломки белесых водорослей, круглые фосфоресцирующие шляпки молодых грибов, набрал в специальную баночку омерзительного на вид ила. Потом потерял все это, когда, провалившись в трясины, пытался выбраться, хватаясь за скользкие непрочные стебли гигантских растений. Выкарабкавшись и утопив автомат, безоружный, он долго искал в красноватом тумане потерянный планетолет. После всего этого он зарекся покидать свое убежище, ограничиваясь тем, что можно было увидеть и услышать с порога «Хиуса». И, сказать по правде, в новых впечатлениях недостатка не было...

Однажды что-то грузное, с тускло блестящей кожей, тяжело отдуваясь и хрипя, выползло из трясины, уткнувшись на замершего штурмана гнусными белыми бельмами. Опомнившись, Михаил Антонович потянулся за оружием, но странный гость уже исчез, растворился в тумане. Огромные лиловые слизняки ползали по броне планетоleta, тяжело падали, зарывались в ил. Над головой иногда парили в красноватой мгле какие-то широкие тени. Плотоядное растение разрывало на части отчаянно бьющуюся гигантскую гусеницу; кто-то кричал во мгле хриплым, надрывным криком; в тумане как бы по воздуху проплывала вереница сцепившихся волосатых клубков — шевелились трепещущие клейкие нити, огромная цепь казалась бесконечной. Михаил Антонович, задрав люк, ушел спать, так и не увидев хвоста чудовища. Как-то, когда он дремал возле приборов, планетолет слегка качнуло. Он проснулся и выбрался из люка — посмотреть. Рядом с планетолетом чернели широкие овальные ямы, быстро наполняющиеся мутной жижей: какое-то чудовище прошло мимо, задев планетолет и оставив эти громадные следы и широкую просеку в колышущейся стене джунглей.

Проведя в кессон сигнальную систему от радиоприемника, чтобы не прозевать вызова друзей, Михаил Антоно-

вич часами сидел, держа палец на переключателе автомата, наблюдал, прислушивался. Асфальтовая площадка вокруг «Хиуса» быстро поросла белесыми водорослями. Первые дни Михаил Антонович следил, как сжимается кольцо зарослей. Потом ему каждый раз приходилось в начале наблюдений прорубать окошко в стене растений, опутавших корпус «Хиуса». Тяжело осевший в трясику планетолет был окружен странным и страшным миром этой планеты, лишь по недоразумению носящей имя богини любви и красоты. Атмосфера, состоящая из углекислоты, азота и горячего тумана; ядовитая тяжелая вода, содержащая большой процент дейтериевой и тритиевой воды; влажная жара, доходящая до ста градусов по Цельсию; флора и фауна, один вид которых исключал всякую мысль об употреблении их в пищу...

— Хорошо, что Голконда ваша не похожа на эти болота, — говорил Михаил Антонович Ермакову.

Тот только покашливал в ответ.

В горячем полусумраке венерианского дня блуждали ярко вспыхивающие далекие огоньки, тяжело вздыхала трясина, с шумом лопались стволы чудовищных грибов — выбрасывали дождь скользких светящихся спор. Может быть, это были не споры, но Михаил Антонович сам видел, как эти упругие, величиной с кулак лиловые шарики начинали прорастать белыми щупальцами, падая в трясику. Ветер приносил ярко светящийся туман — мертвенно-синие клубящиеся облака его тяжело оседали в зарослях. Однажды разразилась гроза. Туман наполнился дрожащим зеленоватым заревом, громовые раскаты слились в сплошной грохот, меж поникших стеблей запрыгали струящие огонь голубые мячи шаровых молний, потянуло зноем, и вдруг налетел раскаленный вихрь. «Хиус» раскачивало. Михаил Антонович, придерживаясь за края люка, с изумлением увидел, как стрелка термометра стремительно поднялась, перешагнув за двести. Волна ила ударила в планетолет, далеко отбросила штурмана от люка. Ворочаясь в густой жиже, он долго не мог встать, скользя ногами по грязи, а когда наконец поднялся, не хватало сил закрыть люк. После третьей или четвертой попытки тяжелая крышка под напором ветра сбила его с ног, и он потерял сознание. Очнулся через полчаса, а может, и через час. Ураган стих, кессон был

забит илом, вокруг «Хиуса» намело кучу гниющих водорослей.

На другой день Ермаков сообщил о болезни Дауге. Новость потрясла штурмана. Ему казалось, что это первый удар, тяжелое предзнаменование. Наступала полоса неудач. Венера ополчалась на смелых людей Земли. Несколько часов Михаил Антонович пролежал на койке, глядя в обшитый желтой полимеровой губкой потолок. Вспоминались странные слова Тахмасиба, сказанные им в бреду. Штурмана лихорадило. Термометр показал 39—температуру больного Дауге. Встряхнув градусник, он сел на постели и в полной растерянности вцепился зубами в привычный мундштучок своей пустой трубки. Что же это? Быть может, болезнь уже здесь, в нем, притаилась, выжидает... Товарищи вернутся к пустому, вымершему планетолету и даже не смогут попасть в него. Надо бы на всякий случай держать открытым внешний люк... Да, но если заползет в кессон какая-нибудь дрянь — ведь не выгонишь...

Михаил Антонович вздыхал, сосал свою пустую трубку. Потом, впервые за все время, забрался в каюту-арсенал и осмотрел сигнальные ракеты. Две полуметровые стальные сигары, покрытые толстым слоем смазки, и к ним пусковые устройства — тяжелые треноги с шестом. Надо надеть ракету на этот шест, включить маленький приборчик около стабилизатора — и ракета готова к пуску. А вот здесь — пусковое дистанционное устройство... Сделать все это будет нетрудно. Штурман попробовал приподнять ракету, поднатужился — да, не особенно тяжело, можно и в одиночку... Если начнутся сильные приступы и он останется жив после первого, надо будет выпустить ракеты. *«В двадцать ноль-ноль по времени «Хиуса»*, как было условлено с Ермаковым. А потом будь что будет — открыть внешний люк и ждать. Михаил Антонович поставил треноги; вспотев, насадил на них ракеты, полюбовался общим видом — и у него стало как-то легче на душе.

Прошел долгий венерианский день, наступила ночь. Над болотами снова повис туманный мрак. «Мальчик» уже заканчивает свой поход. Устанавливают пеленгатор на новой площадке, собирают последние образцы. Скоро Михаил Антонович поднимет «Хиус», полетит на пелен-

ги, скоро встреча! Обратный путь до «Циолковского» — и снова встреча! Обратный путь к Земле — и снова встреча, самая радостная!

Михаил Антонович вспоминает свое первое возвращение из Пространства. Цветы, музыка, толпы людей, и среди них — Зоя. Молоденькая совсем — старший лаборант краюхинского института. «Страшный лаборант», — шутил над ней Михаил Антонович и приставал: «Если ты старший лаборант, то каковы же младшие?» Славное, славное время — расцвет импульсных атомных ракет, время, выдвинувшее таких, как Краюхин, Привалов, Соколовский... Время, когда старик Шрайбер в Новосибирске развил идею «абсолютного отражателя» — идею замечательную. Но как ее встретили, эту идею! «Безумный старик! Мракобес-алхимик! Идеалист! Фантаст!» По углам шептались: «Хи-хи!.. Абсолютный отражатель — это, значит, как об стену горох?» «Глупцы, если не хуже!» — сказал тогда о них рассвирепевший Краюхин. Страшный был бой. Краюхина чуть не сняли за нажим. А в результате — вот он, «абсолютный отражатель»: «Хиус» верзус Венус!» (Михаил Антонович исчерпал на две трети свои знания латыни и бодро потер руки.) «Хиус» верзус Венус!» Пока все неплохо! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

На девятнадцатые сутки после ухода «Мальчика» Михаил Антонович почувствовал себя плохо. Он проснулся от звуков чьего-то голоса и, вскочив с койки, долго вглядывался в полумрак каюты, пока не понял наконец, что это был его собственный голос. Голова казалась страшно тяжелой, покалывало тысячами иголок в кончиках пальцев. Снова захотелось прилечь. Он задремал ненадолго и, проснувшись, отыскал градусник. Проверил температуру. Она оказалась нормальной.

«Вставай, подымайся рабочий народ...» — запел он фальшиво и вдруг подумал, что всегда поет по утрам эту песню, если чувствует себя плохо, чтобы обмануть бдительность жены, и что никогда ему еще не приходилось петь ее в экспедициях. Что может быть хуже — заболеть сейчас, в полном одиночестве, в пустом корабле?

Он заставил себя встать и, придерживаясь рукой за ребра стальных шпангоутов в коридоре, прошел в рубку, присел около радиопередатчика. «Мальчик» не отвечал.

— Надо проветриться, — вслух сказал Михаил Антонович. — Я болен, надо проветриться.

Неуверенными шагами он прошел вдоль коридора, остановился перед каютой, где хранились спецкостюмы. Оглянулся: мягким светом сияли матовые шары ламп, на тяжелых металлических стенах еще кое-где темнели бурые пятна — следы рыжей плесени, три недели назад проникшей в планетолет. Михаил Антонович вдруг почти физически ощутил давящую тишину, притаившуюся в пустых коридорах и каютах, — тишину ожидания, тишину одиночества.

— Наверх, наверх, проветриться... — бормотал штурман, натягивая костюм.

До верхнего кессона он добрался с трудом. Шлем лежал на плечах непривычно тяжело, руки с усилием открыли люк. Люк откинулся, и Михаил Антонович скорее упал, чем облокотился на край широкого проема.

Тумана не было. Над головой висела непроглядная тьма, а вокруг, насколько хватал глаз, расстилалась слабо светящаяся равнина.

Он раздвинул липкие стебли водорослей, опутавших корабль, оборвал их со злобой — они мешали смотреть. Мрак, пустота...

— Пустота... — прошептал штурман.

Вдруг он увидел багровое зарево на горизонте. Оно приближалось, росло, пожирало черную тьму. Вскрикнув, Михаил Антонович различил прямо перед собой песчаную пустыню. Посреди этой охваченной ветром равнины стоял гигантский смерч — абсолютно неподвижный, грозный, клубящийся. Видение повисло перед отшатнувшимся штурманом, потом покачнулось, затрепетало и исчезло мгновенно. Только вдали над спинами гор, ставших багровыми, вспыхнуло и погасло пятно света...

...Над болотом снова занималось зарево. Михаил Антонович попятился. Теперь в светящемся тумане взмыли очертания гигантской скалы, верхушка ее ослепительно сверкала белым серебристым налетом. «Снег? При ста градусах?» У основания неподвижно стояли красноватые деревья с плоскими необычными кронами — много, очень много деревьев, лес... Склоны горы были покрыты ими. Красиво...

Штурман зажмурил глаза и снова медленно раскрыл

их. Мрак. Пустота. «Мираж?.. — подумал он. — Мираж или галлюцинация?..»

Михаил Антонович не помнил, как спустился вниз, в жилые отсеки. Голова стала яснее. «Мираж или галлюцинация?» Он взял киноаппарат и вернулся в верхний кесон. Странное видение снова колыхалось перед люком, и он заснял его, истратив несколько десятков метров пленки.

Пленку он проявил немедленно. На кадриках сверхсветосильной пленки четко рисовались кроны деревьев, скала... Да, он вспомнил: миражи земных пустынь тоже фиксируются на пленке. Значит, не только гнусные болота и черные пустыни есть на этой планете.

Михаил Антонович опустил в кресло и долго сидел, глядя прямо перед собой. Пронзительный звон заставил его вздрогнуть: друзья! Он побежал к передатчику. Размеренный голос Ермакова, как всегда, заставил его ободриться. Лучше промолчать обо всех этих волнениях. Мираж миражем, но сегодня после сна он чувствовал недомогание. Кто его знает, какая это болезнь... Может, все-таки, предупредить Ермакова, посоветоваться? Но он не посоветовался. Заговорили о Богдане: опять он не может подойти к рации — экое невезение! Впрочем, скоро конец... План дальнейших действий?.. Лучше всего...

В этот миг пол под ногами штурмана дрогнул и ушел вниз, раздался тонкий свистящий звук. Михаил Антонович, кажется, вскрикнул, потому что Ермаков спросил его, что он сказал. В репродукторе взвыли сирены, захрипело, затарахтело... Михаил Антонович попробовал подняться с кресла, но вторым толчком его сбilo с ног. Падая, он ухватился за край радиоустановки, поволок ее за собой — что-то задребезжало, опрокидываясь и разбиваясь... Землетрясение! Штурман поднялся, окликнул в микрофон Ермакова. В ответ захрипело, заурчало, завывало... Дрогнули, перекосились стены... Взмахнув руками, штурман опять шлепнулся на пол, проехался, пока не оперся спиной о холодный металл пульта управления. Резкий протяжный свист перешел в могучее басовое гудение, оборвался гулким ударом.

С тех пор как планетолет при посадке глубоко зарылся реакторными кольцами в вязкую, илистую почву, не-

престанно сжимались и прогибались под его тысячетонной стальной массой упругие пласты пропитанного водой ила. Ил уступал микрон за микроном, сантиметр за сантиметром и наконец не выдержал. И сейчас громада «Хиуса» тяжело проваливается в бездонную грязевую яму... Товарищи, вернувшись, напрасно будут искать его. Они обнаружат только черную широкую проплешину на том месте, где стоял планетолет... Они погибнут, лишенные всего — воды, кислорода, питания. И самое главное — средств сигнализации... Они не смогут вызвать помощь с «Циолковского».

Михаил Антонович вцепился в край пульта, порываясь встать. Планетолет сильно накренило, он начал заваливаться набок... Через несколько секунд «Хиус» ляжет на борт... может быть, даже перевернется вверх дюзам. Это — смерть! Михаил Антонович наконец добрался до главного пульта, положил руки на рычаги... Вспыхнула радуга лампочек на приборах...

И дрогнула трясина. Колыхнулись белесые джунгли. Тучи голубого пара рванулись из черной дыры в болоте, наполненной горячей жижей... Окруженный ослепительным сиянием, в громовом гуле и вое, подобный огромному членистоногому, пятилапый «Хиус» вынырнул из сипящей трясины, повис на долю мгновения над болотом и взвился в черное небо, оставив за собой широкую — метров шестьдесят в диаметре — асфальтовую площадку, покрытую разбегающимися от центра извилистыми трещинами...

— ...«Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас! Я «Хиус»! «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»! «Хиус» слушает вас. Я «Хиус», слушаю вас. Перехожу на прием...

Михаил Антонович подождал, послушал завывание эфира и выключил рацию. Не отвечают. Молчат уже пять суток. Что случилось? Почему нет сигнала для перехода на новый ракетодром? Неужели...

«Хиус», в крошечной тьме, стоит, упираясь всеми пятью колоннами в надежный каменистый грунт, припорошенный черным песком. «Хиус» — дивная машина. Только «Хиус» с его удивительной простотой управления,

великолепной устойчивостью в полете, с его могучими двигателями мог совершить этот подвиг — перемахнуть через скалы и сесть замечательно точно, не разбиться, несмотря на буйные вихри, несмотря на то что вел его хотя и опытный, но растерявшийся и напуганный пилот. Недаром прошли бессонные ночи Краюхина, Привалова, десятков и сотен людей, вложивших все свое умение, весь свой громадный опыт, всю душу мечтателей и творцов в создание фотонной ракеты. «Хиус» победил там, где любая другая ракета была бы обречена на гибель и валялась бы сейчас, разбитая и изувеченная, грудой стального лома...

А «Хиус» стоит в кромешной тьме, целый и невредимый, если не считать нескольких незначительных приборов и одного комплекта радиооборудования, который разбил, очевидно, сам Михаил Антонович...

«Хиус» стоит, но где? Этого штурман не знает. Впрочем, это неважно. Он часами и сутками просиживает над рацией, вызывая «Мальчика», он ждет сигнала для перехода на новый ракетодром. Но сигнала нет. Что, если его так и не будет? Михаил Антонович встает и принимается шагать по рубке, бессознательно поправляя постоянно сползающие грязные бинты на изрезанных руках.

Если связь не будет налажена, «Мальчик» пойдет к месту прежней посадки. Они будут искать «Хиус». Они не найдут его на болоте. У них мало воды... Так почему же они не дают сигнала? Или сигнал был?

Михаил Антонович напрягал мозг, стараясь осилить предательскую слабость. Спокойно! Спокойно же, черт возьми! Из всякого положения есть по крайней мере два выхода, как говаривает Гриша Дауге. Планетолет цел и невредим — значит, Михаилу Антоновичу ничего не грозит... Впрочем, не в этом дело... Идти на болото? Оставить там знак? Чушь! Десятки километров труднейшей дороги, «Хиус» без присмотра... И где оно, это болото? Куда идти?..

Он хлопнул себя по лбу. Как же можно было забыть? Обе ракеты «в двадцать ноль-ноль любого дня по времени «Хиуса» — так сказал Ермаков. Михаил Антонович спустился в нижний кессон и, распахнув люк, ступил во тьму, полную вязкого ветра. Особенно трудно было спус-

тить вниз сигнальные ракеты. Нужны обе, обязательно обе! Одну Ермаков может не заметить, так он тогда сказал.

Михаил Антонович оттащил ракеты метров на сто от «Хиуса»; надрываясь, шатаясь, волок их под тугим ветром и установил. Сверил по часам и включил стартовые механизмы. Для безопасности следовало подняться в «Хиус», но он не мог найти трап: гибкую лесенку отнесло ветром куда-то в сторону. Михаил Антонович, теряя сознание, залег за толстой реакторной колонной. Он не видел и не слышал, как сигнальные ракеты одна за другой белыми молниями рванулись в небо и там, высоко за тучами, распались в ослепительные огненные шары...

...Вернувшись наконец в планетолет, штурман с трудом заставил себя сбросить спецкостюм, дотащился до своей каюты и упал на койку. Он пролежал в полузабытии несколько часов, затем равнодушно выпил кружку холодного бульона, поднялся в рубку. И только там заметил, что его ручные часы отстают от большого хронометра — безупречного инструмента, работающего на диссоциации металлических молекул, — на двенадцать минут. Он выпустил сигнальные ракеты на двенадцать минут позже установленного срока. Ермаков мог заметить и мог не заметить вспышки... Но у штурмана уже не было сил размышлять о возможных последствиях своей ошибки. Теперь оставалось одно: ждать.

Михаил Антонович вскочил на ноги. Надо быть ослом... нет, надо быть насмерть перепуганным человеком, чтобы упустить из виду другую возможность — простейшую! Ведь можно включить локаторы! Рано или поздно Ермаков запеленгует их и найдет планетолет. Очень просто!..

Он поспешно склонился над пультом управления противометеоритного устройства. Он даже запел что-то легкомысленное, когда засветились серым светом круглые экраны...

С тех пор прошло четверо суток.

— «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»... Берите мой пеленг. Длина волны...

Атмосфера Венеры капризна. Она не всегда про-

пускает радиоимпульсы локатора. Терпение, терпение...

— Я «Хиус», я «Хиус»! Берите мои пеленги на волне...

А что подумали на «Циолковском», если заметили ракеты? Наверное, ходят в трауре, Махов готовит спасательные грузовики с автоматическим управлением, Краюхин, постаревший и угрюмый, сидит в своем кабинете: погибла его мечта, вся цель его жизни — погиб «Хиус»! Ну нет, только не «Хиус»! Чудная, дивная машина!..

— ...Слушаю вас. «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»...

Шли дни за днями. «Мальчик» не приходил, не откликнулся. Значит, беда. Значит, напрасно он ждет, мучается... Нет! Он обязан ждать, они не могут не вернуться...

— «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас. Я «Хиус»... Берите мои пеленги...

На девятые сутки он проверил локатор, проверил комплект питания в спецкостюме, взял автомат и спустился вниз, на твердую каменистую почву под «Хиусом». По небу мчались багровые тучи. Песок здесь был рыжий и мелкий. Ветер гнал его, гудел в наушниках, шевелил заросли сухих растений шагах в двухстах от планетолета. Это были те самые деревья с плоскими кронами... Многие из них казались обожженными, хотя и находились от «Хиуса» более чем в полукилометре.

Михаил Антонович огляделся по сторонам, поправил на шее автомат, погладил шершавую, залепленную ссохшейся грязью поверхность одной из могучих лап и шагнул вперед, к зарослям. Он не мог более ждать. Друзья погибли — это ясно, но он не уйдет отсюда, не уведет «Хиуса» до тех пор, пока не найдет их тел...

Войдя в обгоревшую рощу, он почти сразу наткнулся на трех человек. Один, огромный, полз, извиваясь, как червяк, цепляясь за неровности почвы, и тащил на себе второго, обмотанного грязными тряпками, неподвижного, беспомощного и обмякшего. Третий полз вслед за ними. Вокруг поясицы его была затянута ременная петля, конец ремня тянулся к переднему. Они ползли прямо на застывшего штурмана. И Михаил Антонович, неожиданно потерявший голос, задыхаясь от ужаса и радости, увидел, как тот, что ужом полз впереди, с размаху уда-

рился головой в серебристом шлеме о ствол дерева, застонал и пополз в обход, дальше — упорно, яростно...

Михаил Антонович наконец закричал и бросился к ним. Тогда передний с удивительной быстротой поднялся на колени, в руках его взметнулся автомат.

— Кто? — прохрипел он.

— Алексей! — закричал Михаил Антонович и упал рядом на колени, прижался, заплакал тяжелыми, злыми и радостными слезами...

Под его башмаком, вдавленный в пыль, зашуршал лист бумаги — когда-то белый, теперь заляпанный желтой грязью, мятый, с рваными лохматыми краями. Но на нем еще можно было различить и черную лепешку Голконды, и кольцо болота, и маленький красный кружок юго-восточнее грязевого кратера. Если бы Михаил Антонович знал собственные координаты, он бы сразу увидел, что «Хиус» стоит в этом кружке. Анатолий Борисович Ермаков, командир лучшего в мире планетолета, ошибался редко. Он и здесь ошибся только на несколько километров...

Когда Быков кончил свой рассказ, Михаил Антонович заплакал:

— Товарищи! Родные вы мои! Богдан, Ермаков... — Крупные быстрые капельки бежали по его толстым добрым щекам, застревали в многодневной щетине.

— Не надо... плакать, — с трудом проговорил Юрковский.

Он лежал в кресле рядом с матово-белым закрытым цилиндром, где дремал, плавая в целебном растворе, измученный перевязками и уколами голый Иоганнч.

Глотая слезы, Михаил Антонович переводил глаза с выпуклой крышки цилиндра на лицо Юрковского, черное, как уголь, и на лицо Быкова, почти целиком закрытое темными очками-консервами.

— Не плачь, Михаил, — повторил Юрковский, — лучше еще раз настройся на Голконду...

Алексей Петрович Быков снял очки, когда тонкое и настойчивое «ту-ут, ту-ут, ту-ут» наполнило рубку.

— Маяки, — прошептал он жмурясь. — Наши маяки!.. «Ту-ут, ту-ут, ту-ут...»

Войдя в обгоревшую рощу, он сразу наткнулся на трех человек.

— Мог бы ты, Михаил, идти по этим пеленгам? — шептал Юрковский. Острая, ликующая гордость сверкала в его провалившихся глазах.

— Ну конечно... Ну конечно же! — Толстый штурман тер щеки, а слезы, все такие же крупные и обильные, падали на пульт управления. — Да не то что я — любой новичок сможет!.. Да надень ты очки, Алексей! — страдающим голосом закричал он вдруг. — Опять ослепнуть хочешь?..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут», — несло в пространстве. Над уходящими в бездну пустынями, болотами, над багровыми тучами, над разбитыми кораблями, над изувеченным «Мальчиком», над неизвестной могилой Богдана, над вечно грохочущим жерлом Голконды...

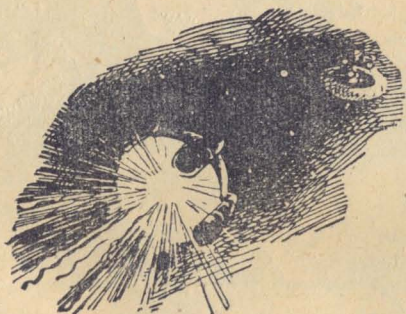
— До «Циолковского» осталось полторы тысячи километров, — сказал Михаил Антонович и полез наконец за платком.

— Не смей плакать, Михаил, — шептал Юрковский. — Дело сделано... Мы... не могли сделать... больше... Но дорога теперь открыта. А мы вернулись. Быков... я... и Гриша.

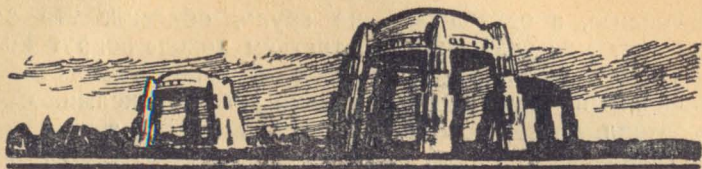
Быков снова надел очки.

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут», — пели далекие маяки.

Конец третьей части

ЭПИЛОГ

Быкову Алексею Петровичу, победителю земных, венерианских и прочая и прочая пустынь, украшению третьего курса Высшей Школы Космогации от недостойного планетолога
Володьки Юрковского

ПРИВЕТ!

Не кажется ли тебе, краснолицый брат мой, что переписка наша носит несколько конвульсивный характер? За последние два с половиной года (поправь меня, если я ошибаюсь) отправлено мною в твой адрес четыре письма, в ответ на каковые получено всего около одного. И это последнее написано весьма размашистым почерком на половине листка школьной тетради. Истории известен только один пример переписки такой же интенсивности, а именно — переписка царя Иоанна Грозного с беглым князем Курбским. История свидетельствует, что высокие стороны ухитрились за семнадцать лет вдвоем написать только шесть писем. Иван написал два, Курбский же — четыре, после чего помер, вероятно от натуги. В наше время люди крепче, и я пишу тебе пятое. Правда, для этого потребовалось большое усилие воли и определенное стечение обстоятельств.

Вчера на медосмотре старший врач Леонтьев, уложив свой первый подбородок на второй, второй — на

остальные, а остальные — на грудь, объявил, что запрещает мне участвовать в третьем походе вокруг Голконды и предписывает заняться лечебной гимнастикой и сочными (ты подумай только!) бифштексами. Сон, спортзал, бассейн, ионный душ, библиотека, а там видно будет. Я не спорил. Всякий спор с Леонтьевым сводится к созерцанию его подбородков, поднятых к потолку, и выслушиванию задумчивой реплики:

«Гм... Никак не могу вспомнить, когда у нас ближайший планетолет на Землю?»

Итак, час назад я проводил ребят в экспедицию и от великой печали решил разразиться письмом. В свое время ты просил меня рассказать, как это было. Помнится, за недостатком времени я посоветовал тебе читать газеты и смотреть популярные телепередачи. Теперь у меня есть время.

Восемнадцать месяцев назад, примерно в те дни, когда ты отдувался на экзаменах, с межпланетной базы «Циолковский» по приказу Краюхина, без помпезных речей и оркестра, снялись три фотонные ракеты типа «Хиус» и с интервалом в полтора часа одна за другой ринулись в розовое марево венерианской атмосферы. Первый планетолет шел под вымпелом Адмирала Безводных Океанов Михаила Антоновича Крутикова. Адмирал, грузный и безукоризненно выбритый, лично встал у пульта управления. Глаза его сияли. Могучий корабль, изрыгая фиолетовый огонь, неся на пеленги маяков ракетодома второго класса Урановая Голконда. Трижды озарилось фиолетовой вспышкой багровое небо. Трижды лопнули тяжелые тучи. Трижды дрогнули смолянистые пески. Пятилапые стальные гиганты, тяжело раскорячившись, стали рядом, зарывшись в щебень реакторными колоннами.

Из них полезли люди в спектролитовых колпаках, автоматические танкетки, землеройные агрегаты, гусеничные вездеходы с герметическими кабинами. Люди разделились. Восемь человек на двух вездеходах, груженых минами, двинулись на восток — рвать скалы, расширять ракетодом, ставить дополнительные маяки. Они скрылись в черном тумане, и вскоре из-за горизонта покотился глухой грохот, взметнулись косматые грибы разрывов.

Двадцать строителей под командой Виктора Гайддымова (того, что строил порт «Большой Сырт» на Марсе) уселись на свои странные машины и не спеша отправились на юг, к горному хребту, планировать, расчищать, котлованить строительную площадку для будущего города-порта. В том же направлении умчались четырехкилометровыми прыжками два ракетомобильчика с астробиологами: любители внеземной флоры и фауны спешили на Горячее болото, трясясь от возбуждения на своих банках с формалином и ящиках для образцов.

Последними солидно и с достоинством ушли мы, геологи. Мы знали себе цену. Начальник группы Павел Николаевич Лин дал команду, и, усевшись в вездеходы, мы отправились на север, к берегам Дымного моря, гоня перед собой стада многоруких роботов — двуногих, шестиногих и на гусеничном ходу. Роботы, натасканные на активные вещества, шли изломанной цепью, на ходу обнюхивая почву, выбирая образцы, записывая, подсчитывая, запоминая и время от времени сообщая нам результаты своих исследований. Они действовали методично и уверенно, и нам уже казалось, что мы будем только складывать в чемоданы готовые открытия. Но в Дымном море произошла заминка.

Роботы столкнулись с полями проклятой малиновой пленки, которая занимает там буквально тысячи гектаров почвы. Радиация оказалась слишком сильной для программы роботов, и они выскочили из Дымного моря как ошпаренные и долго торчали на месте, очумело шевеля щупальцами. Пришлось перестраиваться на ходу, после чего роботы вновь геройски бросились в атаку и натаскали столько красной пленки, что мы не знали, куда от нее деваться. Астробиологам было передано безвозмездно десять тонн этой красно-лиловой дряни. Кстати, оказалось, что наша догадка верна: это действительно колонии микроорганизмов, использующих для жизненных процессов энергию радиоактивного распада. Установлено и несомненное тяготение красной пленки к очагам подземных взрывов. Кое-кто здесь надеется приспособить ее в качестве индикатора, предупреждающего об опасности. Если бы мы знали тогда!

Штурм Голконды начался. Ревели двигатели, бега-

ли люди, носились вездеходы, поднимая облака черной пыли. Где-то уже ссорились, кто-то уже надрывал эфир, предупреждая, что он сюда не в бирюльки играть прилетел, а старший врач Леонтьев уже впрыскивал кому-то арадиатин и гневно вопрошал, когда будет ближайший планетолет на Землю... Через несколько часов «Хиусы» улетели и вернулись с подкреплением; вслед за ними из багровых туч посыпались грузовые ракеты-автоматы, битком набитые материалами, приборами, продовольствием, книгами, одеждой. С каждой минутой рука Человека все крепче сжимала черную глотку Голконды.

И Голконда пала. Голконда подняла лапки. Она ревет, клокочет, пугает багровыми тучами и всяческой пиротехникой, но теперь это уже никого не трогает, кроме новичков. Даже Черные бури не страшны нам больше — наши метеорологи уничтожают их в зародыше водородной бомбардировкой. Там, где мы когда-то укладывали селеновые простыни, теперь раскинулся ракетодом высшего класса. Он принимает и отправляет до ста кораблей в месяц. В пятидесяти километрах к югу, у отрогов хребта, — город. К нему ведут восемь превосходных стекломассовых шоссе. В центре города стоит наш «Мальчик». Его нашли, вырезали из почвы и так, вместе с оплавившимся камнем, поставили на пластметалловый фундамент. На броне вырезали короткую надпись: «Первым». Это памятник Анатолию Ермакову, Богдану Спицыну, Тахмасибу Мехти, его товарищам.

Да, Алеша, Голконда пала! Да что Голконда! Скоро вся Венера будет у ног победителя. Исследуется кольцо тяжеловодных болот и озер вокруг Голконды (до сих пор непонятно, откуда в них берется вода; сначала думали, что эти озера и болота как-то связаны с Голкондой, но два месяца назад большое тяжеловодное озеро было открыто в другом полушарии Венеры, за несколько тысяч километров от нас). Иргенсен высадился на южном полюсе. Там открыта новая страна — необозримые леса красных деревьев, зеленых озер, диких животных, настоящий заповедник странной жизни, скрытый под куполом бешеной стратосферы. Готовится экспедиция на северный полюс. И, если север-

ная полярная шапка Венеры хоть немного похожа на южную, я многое прошу этой планете. А здесь наши экспедиции проникают все дальше в черные пески по ту сторону Кольца Горячих Болот. А я вот вынужден принимать ванны и пожирать бифштексы.

Кстати, о бифштексах.

Недавно я видел Михаила Антоновича. Он рассказывал, что начальник ВШК отзывается о тебе весьма хорошо. Того же мнения о тебе и сам Михаил. Знаешь, эта его манера разговаривать: «Алешенька? Из него будет отличный штурман, о-отличный, вот увидишь!» Очень рад за тебя, краснолицый.

Мне пришлось на полчаса оторваться от письма и выслушать сетования моего соседа, кибернетиста Щербакова. Ты, вероятно, знаешь, что к северу от ракетодрома идет строительство грандиозного подземного комбината по переработке урана и трансуранитов. Люди работают в шесть смен. Роботы — круглые сутки; замечательные машины, последнее слово практической кибернетики. Но, как говорят японцы, обезьяна тоже падает с дерева. Сейчас ко мне пришел Щербаков, злой, как черт, и сообщил, что банда этих механических идиотов (его собственные слова) сегодня ночью растащила один из крупных складов руды, приняв его, очевидно, за необычайно богатое месторождение. Программы у роботов были разные, поэтому к утру часть склада оказалась в пакгаузах ракетодрома, часть — у входа в геологическое управление, а часть вообще неизвестно где. Поиски продолжаются. Я как мог утешил Щербакова (чуть не умер от напряжения, стараясь сохранить серьезный вид) — и вернулся к письму.

Собственно, пора кончать. Перо покоя просит, и меня зовут на процедуры. Хочу только сообщить тебе, что Михаил сейчас откомандирован на Амальтею. Амальтея — это Пятый спутник Юпитера. Сию истину ты, вероятно, узнал в школе, но забыл, конечно. Там сейчас затеваются любопытные вещи. И вообще: ты будешь штурманом, будешь и капитаном корабля, я тебя знаю. Но «*Aspice hoc sublime candens, quem invocant omnes Iovem*», то бишь: «Взгляни на этот возвышенный блеск, который все называют Юпитером». Настоятельно прошу — взгляни! Следующий большой штурм будет там.

Да, Миша говорил мне, что Дауге окончательно оправился и досаждают Краюхину просьбами направить его сюда. Дело, конечно, благородное, но ты постарайся его отговорить при встрече. Пусть подождет, пока мы не насадим здесь сады. А если говорить серьезно, то я просто опасаюсь рецидивов горячки. Но все-таки чертовски хочется видеть вас, бесы окаянные!

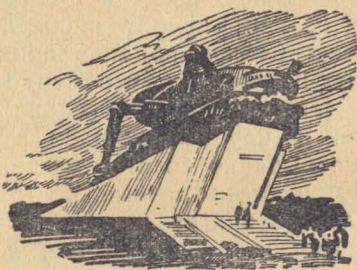
Прощай, краснолицый! Надеюсь, не пройдет и двух лет, как ты напишешь мне.

Большой привет супруге и сынишке. Да поцелуй-ка, брат, супруге ручку.

Твой В. Юрковский

Венера, Порт Голконда

7.02.19.. г.

**Объяснение
научно-технических терминов,
встречающихся в тексте.**

- Беспилотные устройства** — летательные устройства без летчика и экипажа, управляемые автоматически или на расстоянии.
- Инфракрасная пленка** — фотопленка, чувствительная к инфракрасным лучам.
- Радиооптика** — раздел физики, изучающий закономерности генерации, распространения и взаимодействия с веществом радиоволн. Здесь — радиолокационные устройства.
- Телемеханические и кибернетические танкетки-лаборатории** — радиоуправляемые и автоматические аппараты на гусеничном ходу, осуществляющие измерения физических и химических характеристик окружающей среды без непосредственного участия человека.
- Спутники-обсерватории** — искусственные спутники Земли и других планет, предназначенные для проведения различного рода астрономических, физических и метеорологических измерений.
- Самоходные лоты-разведчики** — автоматические устройства, предназначенные для беспосадочных исследований в атмосферах других планет.
- Инфракрасная и электронная оптика** — здесь: исследовательская аппаратура, позволяющая вести наблюдения в инфракрасных лучах и в потоках электронов.
- Ионоскопические устройства** — здесь: исследовательская аппаратура, позволяющая вести наблюдения в пучках ионов — положительно заряженных атомов и молекул.
- Ионизация** — превращение нейтральных частиц (молекул, атомов) какой-либо среды в ионы — частицы, несущие положительные или отрицательные электрические заряды. Одним из видов воздействия, вызывающего ионизацию, является радиоактивное излучение.
- Рассеянные элементы** — группа химических элементов, все атомы которых или подавляющая их часть находятся в земной коре в рассеянном состоянии, не образуя самостоятельных

минералов. К рассеянным элементам относятся, в частности, радий, актиний, протактиний и многие другие.

Актиноиды — элементы III группы периодической системы Менделеева, следующие за актинием, то есть имеющие порядковый номер больше 89. На Земле, кроме тория и урана, актиноиды в природе встречаются либо как рассеянные элементы, либо вовсе не встречаются.

Фотонная ракета — тип ракетного двигателя, использующий в качестве движущей силы световое давление.

Экзосфера — верхний слой атмосферы, из которого молекулы газа могут рассеиваться в мировое пространство.

Фотонно-ракетный привод — устройство (источник светового давления, отражающая поверхность и аппаратура управления) для приведения в движение фотонной ракеты.

Аннигиляция — явление превращения элементарных частиц (обычно пары: электрон-позитрон, протон-антипротон и т. д.), имеющих собственную массу, в другие формы материи — например, в электромагнитное излучение (свет, гамма-лучи).

Антивещество — вещество, атомы которого электрически и магнитно обратны атомам обычного вещества. Антиатомы и античастицы аннигилируют с атомами и частицами, превращаясь в электромагнитное излучение.

Плазма — состояние вещества, при котором атомы полностью ионизированы и электроны свободны. Плазма представляет собой ядерно-электронный газ.

Термоядерный синтез — вид ядерной реакции, синтез легких ядер в более тяжелые (например, синтез ядер легкого и сверхтяжелого водорода в ядра гелия), при котором выделяется значительное количество энергии.

Фобос — один из двух естественных спутников Марса.

Ультракоротковолновые импульсы — здесь: кратковременные (по сравнению с продолжительностью накопления энергии) повторяющиеся посылки электромагнитных излучений очень высоких частот (более 30 мегагерц — 30 миллионов колебаний в секунду).

Рентген — единица дозы радиоактивного излучения.

Вибробур — аппарат для бурения, использующий механические колебания высокой частоты для ослабления или полного нарушения связи между частицами (зернами) вещества.

Клиренс — расстояние между грунтом и днищем гусеничной машины.

Воспроизводящий реактор — атомный реактор, в котором ядерное топливо, «выгорая», превращается в другой вид ядерного топлива.

Инфракрасный проектор — вид устройства для видения в инфракрасных лучах, позволяющий вести наблюдения в темноте.

Ультразвуковая пушка — генератор мощного направленного луча ультразвука; может быть использован для разрушения препятствий, а также для дезинфекции.

Дозиметр — прибор для измерения дозы ионизирующего (радиоактивного) излучения и активности радиоактивных образцов.

Радиометр — прибор, регистрирующий (в зависимости от его

типа) альфа, бета или гамма излучения. Используется для поисков и разведки радиоактивных ископаемых.

Эффект Доплера — изменение длины световой волны, воспринимаемой наблюдателем или прибором, при движении источника света или наблюдателя относительно друг друга. Величина этого изменения зависит от скорости источника или наблюдателя; при сближении источника и наблюдателя длина волны сокращается, а при удалении — увеличивается, что дает возможность определить скорость и направление относительного движения.

Прямоточный фотонный двигатель — вид фотонно-ракетного привода, использующий в качестве горючего космическую пыль и газы, которые этот двигатель захватывает при движении в пространстве.

Фотонный привод на аннигиляции — вид фотонно-ракетного привода, использующий в качестве источника энергии процессы аннигиляции антивещества.

Релятивистская механика — механика, учитывающая законы теории относительности. Закономерности релятивистской механики являются более общими, чем закономерности обычной, классической механики, которые применимы лишь для скоростей, малых по сравнению со скоростью света.

Космогация — теория и практика межпланетных (межзвездных) перелетов.

Трансураниды — элементы с порядковыми номерами (по таблице Менделеева) большими, чем порядковый номер урана = 91. На Земле все трансураниды получают искусственно.

Тритий и дейтерий — соответственно сверхтяжелый (атомный вес 3) и тяжелый (атомный вес 2) изотопы водорода. Их ядра (тритоны и дейтроны) служат горючим для термоядерных реакций.

ТЯЭС — термоядерная электростанция.

Планктон — организмы, населяющие толщу океанской воды и переносимые течениями. Планктон состоит из одноклеточных водорослей, простейших кишечнополостных, моллюсков, ракообразных, оболочников, всякого рода личинок и т. д. Планктон представляет громадный интерес, как неисчерпаемый запас готового природного белка.

Глицериновые анестезаторы — устройства в межпланетных кораблях (глицериновые ванны с пониженной температурой), позволяющие межпланетникам легко переносить разного рода перегрузки, а также впадать в род каталептического сна, при котором жизненные отправления организма сводятся к минимуму.

Ионизаторы — здесь: устройства для искусственного повышения концентрации отрицательных ионов в воздухе. Увеличение содержания отрицательных ионов чрезвычайно благотворно для дыхания и здоровья человека.

Такыр — плоские глинистые равнины в пустынях и полупустынях Средней Азии.

Тяжелая и сверхтяжелая вода — вода, в молекуле которой легкий водород Н замещен соответственно дейтерием D или тритием Т.

Период полураспада — одна из характеристик радиоактивного вещества; время, в течение которого распадается половина всех атомов этого радиоактивного вещества.

Дезактивация — удаление радиоактивных загрязнений из воды, воздуха и с поверхности предметов.

Экспресс-лаборатория — здесь: автоматическая лаборатория, непрерывно производящая анализ различных данных о физических и химических свойствах окружающей среды.

Ионообменные поглотители — здесь: устройства, предназначенные для удаления из жидкости растворенных в ней радиоактивных веществ. Действие их основано на свойстве некоторых химических соединений (ионитов) обменивать свои ионы на ионы окружающего раствора.

Тротиловый эквивалент — мощность взрывного действия ядерной взрывчатки в пересчете на мощность взрыва соответствующего количества тротила.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть первая. Седьмой полигон . . . . .</i>	<i>5</i>
Серьезный разговор	7
Экипаж «Хиуса»	16
На пороге	30
Будни	43
Испытание огнем	62
«Хиус» возвращается	76
«Как аргонавты в старину...»	90
<i>Часть вторая. Пространство и люди . . . . .</i>	<i>103</i>
Краюхин	105
Космическая атака	117
Сигнал бедствия	130
Венера с птичьего полета	149
«Жизнь наша полна неожиданностей...»	160
<i>Часть третья. На берегах Урановой Голконды . . . . .</i>	<i>169</i>
На болоте	171
Красное и черное	188
Венера показывает зубы	201
На берегах Дымного моря	217
День рождения	232
Последнее слово Голконды	248
Сто пятьдесят тысяч шагов	261
«Хиус» верзус Венус»	268
Эпилог	285
<i>Объяснение научно-технических терминов, встречающихся в тексте . . . . .</i>	<i>291</i>

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Стругацкий Аркадий Натанович

Стругацкий Борис Натанович

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ

Ответственный редактор

И. М. Кассель

Художественный редактор

Н. Г. Холодовская

Технический редактор

Т. М. Токарева

Корректора

В. Л. Данилова и Т. П. Лейзерович

Подписано к печати с матриц 11/II 1960 г.

Формат 84×108¹/₃₂ — 18,5 печ. л. = 15,2 усл.

печ. л. (14,74 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз.

Цена 6 р. 95 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.

Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 3224.

M-9

Q

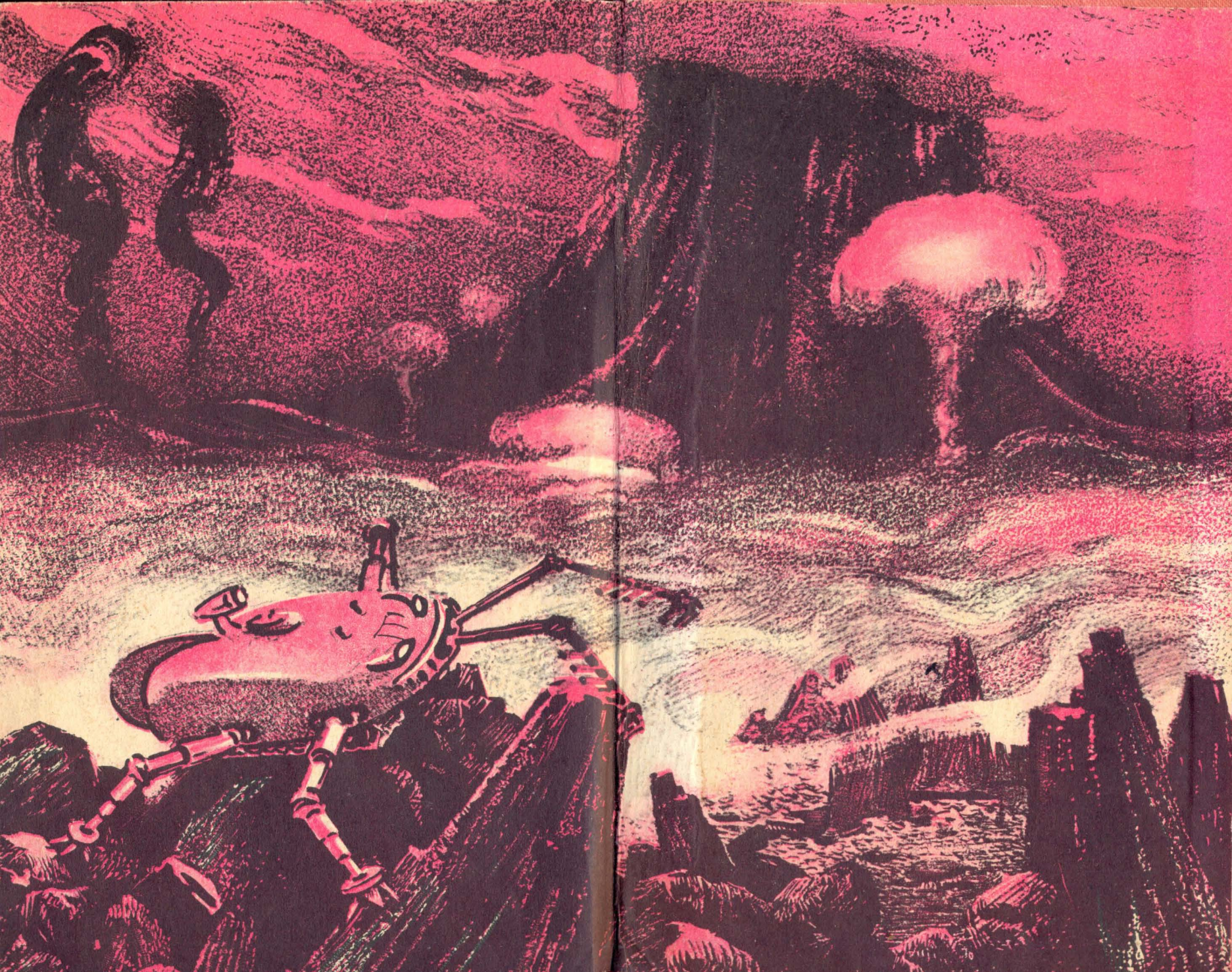
1800/20

Q-9

1-20

5454/38

6p. 95k.